

Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова

Гуманитарно-педагогические исследования

*Научный журнал
(издается с 2017 г. четыре раза в год)*

2023 Т. 7 № 3

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова», 2023

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – регистрационный номер ПИ № ФС77-79220 от 22.09.2020.

Учредитель - Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (д. 38, пр. Ленина, г. Магнитогорск, Челябинская обл., Россия, 455000).

16+ в соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ от 29.12.2010.

Адрес редакции: д. 26, пр. Ленина, к.12А, г. Магнитогорск, Челябинская область, 455000.
Тел. 8(3519) 229961. E-mail: igo@magtu.ru

В оформлении обложки номера использовался фотоколлаж А. В. Андреева

Научная подготовка выпусков журнала осуществляется преподавателями Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова».

Адрес издателя:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 45/2,
ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г. И. Носова», издательский центр

Адрес типографии:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38,
ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г. И. Носова», участок оперативной полиграфии
Выход в свет 28.09.2023. Заказ 333. Тираж 500 экз. Ценасвободная

Nosov Magnitogorsk State Technical University

Humanitarian and pedagogical Research

Scientific Journal
(published since 2017 four times a year)

2023 VOL. 7 No. 3

© Federal State Budgetary Institution of Higher Professional Education
Nosov Magnitogorsk State Technical University, 2023

The journal is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications – registration number PI No. FS77-79220 dated 2020.09.22.

Founder -Nosov Magnitogorsk State Technical University (38, Lenin St., Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, 455000).

16+ in accordance with Federal Law #436-FZ dated 29.12.2010.

Editorial office: 26, Lenin St., 12A. Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, 455000, Phone: +7(3519) 229961, E-mail: igo@magtu.ru.

A photo collage by Arseniy Andreev is used in the design of this issue cover.

The scientific preparation of the journal is carried out by the lecturers of the Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University.

Editorial office:

45/2 Karla Marksa prospekt, Magnitogorsk, Chelyabinsk region, 455000, Russia
Nosov Magnitogorsk State Technical University

Printing office:

38 Lenin prospekt, Magnitogorsk, Chelyabinsk region, 455000, Russia
Nosov Magnitogorsk State Technical University

Publication date: 28.09.2023. Order 333. Circulation: 500. Open price.

Редакционная коллегия

Главный редактор – д-р филол. наук *Абрамзон Татьяна Евгеньевна* (Магнитогорск)
Зам. главного редактора – д-р пед. наук *Елена Николаевна Ращикюлина* (Магнитогорск)
Ответственный редактор – канд. филол. наук *Светлана Леонидовна Андреева* (Магнитогорск)
Технический редактор – *Чурилов Владимир Васильевич* (Магнитогорск)

Редакционный совет

Раздел I. Образование и педагогические науки

Бобыкина Ирина Александровна – д-р пед. наук (Челябинск)
Гневэк Ольга Владимировна – д-р пед. наук (Магнитогорск)
Кружилина Тамара Васильевна - д-р пед. наук (Магнитогорск)
Лешер Ольга Вениаминовна – д-р пед. наук (Магнитогорск)
Орехова Татьяна Федоровна – д-р пед. наук (Магнитогорск)
Павлова Любовь Владимировна – д-р пед. наук (Магнитогорск)
Пономарева Любовь Дмитриевна - д-р пед. наук (Магнитогорск)
Савва Любовь Ивановна – д-р пед. наук (Магнитогорск)
Сайгушев Николай Яковлевич - д-р пед. наук (Магнитогорск)
Кувшинова Ирина Александровна - канд. пед. наук (Магнитогорск)
Испулова Светлана Николаевна - канд. пед. наук (Магнитогорск)

Раздел II. Общественные науки

Джустини Мария Тереза - проф. (Кьети, Италия)
Дубинин Сергей Николаевич - д-р психол. наук (Костанай, Казахстан)
Желеску Петр Степанович - проф., доктор психол. наук (Кишинев, Молдова)
Потемкина Марина Николаевна - д-р ист. наук (Магнитогорск)
Коробков Юрий Дмитриевич – д-р ист. наук (Магнитогорск)
Маралов Владимир Георгиевич – д-р психол. наук (Череповец)
Мусийчук Мария Владимировна - д-р филос. наук (Магнитогорск)
Филатов Владимир Викторович – д-р ист. наук (Магнитогорск)
Макарова Надежда Николаевна - канд. ист. наук (Магнитогорск)
Чернобровкин Владимир Александрович - канд. филос. наук (Магнитогорск)
Мережников Андрей Петрович – канд. психол. наук (Магнитогорск)

Раздел III. Филологические науки

Антропова Людмила Ильинична – д-р филол. наук (Магнитогорск)
Воролицева Татьяна Александровна – д-р филол. наук (Челябинск)
Жунусова Жаныл Ныгизбаевна – д-р филол. наук (Нур-Султан, Казахстан)
Исакова Сабир Сагынбековна - д-р филол. наук (Актобе, Казахстан)
Песина Светлана Андреевна – д-р филол. наук (Магнитогорск)
Питина Светлана Анатольевна – д-р филол. наук (Челябинск)
Савельев Константин Николаевич – д-р филол. наук (Магнитогорск)
Чурилина Любовь Николаевна – д-р филол. наук (Магнитогорск)
Шулежкова Светлана Григорьевна – д-р филол. наук (Магнитогорск)
Безруков Андрей Николаевич – канд. филол. наук (Бирск)
Емец Татьяна Владимировна - канд. филол. наук (Магнитогорск)
Пустовойтова Ольга Васильевна - канд. филол. наук (Магнитогорск)

Редактор части журнала на английском языке

Ломакина Екатерина Александровна - канд. филол. наук (Магнитогорск)
Лукина Оксана Анатольевна - канд. пед. наук (Магнитогорск)

Editorial team

Editor-in-Chief – *Tatiana E. Abramzon*, Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Deputy editor-in-chief – *Elena N. Rashchikulina*, Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Managing editor - *Svetlana L. Andreeva*, Candidate of Philology (Magnitogorsk, Russia)
Technical Editor – *Vladimir V. Churilov* (Magnitogorsk, Russia)

Editorial Council

Section I. Education and Pedagogical Sciences

Irina A. Bobykina – Doctor of Science in Pedagogy (Chelyabinsk, Russia)
Ol'ga V. Gnevек – Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Tamara V. Krujilina – Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Olga V. Leshер - Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Tatiana F. Orehova – Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Ljubov' D. Ponomareva – Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Lyubov V. Pavlova – Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Lyubov' I. Savva – Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Nikolai N. Saigushev – Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Irina A. Kuvshinova – Candidate of Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Svetlana N. Ispulova - Candidate of Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)

Section II. Social Sciences

Maria Teresa Giusti - Adjunct Professor of Contemporary History and Social History, PhD Dpt. of Literature, Arts and Social Sciences (Chieti, Italy)
Sergey N. Dubinin - Doctor of Science in Psychology (Kostanay, Kazakhstan)
Petru Jelescu - Doctor of Science in Psychology (Kishinev, Republica Moldova)
Marina N. Potemkina - Doctor of Science in History (Magnitogorsk, Russia)
Yuriy D. Korobkov - Doctor of Science in History (Magnitogorsk, Russia)
Vladimir G. Maralov - Doctor of Science in Psychology (Cherepovets, Russia)
Maria V. Musiychuk - Doctor of Science in Philosophy (Magnitogorsk, Russia)
Vladimir V. Filatov – Doctor of Science in History (Magnitogorsk, Russia)
Nadezhda N. Makarova - Candidate of History (Magnitogorsk, Russia)
Vladimir A. Chernobrovkin - Candidate of Philosophy (Magnitogorsk, Russia)
Andrey P. Merezhnikov - Candidate of Psychology (Magnitogorsk, Russia)

Section III. Philology

Ludmila I. Antropova – Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Zhanyl N. Zhunussova – Doctor of Science in Philology (Nur-Sultan, Kazakhstan)
Tatyana A. Vorontsova – Doctor of Science in Philology (Chelyabinsk, Russia)
Sabira S. Issakova - Doctor of Science in Philology (Aktobe, Kazakhstan)
Svetlana A. Pesina – Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Svetlana A. Pitina – Doctor of Science in Philology (Chelyabinsk, Russia)
Konstantin N. Savelyev - Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Lyubov N. Churilina – Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Svetlana G. Shulezhkova – Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Andrei N. Bezrukov – Candidate of Philology (Birk Russia)
Tatiana V. Emets – Candidate of Philology (Magnitogorsk, Russia)
Olga V. Pustovoitova - Candidate of Philology (Magnitogorsk, Russia)

Editor of the issue of the journal in English

Yekaterina A. Lomakina - Candidate of Philology (Magnitogorsk, Russia)
Oxsana A. Lukina – Candidate of Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

I. ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	6
МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	6
<i>А. Л. Солдатченко</i>	
АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ СИТУАЦИИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ.....	6
ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ (ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ)	13
<i>А. М. Барышникова, Ю. В. Барышникова</i>	
ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ В ВУЗЕ	13
II. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ	21
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	21
<i>В. В. Филатов</i>	
УСЛОВИЯ ПРОЖИВАНИЯ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В УРАЛЬСКОЙ ССЫЛКЕ В НАЧАЛЕ 1930- х ГОДОВ.....	21
<i>А. Г. Иванов</i>	
КРАУДСОРСИНГ В ЦИФРОВЫХ ПРОЕКТАХ В ОБЛАСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ И КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ: ЗАРУБЕЖНЫЕ ПРАКТИКИ.....	31
<i>К. Н. Карабаева</i>	
ЖЕНЩИНЫ КЫРГЫЗСТАНА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ (1991–2021)	39
III. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	45
ЯЗЫКОЗНАНИЕ	45
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА	45
<i>К. Колар</i>	
HVALA (TI/VAM), ZAHVALJUJEM, TENKS: _ОПРЕДЕЛЕНИЕ ХОРВАТСКИХ ВЕРБАЛЬНЫХ МАРКЕРОВ ВЕЖЛИВОСТИ.....	45
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	50
<i>Е. А. Черемина</i>	
ПОЗИТИВНОЕ МЫШЛЕНИЕ В ФИЛОСОФИИ И ЛИТЕРАТУРЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА	50
<i>М. А. Жиркова</i>	
ВОСПРИЯТИЕ ОБРАЗА ТАТЬЯНЫ ЛАРИНОЙЙ ГЕРОЯМИ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА В РАССКАЗЕ САШИ ЧЕРНОГО «БУБА».....	55
ПАМЯТКА АВТОРАМ	61

CONTENTS

SECTION I. EDUCATION AND PEDAGOGICAL SCIENCES6

Soldatchenko A. L.

Axiological Situations as a Means of Forming Value Orientations in Undergraduates.....6

Baryshnikova A.M., Baryshnikova Yu.V.

Intercultural Competence as the Goal of Intercultural Education..... 13

SECTION II. SOCIAL SCIENCES.....21

Filatov V. V.

Residential Conditions for Special Settlements in the Ural Exile in the Early 1930s.....21

Ivanov A. G.

Crowdsourcing in Digital Projects in the Field of Historical Heritage and Collective Memory.....31

Karabaeva K. N.

Women of Kyrgyzstan in the Conditions of Transformation of Socio-cultural Processes (1991–2021).....39

SECTION III. PHILOLOGY 45

Kolar K.

Hvala (Ti/Vam), Zahvaljujem, Tenks: Identifying Croatian Verbal Politeness Markers..... 45

Cheremina E. A.

Positive Thinking in the Philosophy and Literature of Postmodernism.....50

Zhirkova M. A.

Tatiana Larina Image Perception by the Twentieth-Century Literature Characters in Short story «Buba» by Sasha Cherny.....55

INFORMATION FOR THE AUTHOR.....61

УДК: 378.147:[378.03:316.752]

DOI: 10.18503/2658-3186-2023-7-3-06-12

А.Л. Солдатченко (Магнитогорск, Россия)

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ СИТУАЦИИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ

Аннотация. Актуальность исследования обосновывается общемировой тенденцией, связанной с отходом стран от устаревшей однополярной системы мироустройства и становлением новой многополярной модели мирового порядка, в которой Россия играет важную роль. В то же самое время недружественные государства предпринимают активные нападки на государственный суверенитет Российской Федерации, устраивают информационные диверсии, пытаются осуществить «вестернизацию» традиционных российских духовно-нравственных, культурных и исторических ценностей, насадить чуждые российскому обществу идеалы. В изменившихся геополитических условиях современной системой образования должно быть обеспечено формирование специалиста, который является не только профессионалом, востребованным на рынке труда, но и эффективно выполняет социальные функции, будучи патриотом, что невозможно без наличия у него сформированной системы ценностных ориентаций, составленной на традиционных российских ценностях. Предметом данного исследования обозначены аксиологические ситуации. Цель состоит в разработке комплекса аксиологических ситуаций, обеспечивающих формирование ценностных ориентаций будущих бакалавров в современных геополитических условиях. Результаты исследования могут быть использованы в учебно-воспитательном процессе вуза для формирования у будущих бакалавров ориентаций на традиционные российские ценности. Социальную значимость полученных результатов автор видит в том, что данные ценностные ориентации студентов способствуют укреплению гражданского самосознания, росту социальной активности, вовлеченности в решение насущных задач на местном и государственном уровне, сохранению российской самобытности, исторической памяти и культуры, служат основой патриотизма. Новизна исследования заключается в разработке оригинального комплекса аксиологических ситуаций; определении структуры аксиологической ситуации; предложенном алгоритме работы с данными ситуациями; выявлении этапов их реализации и методов, применяемых на каждом этапе работы; в обозначении функций, выполняемых аксиологическими ситуациями в учебно-воспитательном процессе вуза.

Ключевые слова: ценностные ориентации будущих бакалавров, ценности, аксиологические ситуации, формирование ценностных ориентаций, структура аксиологической ситуации, этапы реализации, функции аксиологических ситуаций.

Введение

Настоящее научное изыскание представляется актуальным в силу того, что на глобальном уровне наблюдаются трансформации в современном мироустройстве, вызванные становлением многополярного мира. В то же самое время в России фиксируются экономические изменения, среди которых следует отметить переход к цифровой экономике, развитие импортозамещения, установление более тесного сотрудничества с дружественными странами.

Успешное решение стоящих перед нашей страной экономических, политических, социальных задач требует комплексного задействования соответствующих инструментов на всех уровнях, включая аксиологический. Данное положение нашло отражение в Указе Президента Российской Федерации, в котором подчёркивается необходимость осуществлять защиту российского общества и его традиционных ценностей от воздействия «внешней идейно-ценностной экспансии»¹. Следовательно, можно сделать вывод, что в изменяющихся геополитических условиях к системе высшего образования предъявляются новые требования в отношении тех качеств личности, которые необходимы будущим бакалаврам для эффективной самореализации в профессиональной деятельности. Как показывает реальная практика, сегодняшним выпускникам вузов, чтобы быть востребованными на рынке труда, наряду с профессиональными компетенциями необходимо иметь систему сформированных ценностных ориентаций, обеспечивающих соответствующую современным условиям направленность

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Администрация Президента России. 2023 [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (дата обращения: 22.04.2023).

их профессиональной деятельности, которая имеет социальную значимость и общественную полезность, приносит им не только личную выгоду, но также является благом для их Родины и способствует защите ее интересов.

На данный момент имеется в наличии достаточно широкий спектр педагогических исследований, результаты которых могут быть использованы для разработки комплекса аксиологических ситуаций с целью формирования системы ценностных ориентаций у будущих бакалавров. В этой связи следует отметить научные труды А. В. Кирьяковой [5], в которых рассматриваются механизмы и процессуальные особенности ориентации личности в сфере ценностей. В работах М. В. Костюченко и А. Л. Солдатченко [10; 11] делается акцент на связи ценностных ориентаций с самоопределением и социальной зрелостью. В исследованиях Н. Х. Вороковой [2], О. С. Карповой [4], Н. Н. Мироненковой [7] раскрывается деятельностный аспект ценностной ориентации обучающихся, а также рассматриваются различные возможности использования педагогических ситуаций в процессе обучения и воспитания. Анализируя такие ситуации, Н. Х. Ворокова [2], Т. Н. Дегтярёва [3], Н. Н. Мироненкова [7], Н. В. Сопова [13] демонстрируют единодушие относительно их отличительных особенностей, в качестве которых выступают ценностная направленность, проблемность и вариативность, допускающая возможность выбора решений. Для нашего исследования интерес представляют работы таких авторов, как Ю. П. Брюхова [1], Н. Х. Ворокова [2], Т. Н. Дегтярёва [3], О. С. Карпова [4], которые занимаются разработкой аксиологических ситуаций в контексте общего и среднего специального образования.

Проведенный нами анализ публикаций дает основание предполагать возможность использования аксиологических ситуаций как средства формирования ценностных ориентаций будущих бакалавров с учетом особенностей их профессиональной подготовки в системе высшего образования.

Прежде всего представляется необходимым определить содержание базовых понятий нашего исследования – «ценность» и «аксиологическая ситуация».

1. Понятие «ценность» и «аксиологическая ситуация»

Понятие «ценность» является сложным, многоаспектным в силу своего междисциплинарного характера, что является одной из главных причин отсутствия одного общепринятого определения. В данной статье ценности трактуются как явления действительности, обладающие положительной значимостью для обучающихся и общества, служащие жизненными ориентирами, на основе которых вырабатывается отношение к окружающему миру. В предложенном определении подчеркнем важность положения о том, что личностная значимость ценностей потенциально позволяет будущим бакалаврам использовать эти ценности в качестве жизненных детерминант, направляющих деятельность и выступающих основой для выстраивания отношений с социальной средой.

Ценности определяют жизнь и деятельность будущих бакалавров в том случае, если они усваиваются и принимаются ими, становясь ценностными ориентациями. Для этого студенты ранжируют ценности по степени значимости, выстраивая тем самым индивидуальную систему ценностных ориентаций, в которой ценности обуславливаются позитивным или негативным значением феноменов социальной действительности, связанных для обучающихся с выбранными ими ценностями.

В качестве основания использования аксиологических ситуаций как средства формирования у будущих бакалавров ценностных ориентаций мы используем подход А. В. Кирьяковой к механизмам ориентации личности в системе ценностей. По ее мнению, процесс ориентации личности в системе ценностей состоит из четырех этапов: «поиска – оценки – выбора – проекции» [5]. В нашем исследовании эти этапы соответственно названы: 1) поиск ценностей, 2) оценивание найденных ценностей, 3) выбор ценностей; 4) проекции выбранных ценностей в различные жизненные ситуации и деятельность. В данной статье описывается использование аксиологических ситуаций как средства формирования ценностных ориентаций будущих бакалавров. При этом аксиологическая ситуация понимается нами как фрагмент образовательной среды вуза, представляющей собой целенаправленно сконструированную преподавателем комбинацию обстоятельств и условий на определенном этапе жизни и деятельности будущего бакалавра. Основой аксиологической ситуации служит ценностное противоречие, имеющие личностное значение для обучающегося, которое он разрешает в результате выполнения ценностно-ориентационной деятельности.

2. Структура аксиологической ситуации

Руководствуясь мнением Н. В. Соповой [13, с. 15–16], структурные компоненты аксиологической ситуации мы обозначим следующим образом: *субъектом* выступает будущий бакалавр, выполняющий ценностно-ориентационную деятельность; *объектом* является дескриптивная семиотическая

модель ситуации проблемного характера, в основе которой лежит решение задачи на конфликт, столкновение ценностей; *целью* ситуации становится решение задачи по устранению имеющихся противоречий.

В процессе работы с аксиологической ситуацией будущие бакалавры неизбежно сталкиваются с *препятствием* в виде недостатка опыта в том, как сделать ценностный выбор в различных ситуациях ценностно-ориентационной деятельности. Среди широкого спектра способов разрешения аксиологических ситуаций наиболее эффективными, как показывает наш опыт, являются следующие:

- неожиданное обнаружение противоречия при выполнении ценностного ориентирования;
- предъявление несопадающих мнений по одному и тому же вопросу;
- разбор ценностной ситуации с последующими выводами;
- изучение фактического материала;
- формулировка обобщающих, конкретизирующих вопросов, предоставление обоснований, объяснение логики суждения;
- постановка и решение задач, основанных на проблеме;
- урегулирование аксиологических противоречий;
- анализ ценностей под различными углами зрения.

При этом объекты материальной и духовной культуры используются в качестве *средств* конструирования ситуаций, в частности, весьма продуктивным следует признать привлечение духовно-нравственных идеалов, литературных, музыкальных, кинематографических произведений, произведений изобразительного искусства и др. В подавляющем большинстве случаев аксиологические ситуации предполагают выбор будущими бакалаврами ценностей, позволяющих разрешить моральные, нравственные и духовные проблемы.

3. Комплекс аксиологических ситуаций

Классифицируя виды аксиологических ситуаций, мы руководствовались спецификой ценностного ориентирования, выявленной А. В. Кирьяковой [5] в процессе анализа этапов ценностно-ориентационной деятельности и соответствующих им этапов формирования системы ценностных ориентаций у будущих бакалавров. Мы будем различать пять видов – поисковый, оценочный-эвристический, выборочный, проекционный, переоценочный.

В первую группу аксиологических ситуаций входят поисковые ситуации. Они создаются с целью поиска и выявления будущими бакалаврами новых ценностей, в качестве которых выступают цели, отношения, качества, знания, умения, предметы. Преподаватель целенаправленно конструирует данные ситуации, актуализируя различные ценностные аспекты. Такими аспектами, например, Г. К. Селевко считает демонстрацию неизвестных ценностей, рассмотрение различных социокультурных процессов, явлений и объектов с аксиологических позиций, предъявление разнообразных взглядов на известные студентам ценности, показ взаимообусловленности ценностей и областей жизни и деятельности, в которые вовлечены будущие бакалавры, представление роли ценностей в личностном становлении студентов [8, с. 224]. Работа с поисковыми ситуациями предполагает большую инициативу со стороны преподавателя, который осуществляет руководящую роль, при самостоятельной активности обучающихся, которая сведена к усвоению разъяснений преподавателя, осмыслению предлагаемых им шаблонов решения аксиологических проблем с их последующей репродукцией. Используя проблемное изложение и демонстрацию, преподаватель предлагает студентам формулировку и образец решения аксиологической проблемы, в то время как будущие бакалавры выполняют поиск ценностей и занимаются их изучением. При использовании ситуаций данного вида наиболее эффективным, как показывает наш опыт, оказывается частично-поисковый метод.

Вторую группу аксиологических ситуаций составляют оценочно-эвристические ситуации, направленные на оценивание обучающимся ценностей, обнаруженных в ходе работы с поисковыми ситуациями, а также на формирование эмоционально окрашенного отношения к выявленным ценностям. Данные ситуации призваны стимулировать определение будущими бакалаврами важности и значимости выявленных ценностей на основе их анализа и синтеза. Оценочно-эвристические ситуации также обеспечивают студентам большую самостоятельность при их решении. Повышение самостоятельности достигается за счёт того, что обучающимся приходится работать с известными ценностями, но применять наличные знания в новых условиях. Постановка проблем осуществляется преподавателем, а задача обучающихся состоит в нахождении способов их решения с помощью преподавателя. В ситуациях данного типа основой для принятия решения служит оценка ценностей, производимая посредством их сравнения друг с другом, установления их важности на социальном, личностном, культурном, духовном, моральном уровнях. В результате решения проблем в данных ситуа-

циях студенты приобретают полное представление о комплексном содержании каждой оцениваемой ценности в культурном, социальном, историческом, индивидуально-личностном планах. Оценочно-эвристические ситуации позволяют использовать обнаруженную недостаточность знаний обучающихся для стимулирования их познавательной деятельности. Преподаватель обеспечивает педагогическое сопровождение оценки будущими бакалаврами ценностей. Однако он изначально не задаёт результаты, которые должны получить студенты по завершении деятельности. Основой при создании оценочно-эвристических ситуаций являются задания открытого типа, например: «Определите происхождение ценностей», «Изучите структуру ценности». Как отмечает Г. К. Селевко, задания открытого типа отличаются наличием нескольких вариантов решения, отсутствием единственно верных ответов, а получаемые результаты характеризуются разнообразием, нестандартностью, индивидуальностью, оригинальностью [8, с. 662–664]. Имеющийся у нас опыт показывает, что при разрешении ситуаций данного вида наиболее целесообразно применять эвристический метод.

К третьей группе аксиологических ситуаций относятся ситуации выбора. Как отмечает Т. Н. Дегтярёва, данные ситуации предназначены для организации процесса отбора студентами выявленных и оцененных в ходе работы с предшествующими типами ситуаций ценностей, которые они используют для становления личной консистентной системы ценностей [3, с. 14]. При работе с ситуациями ценностного выбора будущие бакалавры на основе детального изучения ценностей осуществляют их ранжирование по степени значимости, осознанно отдают предпочтение отдельным ценностям, вводят их в собственную ценностную систему и проявляют готовность к применению данной системы на практике при выполнении различных видов деятельности. В. Л. Сигова подчеркивает, что при организации работы обучающихся преподавателю следует помнить, что только значимые и актуальные в личностном и жизненном отношении ситуации превращаются для студентов в ситуации выбора [9, с. 48]. При создании ситуаций выбора варьируется степень: свободы выбора, обязательности его осуществления, сознательности или интуитивности, обязанности отвечать за его последствия, готовности сделать выбор, а также количество времени выделенного для выбора времени и лиц его осуществляющих. Ситуации выбора отличаются тем, что в их основе лежит аксиологическое противоречие, в центре которого находится конфликт, разногласие, отрицание, неожиданность, допущение, неоднозначность, опровержение, неопределённость. Для решения заложенных в ситуациях противоречий будущим бакалаврам необходимо выбрать ценности, ранжировать их, ликвидировать расхождения в системе ценностей, определить необходимость включения или вывода ценностей из собственной системы. Ситуации выбора предполагают большую самостоятельность студентов в ходе их решения, чем оценочно-эвристические ситуации, что достигается посредством выполнения заданий репродуктивно-поискового типа, требующих, по мнению Г. К. Селевко, от студентов самостоятельного выбора ценностей, исходя из предварительной их оценки, а также аргументации оправданности сделанного выбора [8, с. 223]. Помощь преподавателя сводится к минимуму, тогда как будущие бакалавры сами находят решение проблем. При этом проблемы ставятся не только преподавателем, но и студенты предлагают их формулировки в отдельных случаях. В процессе работы с данными ситуациями, мы применяем метод анализа конкретных ситуаций и проектный метод.

Четвертая группа аксиологических ситуаций представлена ценностно-проекционными ситуациями, которые создаются преподавателем для того, чтобы студенты переносили ценности, отобранные на этапе выбора в качестве потенциальных составляющих их ценностной системы, на практику. При помощи этих ситуаций происходит включение ценностно-ориентационной деятельности в контекст другой деятельности. Основой ситуаций проецирования ценностей выступает весь набор аксиологических противоречий, а именно, неожиданность, конфликт, антиномия, предположение, опровержение, несоответствие, неопределённость. Руководствуясь принятыми ценностями, обучающиеся осуществляют выбор способа действия, прогнозируют и оценивают последствия выбора, принимают решение, исходя из произведенного анализа. Задания репродуктивно-поискового типа, используемые в работе с данными ситуациями, предполагают повышение самостоятельности обучающихся, которые совершают ценностный выбор, принимают решения в процессе выполнения различных видов деятельности, производят анализ результатов и обосновывают принятые решения и свой выбор при минимальной помощи преподавателя. Как утверждает Г. К. Селевко, данный тип заданий способствует развитию у студентов способности к обнаружению все большего количества проблем, а также во многих случаях самостоятельного формулирования задач [8, с. 223]. Однако при этом для изложения и решения проблемы может потребоваться помощь преподавателя. В процессе решения данных ситуаций наиболее эффективным оказывается применяемый нами проблемный метод.

Пятую группу аксиологических ситуаций образуют многоаспектные ценностные ситуации, ко-

торые применяются для переоценки студентами ценностей, прошедших практическую апробацию и присвоенных ими при работе с перечисленными выше типами ситуаций, а также для трансформации имеющейся системы ценностей. Как подчеркивает Г. М. Махутова [6, с. 15], данные ситуации предназначены для пересмотра студентами ценностей, уже применявшихся на практике при работе с ценностно-проекционными ситуациями. Специфика таких многоаспектных ценностных ситуаций, согласно мнению исследовательницы, состоит в их многоуровневом и многомерном характере, что обеспечивает возможность поэтапного разрешения ценностной проблемы, когда главная задача решается через ряд соподчиненных задач, так как каждая последующая проблема не может быть урегулирована, пока не улажена предыдущая [6, с. 12–13]. Решения многоаспектных ситуаций стимулирует развитие у обучающихся «творческой», креативности и нестандартного мышления благодаря тому, что студенты работают с максимальной самостоятельностью, сами формулируют выводы, делают обобщения и подводят итоги, выполняя задания, требующие логического анализа, выработки новых нестандартных вариантов решения, творческого воображения и убедительной аргументации. Согласно точке зрения Г. К. Селевки, многоаспектные ситуации предполагают использование спиралевидной логической структуры занятия, когда студенты совместно с преподавателем периодически возвращаются к рассмотрению проблемы, обозначенной в начале занятия, к ее исходной формулировке [8, с. 225].

Использование в качестве ведущего в процессе работы с многоаспектными ситуациями проблемного метода позволяет включать обучающихся в самостоятельную постановку и формулирование проблем и активное участие в организации и проведении занятий.

4. Алгоритм реализации и функции аксиологической ситуации

Поскольку аксиологическая ситуация по своей сути носит проблемный характер, то при составлении алгоритма её использования в образовательном процессе вузе можно задействовать схему работы с проблемной ситуацией.

Применение аксиологической ситуации осуществляется поэтапно, о чем свидетельствуют работы О. С. Карповой [4, с. 18] и В. Л. Сиговой [13, с. 17–18]. Мы вслед за исследователями выявили несколько последовательных этапов. На первом этапе – *введения* – происходит представление будущим бакалаврам ситуации, ознакомление с исходными данными. На втором этапе – *предъявления* – осуществляется презентация ценностной проблемы, которая может быть основана на коллизии, непредвиденном развитии событий, противоречии, конфликте интересов, антиномии, несовпадении личного опыта с предъявленными фактами, неоднозначности и т. п. При этом важным условием является переживание студентами разрешаемой проблемы на личностном уровне, который характеризуется их эмоциональным откликом на эту проблему. Третий этап – *вербализации* – связан с окончательной формулировкой проблемы, осмыслением причин ее возникновения, пониманием вызываемых ею эмоций и чувств. Далее следует четвертый этап – *решения*, на котором проблема окончательно разрешается. При этом обучающиеся либо сохраняют имеющуюся систему ценностей, либо отвергают наличные ценности, заменяя их новыми, и выбирают альтернативный курс действий. Этап практической апробации найденного решения является заключительным. На этом этапе предложенное решение проходит практическую проверку, вновь приобретенные ценностные ориентации испытываются в деятельности, реализуются в поступках и поведении. Результаты и выводы по решенной проблеме студенты представляют в форме устной рефлексии, в процессе которой одновременно происходит обновление системы ценностных ориентаций обучающихся.

Рассматривая функциональный аспект аксиологических ситуаций, А. Л. Солдатченко и С. В. Харитоновна в зависимости от специфики осуществляемой деятельности – преподавания или учения – выделяют ряд взаимодополняющих *функций*, выполняемых аксиологическими ситуациями по отношению к процессу формирования ценностных ориентаций будущих бакалавров [12, с. 79]. Так, в деятельности преподавателя реализуются организующая, стимулирующая, регулятивная, контролирующая и коммуникативная функции аксиологических ситуаций, а в деятельности обучающихся – ориентирующая, мотивационная, самоорганизующая, оценочная и диалогическая.

Заключение

В исследовании представлен оригинальный комплекс аксиологических ситуаций и алгоритм работы с ними. Практическая значимость работы состоит в том, что предложенный комплекс может использоваться в образовательном процессе вуза для формирования системы ценностных ориентаций будущих бакалавров, что имеет решающее значение для их гражданского, патриотического, духовного и нравственного становления, а на фоне кризиса западной либеральной модели общественного

устройства способствует укреплению направленности личности будущих бакалавров на российские традиционные ценности, готовности к защите этих ценностей от активных нападков со стороны коллективного запада и предпринимаемых рядом недружественных государств попыток насаждения нам чуждых ценностей.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются: в изучении потенциала гуманитарных и естественнонаучных учебных дисциплин в плане формирования ценностных ориентаций обучающихся; в выявлении возможностей применения различных педагогических технологий (проектной, коллективных творческих дел и др.) для формирования у обучающихся актуальных ценностных ориентаций; в разработке диагностического инструментария – критериев, показателей и диагностических методик, обеспечивающих выявление и оценку уровня сформированности у будущих бакалавров ценностных ориентаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брюхова Ю. П. Народная игра как средство формирования ценностных ориентаций личности ребёнка младшего школьного возраста : дис. ... канд. педагогических наук. Москва: Северный (Арктический) федеральный университет. 2010. 223 с.
2. Ворокова Н. Х. Формирование нравственно-ценностных ориентаций учащихся колледжа на основе использования проблемных жизненных ситуаций : дис. ... канд. педагогических наук. Майкоп: Кабардино-Балкарский гос. ун-т им. Х. М. Бербекова. 2012. 202 с.
3. Дегтярёва Т. Н. Ситуация нравственного выбора как средство воспитания нравственной ответственности старшего подростка : дис. ... канд. педагогических наук. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т. 2014. 206 с.
4. Карпова О. С. Ценностно-смысловая проблемная ситуация как средство духовного воспитания подростка : дис. ... канд. педагогических наук. Волгоград: Волгоградский гос. пед. ун-т. 2011. 246 с.
5. Кирьякова А. В. Механизмы ориентации личности в мире ценностей // Вестник ОГУ. 2002. № 7. С. 4–11.
6. Махутова Г. М. Проблемные ситуации в обучении иноязычному общению студентов : дис. ... канд. педагогических наук. Нижневартовский гос. гуманитарный ун-т. Москва, 2013. 184 с.
7. Мироненкова Н. Н. Особенности дидактического моделирования ситуаций ценностно-смыслового выбора обучающихся : дис. ... канд. педагогических наук. Ростов-на-Дону: Южный федеральный ун-т. 2011. 190 с.
8. Селевко Г. К. Энциклопедия образовательных технологий: В 2 тт. Т. 1. Москва : НИИ школьных технологий, 2006. 816 с. (Серия «Энциклопедия образовательных технологий»).
9. Сигова В. Л. Развитие креативности будущих учителей музыки через ситуации выбора в учебной деятельности : дис. ... канд. педагогических наук. Вологодский гос. пед. ун-т. Вологда, 2014. 226 с.
10. Солдатченко А. Л. Аксиологический аспект становления социальной зрелости студентов технического вуза в контексте цифровизации системы высшего образования. *Libri Magistri*. 2022. № 2 (20). С. 93–101.
11. Солдатченко А. Л., Костюченко М. В. Формирование ценностных ориентаций студентов вузов как основы социальной самоопределённости // *Libri Magistri*. Филология в XXI веке. 2017. Выпуск 4. С. 133–138.
12. Солдатченко А. Л., Харитоновна С. В. Формирование ценностных ориентаций студентов вузов посредством аксиологических ситуаций // *Современная высшая школа: инновационный аспект*. 2017. Т. 9. № 4. С. 74–82.
13. Сопова Н. В. Формирование духовно-нравственных качеств личности старшеклассника на основе ценностной проблемной ситуации : дис. ... канд. педагогических наук. Воронеж: Воронежский филиал Российской академии государственной службы при Президенте РФ. 2009. 197 с.

A. L. Soldatchenko (Magnitogorsk, Russia)

AXIOLOGICAL SITUATIONS AS A MEANS OF FORMING VALUE ORIENTATIONS IN UNDERGRADUATES

Abstract. The current research is important due to the global trend towards the departure from the outdated unipolar system of the world order and the establishment of a new multipolar model in which Russia plays an important role. At the same time, unfriendly states actively attack traditional Russian spiritual, moral, cultural and historical values, trying to carry out their «westernization», to plant ideals and values which are alien to Russian society. Under these changing conditions, the modern education system should focus on forming a specialist who is not only a professional being in great demand in the labor market, but who can also effectively perform social functions, who is a patriot of his Homeland, which is impossible without possessing a system of value orientations, the basis of which is traditional Russian values. Thus, the subject of this study is axiological situations. The purpose of it is to develop a set of axiological situations that ensure the formation of value orientations of the undergraduates, who are doing their bachelor's degree, in modern conditions. The results obtained in the course of the study can be used in the educational process at

the university to form undergraduates' orientations towards traditional Russian values. The obtained results have social significance, which consists in the fact that students' value orientations contribute to the strengthening of their civic consciousness, the growth of their social activity, their involvement in solving urgent tasks at the local and state level, the preservation of Russian identity, historical memory and culture, serve as the basis of patriotism. The results of the study are characterized by novelty, which consists in the fact that the original set of axiological situations was developed, the structure of the axiological situation was determined, the algorithm for working with these situations was proposed, the stages of their implementation and methods used at each stage were identified and the functions performed by axiological situations in the educational process at the university were identified.

Keywords: value orientations of the undergraduates, who are doing their bachelor's degree, values, axiological situations, formation of value orientations, structure of the axiological situation, stages of implementation, functions of axiological situations.

REFERENCES

1. Bryukhova Yu. P., Narodnaya igra kak sredstvo formirovaniya tsennostnykh orientatsii lichnosti rebenka mladshogo shkol'nogo vozrasta : dis. ... kand. pedagogicheskikh nauk, Moscow, Severnyi (Arkticheskii) federal'-nyi universitet, 2010, 223p.
2. Vorokova N. Kh., Formirovanie npravstvenno-tsennostnykh orientatsii uchashchikhsya kolledzha na osnove ispol'zovaniya problemnykh zhiznennykh situatsii : dis. ... kand. pedagogicheskikh nauk. Maikop: Kabardino-Balkarskii gos. un-t im. Kh., Moscow, Berbekova, 2012, 202 p.
3. Degtyareva T. N., Situatsiya npravstvennogo vybora kak sredstvo vospitaniya npravstvennoi otvetstvenno-sti starshego podrostka : dis. ... kand. pedagogicheskikh nauk, Orenburg, Orenburgskii gos. ped. un-t, 2014, 206 p.
4. Karpova O. S., Tsennostno-smyslovaya problemnaya situatsiya kak sredstvo dukhovnogo vospitaniya podrostka : dis. ... kand. pedagogicheskikh nauk, Volgograd. Volgogradskii gos. ped. un-t, 2011, 246 p.
5. Kir'yakova A. V., Mekhanizmy orientatsii lichnosti v mire tsennosti, *Vestnik OGU* [Vestnik of the Orenburg State University], 2002, no. 7, pp. 4–11.
6. Makhutova G. M., Problemnye situatsii v obuchenii inoyazychnomu obshcheniyu studentov : dis. ... kand. pedagogicheskikh nauk. Nizhnevartovskii gos. gumanitarnyi un-t, Moscow, 2013, 184 p.
7. Mironenkova N. N., Osobennosti didakticheskogo modelirovaniya situatsii tsennostno-smyslovogo vybora obuchayushchikhsya : dis. ... kand. pedagogicheskikh nauk. Rostov-na-Donu: Yuzhnyi federal'nyi un-t, 2011, 190 p.
8. Selevko G. K., Entsiklopediya obrazovatel'nykh tekhnologii: V 2 tt., t. 1, Moscow, NII shkol'nykh tekhnologii, 2006, 816 p. (Seriya «Entsiklopediya obrazovatel'nykh tekhnologii»).
9. Sigova V. L., Razvitie kreativnosti budushchikh uchitelei muzyki cherez situatsii vybora v uchebnoi deyatelnosti : dis. ... kand. pedagogicheskikh nauk. Vologodskii gos. ped. un-t, Vologda, 2014, 226 p.
10. Soldatchenko A. L., Aksiologicheskii aspekt stanovleniya sotsial'noi zrelosti studentov tekhnicheskogo vuza v kontekste tsifrovizatsii sistemy vysshego obrazovaniya, *Libri Magistri*, 2022, no. 2 (20), pp. 93–101.
11. Soldatchenko A. L., Kostyuchenko M. V., Formirovanie tsennostnykh orientatsii studentov vuzov kak osnovnyy sotsial'noi samoopredelennosti, *Libri Magistri. Filologiya v XXI veke*, 2017, vol. 4, pp. 133–138.
12. Soldatchenko A. L., Kharitonova S. V., Formirovanie tsennostnykh orientatsii studentov vuzov po-sredstvom aksiologicheskikh situatsii, *Sovremennaya vysshaya shkola: innovatsionnyi aspekt*, 2017, vol. 9, no. 4, pp. 74–82.
13. Sopova N. V., Formirovanie dukhovno-npravstvennykh kachestv lichnosti starsheklassnika na osnove tsennostnoi problemnoi situatsii : dis. ... kand. pedagogicheskikh nauk, Voronezh, Voronezhskii filial Rossiiskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente RF, 2009, 197 p.

Солдатченко А. Л. Aksiologicheskie situatsii kak sredstvo formirovaniya tsennostnykh orientatsii budushchikh bakalavrov // *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya*. 2023. T. 7. № 3. С. 6–12.

Soldatchenko A. L. Axiological Situations as a Means of Forming Value Orientations in Undergraduates, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2023, vol. 7, no. 3, pp. 6–12.

Дата поступления статьи – 04.07.2023; 0,82 печ. л.

Сведения об авторе

Солдатченко Александр Леонидович, доктор педагогических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова», Магнитогорск, Россия; cafola@mail.ru.

Author:

Aleksandr L. Soldatchenko, Doctor of Pedagogy, Professor at the Department of Linguistics and Study of Literature, Institute of Humanitarian Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU), Magnitogorsk, Russia; cafola@mail.ru.

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ (ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ)

УДК: 378.147:81

DOI:10.18503/2658-3186-2023-7-3-13-20

*А. М. Барышникова (Магнитогорск, Россия)**Ю. В. Барышникова (Магнитогорск, Россия)*

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ В ВУЗЕ

Аннотация. В данной статье рассматривается процесс формирования межкультурной компетенции будущего учителя иностранного языка. В федеральном государственном образовательном стандарте подчеркивается, что будущий учитель иностранного языка должен показать не только высокий уровень знаний иностранного языка, истории и культуры страны изучаемого языка, а также теории и практики межкультурной коммуникации. Актуальность исследования заключается в разграничении понятий иноязычная коммуникативная компетенция и межкультурная компетенция и уточнении компонентного состава межкультурной компетенции. Объектом исследования явился процесс профессиональной подготовки будущего учителя иностранного языка. В процессе исследования авторы опирались на такие методы, как метод научно-фиксируемого наблюдения, критического анализа литературных источников, сравнения и описания. Основополагающими подходами выступили социокультурный, межкультурный, коммуникативный и личностно-деятельностный. Результаты исследования состоят в уточнении структуры межкультурной компетенции будущего учителя иностранного языка, в разработке системы работы по формированию межкультурной компетенции будущего учителя иностранного языка в рамках дисциплины «Практический курс 1-го иностранного языка», наряду со специальными дисциплинами такими, как «Основы межкультурной коммуникации» и «Специальное страноведение». Именно практический курс позволяет включить в процесс профессиональной подготовки межкультурные проблемно-коммуникативные задачи, которые нацелены на формирование межкультурных речевых умений и требуют сравнения, сопоставления, интерпретации поведения представителей иной культуры, применения полученных межкультурных знаний. Для этого авторами были отобраны монокультурные тексты научно-популярного характера из книги британского антрополога К. Фокс «Наблюдая за англичанами». Практическая значимость заключается в возможности применения материалов исследования в процессе профессиональной подготовки будущего учителя иностранного языка.

Ключевые слова: межкультурная компетенция, коммуникативная компетенция, иностранный язык, межкультурное общение, коммуникативные навыки.

Введение

К учителю иностранных языков сейчас предъявляются новые высокие требования, включающие не только владение языком на высоком уровне и методикой его преподавания, но и владение основами межкультурного общения, что позволяет ретранслировать изучаемую культуру, а также свою собственную, организовывая диалог культур на уроке и воспитывая обучающихся. Это означает, что будущий учитель иностранного языка должен овладеть межкультурной компетенцией, формирование которой происходит в процессе профессиональной подготовки через межкультурное образование.

В результате освоения программы бакалавриата 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) «Английский язык и китайский язык» у выпускника должны быть сформированы компетенции, установленные образовательной программой. В соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом по указанному выше направлению подготовки, утвержденному 22 февраля 2018 г., выпускник педагогического направления подготовки должен показать высокий уровень знаний иностранного языка, истории и культуры страны изучаемого языка, а также теории и практики межкультурного взаимодействия. ФГОС ВО устанавливает ряд универсальных компетенций выпускника, среди которых УК-5 «Межкультурное взаимодействие» выделяется в отдельную компетенцию и подразумевает овладение обучающимися способностью воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах¹.

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), утв. приказом Минобрнауки России от 22.02.2018 N 125 (ред. от 08.02.2021) Зарегистрировано в Минюсте России 15 марта 2018 г. N 50358 //Национальная ассоци-

ФГОС ВО, помимо оговоренных в нем универсальных компетенций, также включает указания по развитию общепрофессиональных и профессиональных компетенций обучающихся. Как было показано выше, межкультурное взаимодействие выделяется как единая универсальная компетенция, а не как компонент более общих компетенций.

1. Анализ учебного плана по программе подготовки учителя английского и китайского языков

Анализ рабочего учебного плана² по программе бакалавриата 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) по профилю «Английский язык и китайский язык», который соответствует образовательному стандарту (ФГОС) № 125 от 22.02.2018 года, показал, что выпускник указанного направления должен овладеть:

– УК-5 – способностью воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах, которая детализируется в УК-5.3: демонстрирует понимание общего и особенного в развитии цивилизаций, религиозно-культурных отличий и ценностей отдельных культур;

– ПК-2 – способностью применять в практике устной и письменной речи нормы современного иностранного языка, включающей в себя межкультурный компонент: осуществляет межкультурную коммуникацию в соответствии с принятыми нормами и правилами в различных ситуациях межкультурного общения с опорой на лингвострановедческие знания (ПК-2.2).

Данный учебный план не включает межкультурный компонент в общепрофессиональных компетенциях, хотя он является одним из важных аспектов, необходимых для профессиональной деятельности учителя иностранного языка. Это противоречие обуславливают актуальность проблемы исследования, которая заключается в необходимости разработки и уточнения структуры межкультурной компетенции будущего учителя иностранного языка.

Исходя из формулировок компетенций по ФГОС делаем вывод, что межкультурная компетенция является важнейшей компетенцией, необходимой для успешного осуществления профессиональной деятельности будущего учителя иностранного языка. Именно поэтому мы придерживаемся мнения, что при подготовке будущего учителя иностранного языка формирование межкультурной компетенции должно выделяться как самостоятельная цель иноязычного образования. Остановимся на рассмотрении понятия «межкультурная иноязычная компетенция» и его роли в обучении будущих учителей иностранного языка.

2. Понятие «межкультурная компетенция»

Понятие «межкультурная компетенция» появилось в 70-е годы XX века в зарубежной методике и укоренилось в научно-методической литературе, в то же время межкультурная коммуникация оформилась в самостоятельную науку. В российской методике преподавания иностранных языков понятие «межкультурная коммуникация» появилось в конце 90-х годов XX века и рассматривалось в нескольких аспектах: как готовность и способность человека к сотрудничеству при решении проблем межкультурной коммуникации и как важная категория науки. Как отмечает А. П. Садохин, межкультурная компетенция стала рассматриваться как комплекс стратегических и аналитических способностей, которые обеспечивают предпосылки для продуктивного взаимодействия с представителями иной культуры [11, с. 278].

В настоящее время в отечественной методике межкультурная компетенция рассматривается как комплексное явление, которое включает три составляющих: языковую, коммуникативную и культурную. Языковая компетенция в рамках межкультурного общения предполагает овладение умением точного выбора и оформления языковых средств адекватно ситуации межкультурного общения [15, с. 80]. Под коммуникативной компетентностью в межкультурной коммуникации понимается развитие способности устанавливать и поддерживать взаимопонимание с другими людьми для достижения целей межкультурной коммуникации, развитие культурной осведомленности, чуткости и эмпатии

ация развития образования и науки [сайт]. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-44-03-05-pedagogicheskoe-obrazovanie-s-dvumya-profilyami-podgotovki-125>.

² Учебный план по программе бакалавриата 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) Английский язык и китайский язык, утверждён Учёным советом ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», протокол № 5 от 17.03.2021.

[10, с. 57]. Межкультурная компетенция в рамках межкультурного общения подразумевает осознание различий в обычаях и традициях, свойственных разным культурам, способность видеть общее и специфическое в них, а также умение продуктивно взаимодействовать с представителем иной культуры [16, с. 71].

3. Взаимосвязь понятий межкультурной компетенции и иноязычной коммуникативной компетенции

Учитель иностранного языка в силу особенностей своей профессиональной деятельности должен обладать межкультурной компетенцией, которая является ведущей компетенцией, лежащей в основе всех других компетенций.

Одной из стержневых компетенций, которой должен овладеть будущий учитель иностранного языка, является коммуникативная компетенция. В этой связи возникает вопрос о взаимосвязи содержания понятий межкультурной иноязычной компетенции и иноязычной коммуникативной компетенции. Как известно, понятие «коммуникативная компетенция» предложил М. Н. Вятютнев и определил ее как способность к общению в ходе профессиональной и учебной деятельности с целью удовлетворения своих интеллектуальных потребностей [1, с. 80]. Другие исследователи то сужали, то расширяли объем данного понятия. Так, И. А. Зимняя рассматривает коммуникативную компетенцию как важную составляющую иноязычного образования и понимает ее как способность личности «выступать в качестве субъекта коммуникативной деятельности общения» [4, с. 27].

Е. В. Красильникова разъясняет, что коммуникативная компетенция – это способность к действию «в режиме вторичной языковой личности в разнообразных социально-детерминированных ситуациях» и готовность к межкультурному общению [6, с. 183]. Л. К. Гейхман определяет иноязычную коммуникативную компетенцию как способность и готовность к иноязычному общению, основанную на знаниях, умениях и навыков владения данным иностранным языком [3, с. 97]. Мы рассматриваем коммуникативную компетенцию как продуктивное владение средствами и способами иноязычной коммуникации в устной и письменной формах.

Ученые также расходятся во мнениях относительно компонентов иноязычной коммуникативной компетенции. Некоторые ученые выделяют 4 составляющих коммуникативной компетенции – социокультурный, стратегический, дискурсивный и грамматический [11]. В. В. Сафонова выделяет в составе иноязычной коммуникативной компетенции языковую, речевую, социокультурную и компенсаторную компетенции [13, с. 97-98].

Н. Д. Гальскова и Н. И. Гез называют три компонента:

- знание системы изучаемого языка и умения применять это знание;
- умения воспринимать и порождать иноязычное высказывание на основе знания системы изучаемого языка сообразно коммуникативной ситуации и речевой задаче;
- знания культуры страны изучаемого языка, позволяющие эффективно общаться с носителями языка, не нарушая принятых языковых норм [2, с. 100].

Разночтения в понимании составляющих иноязычной коммуникативной компетенции подводят нас к необходимости определить место межкультурной компетенции и установить ее связь с иноязычной коммуникативной компетенцией.

Некоторые ученые включают межкультурную компетенцию в состав иноязычной коммуникативной компетенции. Предположение о том, что межкультурная компетенция является частью иноязычной коммуникативной компетенции выдвигает В. В. Сафонова, подчеркивая главенствующую роль последней. По ее мнению, межкультурная компетенция, должна формироваться вместе с другими компонентами иноязычной коммуникативной компетенции, что позволит достичь наилучшего результата межкультурного иноязычного общения и взаимопонимания между общающимися [13, с. 62]. А. В. Матиенко пишет, что межкультурная иноязычная коммуникативная компетенция включает в себя социолингвистическую и социокультурную осведомленность. Межкультурный компонент способствует всестороннему развитию личности обучающегося и формированию толерантного отношения к разным языкам и культурам [8, с. 33]. Г. В. Елизарова высказывает мнение, согласно которому межкультурная компетенция частично сцепляется с иноязычной коммуникативной компетенцией, подчеркивая, что межкультурный аспект пронизывает все компоненты иноязычной коммуникативной компетенции [5, с. 26].

Мы придерживаемся мнения о том, что межкультурная компетенция является более широким

понятием и инкорпорирует в себя иноязычную коммуникативную компетенцию. Наша позиция созвучна позиции А. П. Садохина, который включает в состав межкультурной компетенции языковые и коммуникативные навыки. Под коммуникативными навыками А. П. Садохин понимает «совокупность способов выражения идей, мыслей, чувств, переживаний, способов воздействия на партнеров и собеседников», используемых в общении для достижения планируемых результатов. Коммуникативные навыки развиваются в процессе коммуникации с представителями иных культур и применения коммуникативных стратегий. Языковые знания рассматриваются А. П. Садохиным сведения о своей и чужой культуре, существующие в языке и отражающие различия культур, дающие понимание этих различий, что в итоге способствует формированию межкультурной компетенции. Открытость, толерантность и готовность к коммуникации возможны при условии знаний особенностей лингвокультуры, в которой осуществляется коммуникация [12, с. 134–136].

По мнению А. В. Литвинова, межкультурная компетенция имеет иерархическую структуру и включает в себя иноязычную коммуникативную компетенцию вместе с социокультурными знаниями, умениями и навыками, а также понимание необходимости проводить анализ культурных, языковых и коммуникативных элементов [7, с. 51].

Н. Д. Гальскова придерживается иной точки зрения о взаимосвязи межкультурной компетенции и иноязычной коммуникативной компетенции, рассматривая их как отдельные компетенции, которые при этом находятся в непосредственной взаимосвязи [2, с. 74]. К такому же выводу приходит М. Байрам. По его мнению, овладение межкультурной компетенцией является необходимым условием для осуществления межкультурной коммуникации наряду с владением иностранным языком [17, с. 93]. Г. В. Елизарова, подчеркивает, что иноязычная коммуникативная компетенция не полностью включает в свой состав межкультурную, так как, не все ее компоненты являются межкультурными. При этом Г. В. Елизарова включает межкультурные компоненты в состав иноязычной коммуникативной компетенции, но, по ее мнению, есть ряд компонентов-исключений, например, такие компоненты межкультурной компетенции, как готовность, желание и способность воспринимать другое, отличное от собственной культуры [5, с. 234–235]. Следовательно, межкультурная компетенция по отношению к иноязычной коммуникативной компетенции, может выделяться в качестве отдельной компетенции.

В нашем исследовании мы придерживаемся точки зрения, согласно которой межкультурная иноязычная компетенция является более общей и включает в себя иноязычную коммуникативную компетенцию. Межкультурная иноязычная компетенция способствует эффективному межкультурному взаимодействию с представителями иных лингвокультур, то есть для эффективной межкультурной коммуникации, которая, в свою очередь, не может осуществляться без знания средств и способов иноязычного общения, коммуникативных умений и навыков. Владение только иноязычной коммуникативной компетенцией без знания теоретических основ межкультурной коммуникации и практических навыков межкультурной коммуникации может быть недостаточным для продуктивного межкультурного диалога. Это означает, что формировать иноязычную коммуникативную компетенцию необходимо именно как важную часть межкультурной компетенции, при этом не преуменьшая значимости других ее компонентов. Овладение способами взаимодействия с окружающими, формирование коммуникативных навыков для продуктивного межкультурного общения, происходит именно в ходе межкультурного иноязычного образования.

4. Подходы к формированию межкультурной компетенции будущего учителя иностранных языков

В нашей работе развитие межкультурной иноязычной компетенции в рамках межкультурного иноязычного образования будущих учителей иностранного языка основывается на ключевых положениях таких подходов, как компетентностный, социокультурный, межкультурный, коммуникативный и личностно-деятельностный.

Компетентностный и межкультурный подходы являются основополагающими в процессе формирования межкультурной компетенции, как следует из названия самой компетенции. Именно эти два подхода расширяют межкультурные знания и развивают межкультурные умения и навыки. Социокультурный подход предполагает формирование умения понимать общее (универсальное) и национальное (специфическое для данной культуры) в истории и культуре разных стран, одной и той же страны и формирование психологической готовности к межкультурному взаимодействию, готовность

представлять свою страну и культурой с учетом возможного межкультурного недопонимания и предотвращать это недопонимание за счет отбора адекватных речевых средств межкультурного общения, готовность конструктивно отстаивать собственные позиции, не попадая в непосредственную зависимость от чужих приоритетов, норм жизни, и верований. В рамках социокультурного подхода обучение иностранному языку осуществляется «в контексте диалога культур», при этом язык является средством изучения других культур [14, с. 45]. С. Г. Тер-Минасова подчеркивает, что изучение языка и культуры в единстве является ключевым положением, реализующим межкультурный подход [14, с. 28].

В рамках межкультурного подхода не только происходит овладение иностранным языком, но и формируются определенные морально-этические установки и качества личности, понимание культурного разнообразия эмоциональное, поведенческое отношение к другим культурам.

Коммуникативный подход, важный для целей нашего исследования, нацелен на формирование иноязычной коммуникативной компетенции (коммуникативные умения в четырех видах речевой деятельности, владение способами средствами иноязычного общения), которая способствует успешной межкультурной коммуникации, поэтому применения положений данного подхода необходимо в рамках иноязычного межкультурного образования будущих учителей иностранного языка, которые будут формировать у своих учеников коммуникативную компетенцию.

Личностно-деятельностный подход в межкультурном иноязычном обучении и воспитании предусматривает включение обучающихся в коммуникативно-познавательную деятельность с обеспечением понятных целей и значимых мотивов.

Одним из основных факторов успешного обучения школьников иностранному языку является высокий уровень развития профессиональных, общепрофессиональных и универсальных компетенций, которые имеют непосредственное отношение к коммуникативной культуре, умениям межкультурной коммуникации, которые способствуют установлению межличностных и межкультурных контактов, которые имеют отношение к опыту культурологического и всечеловеческого понимания мира.

Одним из основных путей формирования межкультурной компетенции будущего учителя иностранных языков, а также развития иноязычной коммуникативной компетенции является проведение целенаправленной системы работы в рамках дисциплины «Практический курс 1-го иностранного языка», наряду со специальными дисциплинами такими, как «Основы межкультурной коммуникации» и «Специальное страноведение». Цель формирования межкультурной компетенции требует сознательного углубленного подхода к изучению культуры страны изучаемого языка. В качестве основы для формирования межкультурных речевых навыков в рамках рассматриваемой дисциплины нами были отобраны монокультурные тексты научно-популярного характера из книги британского антрополога К. Фокс «Наблюдая за англичанами», являющиеся источником информации о культуре страны изучаемого языка и образцом использования речевых средств [18]. Именно монокультурные тексты являются наиболее приемлемым жанром для такой работы. Сама их краткость даёт возможность охватить материал целиком – как содержание, так и форму – на одном практическом занятии, в одном обсуждении. При отборе текстов мы учитывали следующие критерии: культурная ценность, типичность и общеизвестность, дифференциация с родной культурой, соответствие текстов тематическим разделам рабочей программы. Далее к каждому тексту были разработаны упражнения, представляющие единую систему работы, которая обеспечивает реализацию цели межкультурного иноязычного образования – формирование межкультурной компетенции будущего учителя иностранного языка [8]. В качестве установок к упражнениям нами были разработаны межкультурные проблемно-коммуникативные задачи, которые нацелены на формирование межкультурных речевых умений и требуют сравнения, сопоставления, интерпретации поведения представителей иной культуры, применения полученных межкультурных знаний.

Заключение

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что будущий учитель иностранного языка должен быть способным не только на достаточно высоком уровне обучать школьников иностранному языку, но и воспитывать у детей личностные качества межкультурно-образованного человека. Отсюда исходит цель обучающей деятельности учителя – обеспечить условия для воспитания и развития школьников как нравственной и межкультурно-образованной личности, обладающей способностью и

готовностью общаться с представителями разных культур, способностью видеть культурное разнообразие и представлять свою страну и ее культуру с учетом возможного культурного недопонимания, а также обладать глубокими лингвокультурными знаниями, быть социокультурно осведомленным и др.

Данная цель достигается тогда, когда учитель осознает себя и воспринимает учащихся как мультикультурных субъектов, способен видеть мультикультурность общества, воспринимать многообразие культур как норму; если учитель обладает готовностью противостоять культурной дискриминации.

Межкультурная компетенция учителя иностранного языка является одной из стержневых компетенций, позволяющих жить взаимодействовать в поликультурном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вятюгнев М. Н. Теория учебника русского языка как иностранного. Москва : Русский язык, 1984. 144 с.
2. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. Москва : Академия, 2008. 335 с.
3. Гейхман Л. К. Интерактивное обучение общению. Подход и модель. Пермь : Перм. ун-т, 2002. 260 с.
4. Зимняя И. А. Психология обучения неродному языку (на материале русского языка как иностранного). Москва : Русский язык, 1989. 219 с.
5. Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. Санкт-Петербург : Каро, 2005. 352 с.
6. Красильникова, Е. В. Иноязычная коммуникативная компетенция в исследованиях отечественных и зарубежных ученых // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 1. С. 179–184.
7. Литвинов А. В. О структуре межкультурной компетенции // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей. Москва : МАКС Пресс. 2004. № 28. С. 51–57.
8. Матиенко А. В. Иноязычная профессиональная коммуникативная компетенция: определение понятия в логике формирования полилингвальной мультикультурной личности // Научный результат. Серия «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. Белгород: ФГБОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет». 2016. № 2(8). С. 73–77.
9. Павлова Л. В., Вторушина, Ю. Л., Барышникова Ю. В. Развитие умений критического мышления у студентов вуза на основе межкультурного чтения // Современные проблемы науки и образования. 2023. № 2. С. 28.
10. Петровская Л. А. Компетентность в общении: уч. пособие для вузов. Москва: во «Смысл», 2007. 387 с.
11. Садохин А. П., Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д. Межкультурная коммуникация. Москва: Изд-во «Альфа-М: ИНФРА-М», 2006. 288 с.
12. Садохин А. П. Межкультурная компетентность: понятие, структура, пути формирования // Журнал социологии и социальной антропологии. Санкт-Петербург: Фонд «Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований и образовательных программ». № 1. 2007. С. 125–139.
13. Сафонова В. В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций Воронеж: ИСТОКИ, 1996. 239 с.
14. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: уч. пособие для вузов. Москва: Слово, 2000. 624 с.
15. Трунов Д. Вербальная и невербальная коммуникация // Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты (Коммуникация-2004). Ростов-на-Дону: Изд-во ИУБиП. 2004. С. 80–81.
16. Шанский Н. М., Иванов В. В. Современный русский язык: уч. пособие для студентов пед. ин-тов. Москва: Просвещение, 1987. 192 с.
17. Bayram, M. Teaching and assessing Intercultural Communicative Competence. Clevedon: Multilingual Matters. Bristol: Multilingual Matters Ltd., 1997. 136 p.
18. Fox, Kate. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. London: Hodder, 2004. 424 p.

A.M. Baryshnikova (Magnitogorsk, Russia)
Yu. V. Baryshnikova (Magnitogorsk, Russia)

INTERCULTURAL COMPETENCE AS THE GOAL OF INTERCULTURAL EDUCATION

Abstract. This article discusses the process of forming the intercultural competence of a future teacher of foreign languages. The federal state educational standard emphasizes that a future teacher of foreign languages should show not only a high level of knowledge of a foreign language, the history and culture of the country of the language being studied, but also the theory and practice of intercultural communication. The relevance of the research lies in distinguishing the concepts of foreign language communicative competence and intercultural competence and clarifying

the components of intercultural competence. The object of the study was the process of professional training of a future teacher of foreign languages. The research is based on such methods as the method of scientifically recorded observation, critical analysis of literary sources, comparison and description. The fundamental approaches were socio-cultural, intercultural and communicative. The results of the study consist in clarifying the structure of the intercultural competence of the future teacher of foreign languages and in the development of a system of work aimed at developing the intercultural competence of the future teacher of foreign languages while learning the 1st foreign language", and also while learning such subjects as intercultural communication and country studies, including intercultural problem tasks and communicative tasks aimed at developing intercultural speech skills and teaching the comparison of different cultures and the interpretation of the behavior of representatives of another culture as well as the application of the acquired intercultural knowledge in practice. For this purpose, the authors selected monocultural texts of a popular book by the British anthropologist K. Fox "Watching the English". The practical significance of the study lies in the possibility of using research materials in the process of professional training of a future teacher of foreign languages

Keywords: intercultural competence, communicative competence, foreign language communication, cross-cultural communication, communicative skills.

REFERENCES

1. Vyatyutnev M. N. Teoriya uchebnika russkogo yazyka kak inostrannogo, Moscow, Russkii yazyk, 1984, 144 p.
2. Gal'skova N. D., Gez N. I., Teoriya obucheniya inostrannym yazykam. Ligvodidaktika i metodika. Moscow, Akademiya, 2008, 335 p.
3. Geikhman L. K., Interaktivnoe obuchenie obshcheniyu. Podkhod i model', Perm, Perm. un-t, 2002, 260 p.
4. Zimnyaya I. A., Psikhologiya obucheniya nerodnomu yazyku (na materiale russkogo yazyka kak inostrannogo). Moscow, Russkii yazyk, 1989, 219 p.
5. Elizarova G. V., Kul'tura i obuchenie inostrannym yazykam, Saint Petersburg, Karo, 2005, 352 p.
6. Krasil'nikova, E. V., Inoyazychnaya kommunikativnaya kompetentsiya v issledovaniyakh otechestvennykh i zarubezhnykh uchenykh, Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik, 2009, no. 1, pp. 179–184.
7. Litvinov A. V., O strukture mezhkul'turnoi kompetentsii, Yazyk, soznanie, kommunikatsiya : sb. statei, Moscow, MAKS Press, 2004, no. 28, pp. 51–57.
8. Matienko A. V. Inoyazychnaya professional'naya kommunikativnaya kompetentsiya: opredelenie ponyatiya v logike formirovaniya polilingval'noi mul'tikul'turnoi lichnosti, Nauchnyi rezul'tat. Seriya «Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki, Belgorod, FGBOU VPO «Belgorodskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet», 2016, no. 2(8), pp. 73–77.
9. Pavlova L. V., Vtorushina, Yu. L., Baryshnikova Yu. V. Razvitie umenii kriticheskogo myshleniya u studentov vuza na osnove mezhkul'turnogo chteniya, Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya, 2023, no. 2, p. 28.
10. Petrovskaya L. A., Kompetentnost' v obshchenii: uch. posobie dlya vuzov, Moscow, Smysl, 2007, 387 p.
11. Sadokhin A. P., Grushevitskaya T. G., Popkov V. D., Mezhkul'turnaya kommunikatsiya. Moscow, Izd-vo «Al'fa-M: INFRA-M», 2006, 288 p.
12. Sadokhin A. P., Mezhkul'turnaya kompetentnost': ponyatie, struktura, puti formirovaniya, Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii, Saint Petersburg, Fond «Mezhdunarodnyi Fond podderzhki sotsiogumanitarnykh issledovaniy i obrazovatel'nykh programm», no. 1, 2007, pp. 125–139.
13. Safonova V. V., Izuchenie yazykov mezhdunarodnogo obshcheniya v kontekste dialoga kul'tur i tsivilizatsii, Voronezh, ISTOKI, 1996, 239 p.
14. Ter-Minasova S. G., Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: uch. posobie dlya vuzov, Moscow, Slovo, 2000, 624 p.
15. Trunov D., Verbal'naya i neverbal'naya kommunikatsiya, Kommunikatsiya: kontseptual'nye i prikladnye aspekty (Kommunikatsiya-2004), Rostov-na-Donu, Izd-vo IUBiP. 2004. pp. 80-81.
16. Shanskii N. M., Ivanov V. V., Sovremenniy russkii yazyk: uch. posobie dlya studentov ped. in-tov, Moscow, Prosveshchenie, 1987, 192 p.
16. Bayram M., Teaching and assessing Intercultural Communicative Competence, Clevedon, Multilingual Matters, Bristol, Multilingual Matters Ltd., 1997, 136 p.
17. Fox Kate, Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour, London, Hodder, 2004, 424 p.

Барышникова А. М., Барышникова Ю. В. Формирование межкультурной компетенции будущего учителя иностранного языка в процессе профессиональной подготовки в вузе // Гуманитарно-педагогические исследования. 2023. Т. 7. № 3. С. 13–20.

Baryshnikova A.M., Baryshnikova Yu. V. Intercultural Competence as the Goal of Intercultural Education, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2023, vol. 7, no. 3, pp. 13–20.

Дата поступления статьи – 05.09.2023; 0,8 печ. л.

Сведения об авторах

Анна Михайловна Барышникова – магистрант Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»; Магнитогорск, Россия; anyabar1999@mail.ru.

Юлия Викторовна Барышникова – кандидат педагогических наук, доцент кафедры Лингвистики и перевода Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»; Магнитогорск, Россия; jvb72@mail.ru.

Authors:

Anna M. Baryshnikova, Master's Degree Student of the Institute of the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University; Magnitogorsk, Russia; anyabar1999@mail.ru.

Yulia V. Baryshnikova, Candidate of Science in Pedagogy, Docent of the Department of Linguistics and Translation Nosov Magnitogorsk State Technical University; Magnitogorsk, Russia; jvb72@mail.ru.

I I . О Б Щ Е С Т В Е Н Н Ы Е Н А У К И

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК: 94(470.5)''1930''

DOI: 10.18503/2658-3186-2023-7-3-21-30

*В. В. Филатов (Магнитогорск, Россия)***УСЛОВИЯ ПРОЖИВАНИЯ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В УРАЛЬСКОЙ ССЫЛКЕ В НАЧАЛЕ 1930-х ГОДОВ**

Аннотация. Раскулачивание крестьян и их дальнейшая ссылка являются трагической страницей советского прошлого. Актуально исследовать, как крестьяне, оказавшись репрессированными, без законных на то оснований, существовали в новых условиях изоляции, переносили все тяготы и лишения повседневной жизни. Лишенные элементарных прав люди, восполняли недостающие производственные кадры на работах, не требующих высокой квалификации. Так называемых кулаков отправляли для работы на стройки пятилетки, на лесоповал, в шахты и т. п. Туда, куда свободного человека трудно было направить по доброй воле. Предмет исследования – адаптация ссыльных крестьян к новым условиям проживания, их повседневная жизнь, эмоционально-психологическое состояние. Цель исследования – определить реальное положение спецконтингента в Уральском регионе в начале 1930-х гг. Научная новизна исследования состоит в том, что в статье проанализированы и систематизированы как новые опубликованные документы, так и впервые вводимые в научный оборот. Хронологические рамки исследования охватывают 1930–1933 гг., когда проходило массовое выселение зажиточных крестьян. В статье использованы как общенаучные методы, так и историко-генетический, компаративный и другие методы исторического исследования. В результате изучения жизни ссыльных выявлено, что спецпереселенцы, особенно на первом этапе ссылки, находились в тяжелейших условиях. На их проживание выделялось неблагоустроенное жилье. Неудовлетворительное медицинское обслуживание и плохое снабжение продовольственными и промышленными товарами приводили к высокой смертности. Тяжелый труд вкупе с неустроенностью быта вызывали стресс и фрустрацию.

Ключевые слова: Уральский регион, ссыльные крестьяне, спецпоселки, жилищные условия, медицинское обслуживание, питание.

Введение

Актуальность исследования вызвана необходимостью изучить последствия раскулачивания – системы репрессивных мер, когда зажиточные крестьяне массово выслались в необжитые территории страны, прежде всего в северные районы Уральской области, а также на строительство новых промышленных предприятий. Они выполняли неквалифицированную, физически тяжелую работу.

Начиная с 1990-х гг. опубликован значительный массив ранее секретных документов, а также рассекречены закрытые фонды архивов, позволяющие исследовать особенности существования сельских жителей в экстремальных условиях ссылки¹.

Репрезентативность исследования обеспечивается территориальными рамками: Уральская область занимала громадную территорию площадью 1,8 млн кв. км, на которой проживало в 1932 г. 8 млн человек. Позднее из нее выделились Свердловская, Челябинская, Пермская, Курганская области, части Удмуртии, Тюменской, Омской областей². В Советском Союзе именно Урал являлся крупнейшим местом ссылки раскулаченных крестьян. За 1930–1931 гг. на север Урала было выслано 128,2 тыс. семей (592,1 тыс. чел.), причем большая часть из Украины (22,2 %), Уральской области (21,6 %), Северного Кавказа (20,3 %)³. Более половины (51,2 %) спецпереселенцев, высланных в Уральскую область, работали в лесной промышленности, 12,9 % – в черной металлургии, 7,9 % – в угольной промышленности, 4,2 % – в сельском хозяйстве и в других отраслях⁴.

¹ Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: в 2 кн. Кн. 2. Москва : РОССПЭН, 2006. 1118 с.; Судьба раскулаченных спецпереселенцев на Урале: 1930–1936 гг.: сб. док. Екатеринбург : Изд-во Урал.ун-та, 1994. 232 с.; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 тт. Т. 3. Конец 1930–1933. М.: РОССПЭН, 2001. 1006 с.; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД, 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х тт. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. Москва : РОССПЭН, 2003. 864 с.; История сталинского ГУлага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: сб. док. в 7 тт. Т. 5: Спецпереселенцы в СССР. Москва : РОССПЭН, 2004. 822 с.; Сплошная коллективизация и раскулачивание в Зауралье (материалы по истории Курганской области). Курган: КГПИ, 1995. 198 с.

² Уральская историческая энциклопедия. 2-изд., перераб. и доп. Екатеринбург : Академкнига; УрО РАН, 2000. С. 553.

³ Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 312–313.

⁴ Там же. С. 320, 327.

Наиболее крупные места размещения спецпереселенцев в начале 1932 г. находились в Надеждинском районе (85,4 тыс. чел.), Кизеловском районе (45,4 тыс.), г. Магнитогорске (40,4 тыс.)⁵. Если в Магнитогорске в 1930 г. насчитывалось 36 тыс. жителей, то к концу 1931 г. – 105 тыс. Значительный рост населения был связан и с прибытием в город ссыльных в мае 1931 г., а в августе их стало 32,7 тыс. В 1934 г. количество сосланных крестьян уменьшилось до 24,5 тыс. человек⁶. Удельный вес спецпереселенцев в 1930-х гг. находился в пределах 40–70 % от общего числа строителей и работников ММК⁷.

В среднем в семье, отправленной в ссылку на Урал, насчитывалось 4,2 человека, в том числе количество трудоспособных из них составляли 37,9 %. Таким образом, в семье имелось всего 1,6 работника, тогда как рекомендовалось соотношение трудоспособных к нетрудоспособным 6 к 4⁸.

В СССР вплоть до 1990-х гг. тематика исследований жизни ссыльных крестьян была закрытой. Лишь фрагментарно указывалось, что были оперативно созданы нормальные условия для жизни и труда переселенцев, бытового устройства и материального обеспечения их всем необходимым» [11; 12]. Н. А. Ивницкий один из первых российских историков попытался раскрыть в своих работах проблемы жилищно-бытовых условий ссыльных, медико-санитарного обслуживания, образовательных и культурно-просветительских учреждений в спецпоселках, в том числе частично и на Урале [9; 10]. Т. И. Славко на основе документов уральских архивов, проанализировала отдельные моменты повседневности уральской ссылки. Достоинством ее работы является публикация воспоминаний ссыльных, эмоционально оценивавших суровую действительность специальных поселений [20].

Из зарубежных исследователей следует выделить Л. Виолу. С опорой на разнообразные источники ей удалось передать повседневную жизнь спецпоселений Северного края [5]. Она проанализировала жилищные условия спецпереселенцев, образование молодежи, или, как образно выразилась Л. Виола, «перековки детей», воспитание у них ненависти к старшему поколению кулаков, из-за которых им приходится жить в тяжелых условиях.

Исторические исследования, посвященные условиям проживания в спецпоселках, в меньшей степени охватывают значимую сферу человеческих отношений внутри социума – эмоции крестьян. Вполне понятна трудность выявления такого рода источников. До 1990-х гг. для историков были недоступны архивные документы, прежде всего, правоохранительных органов, в которых в дозированных информационных сводках для вышестоящих структур публиковались сведения о настроениях спецпереселенцев. Не исключено, что и в этих документах с целью показа значимости работы правоохранителей и других структур порой преднамеренно искажались слова людей, особенно во время допросов.

Устная история ссыльных более правдиво отражает состояние крестьян, оказавшихся в неволе, но иногда респондентов подводит память. Некоторые из них не хотели рассказывать о своей жизни в спецпоселениях, другие же скупо сообщали о непростой истории пережитого. В любом случае немногочисленные воспоминания – это ценнейший источник эмоциональной оценки событий того времени. Трудно оценить горе и переживания людей, внезапно оказавшихся за пределами своего дома, сельского мира. Ссыльные крестьяне испытывали глубочайший стресс как во время следования к месту ссылки, так и в специальных поселках. Потрясение меняло психику людей. Страх, тревога за собственную жизнь и за жизнь членов своей семьи были характерны для спецконтингента. Фрустрация, стресс становились неизменными спутниками эмоциональных переживаний спецпереселенцев на протяжении всего времени пребывания в спецпоселениях. По мнению И. А. Семеновой, подобные аффекты могут быть настолько интенсивны, что оказывают дезорганизующее воздействие на интеллектуально-мнестическую деятельность человека, затрудняя процесс адаптации к происходящим в обыденной жизни событиям. Часто они ведут к заболеваниям [18, с. 7–8]. Стресс, адаптация к кризисной ситуации, переживания приводят к поиску новых оснований жизни, перестройке отношений с собой и другими субъектами [3]. Исходя из концепции Г. Селье, «стресс – это неспецифическая ответная реакция организма на стрессоры» [17; 2, с. 19]. На состояние ссыльных, безусловно, оказали существенное влияние незаконные действия властей, тяжелейшие условия повседневности спецпоселений, особенно в голодные годы.

Качество жизни, с точки зрения Д. А. Леонтьева, определяется двумя подходами. Один из них

⁵ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 10. Д. 164. Л. 189.

⁶ Магнитогорск. Краткая энциклопедия. Магнитогорск : Магнитогорский дом печати, 2002. С. 41, 130.

⁷ Уральская историческая энциклопедия. С. 322.

⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 228.

предполагает обобщенную оценку населения удовлетворенности проживанием, а второй – самооценка жизни человеком. Прав автор, что низкий уровень экономического благосостояния, когда люди лишь выживают, они находятся в режиме необходимости [13, с. 86, 91]. Ни о каком качестве жизни и речи быть не могло в условиях изоляции раскулаченных.

Находившиеся в спецпоселках крестьяне, лишь выживали, неся существенные потери близких им людей, разрушение семейных ценностей [21]. Жизнь в неволе порой меняла моральные устои. Некоторые из ссыльных шли на сотрудничество с правоохранительными структурами в качестве агентов, предавая своих товарищей по несчастью. Раскулаченные терпели унижения, а порой издевательства от администрации поселений, что определялось властями как «перегибы». Часть из таких руководителей была наказана, но каково было ссыльным переживать надругательство над собой.

Основы изучения истории повседневности нашли отражение в трудах А. Шюца, А. Людке, Ш. Фицпатрик и других ученых [25; 14; 23]. Н. Н. Макарова и С. Х. Ахметзянов в своих исследованиях изучают повседневную жизнь спецпереселенцев г. Магнитогорска [15; 1]. Как полагает И. Б. Орлов, повседневность позволяет выйти на междисциплинарный уровень, наметить пути преодоления отдельных стереотипов исторических подходов [16]. Поэтому важно отразить особенности повседневной жизни и такого специфического социума – спецконтингента. На наш взгляд, несмотря на обширную литературу по раскулачиванию, ссылке крестьян, пока еще недостаточно полно исследована тема жизни ссыльных в спецпоселениях.

1. Заработная плата и обеспеченность спецпереселенцев жильем

По мнению Прокурора СССР (1935–1939) А. Я. Вышинского, «выселение осуществлялось не по решению суда, а в административном порядке, по инициативе и волеизъявлению самих трудящихся масс» [6, с. 24]. Однако селян лишали прав и свобод не по воле населения страны, а в результате так называемой революционной целесообразности при построении социализма в деревне.

По «Временному положению ОГПУ о правах и обязанностях спецпереселенцев, об административных функциях и административных правах поселковой администрации в районах расселения спецпереселенцев» (октябрь 1931 г.) все работавшие спецпереселенцы в оплате труда и снабжения продовольствием и промтоварами приравнивались к вольнонаемным рабочим⁹. Однако фактически спецпереселенцы получали за свой труд существенно меньше, чем вольнонаемные. Для покрытия расходов на их административное обслуживание из заработной платы удерживались первоначально 25 % (до августа 1931 г.), затем – 15 %¹⁰ (до февраля 1932 г.), а позднее – 5 % (до сентября 1944 г.).

Ссыльные находились в худшем положении по жилищным вопросам, питанию и по медицинскому обслуживанию. Социальные пособия получали в 2 раза меньше, чем вольные работники.

Ссыльные крестьяне не могли приобрести самое необходимое, поскольку зарплата или задерживалась, или вообще не выдавалась. Нередко рабочих обсчитывали, незаконно увеличивали нормы выработки [22, с. 106, 127]. Так, в Тюменском районе лесобъединение, сельскохозяйственный комбинат систематически задерживали заработную плату¹¹. На июнь 1933 г. в Уральской области задолженность по зарплате составляла значительную сумму – 3,6 млн руб.¹². Вместе с тем рабочих-спецпереселенцев принудительно подписывали на займы¹³.

Обеспеченность спецпереселенцев жильем, особенно на начальном этапе ссылки, находилась на низком уровне. Места проживания не были готовы к приему ссыльных. Прибывавший спецконтингент привозили в необжитые места и заставляли самостоятельно строить временное или постоянное жилье. В 1930 г. места для спецпоселков выбирались наспех, ориентировочно. Часто они находились на неудобных, болотистых землях, как происходило в ряде леспромхозов. Затем эти поселения приходилось размещать на другой территории, строить новые бараки¹⁴. Причем после строительных работ ссыльных могли отправить в другое место. Пока строились бараки, в 1931 г. первым 200 тыс. спецпереселенцам приходилось проживать в шалашах, палатках, землянках, сараях¹⁵. В ряде случаев спецпереселенцев подсаляли к жителям соседних деревень или выделяли неблагоустроенные бараки.

Спецпереселенец Г. И. Шарипов из Уфалейского района Уральской области вспоминал: «...в

⁹ Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 537.

¹⁰ Там же. С. 483, 537.

¹¹ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 164. Л. 87.

¹² Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 1000.

¹³ Там же. С. 727.

¹⁴ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 226-227.

¹⁵ Там же. Л. 202.

течение 3–4 лет нас перебрасывали с места на место группами по 50–100 человек, не давая постоянного места жительства <...> Так мы осваивали все новые и новые места. Нас привозили и разгружали, и оставляли на голом месте: “как хочешь, так и устраивайся”. Мы, мужчины брали в руки топор, строили бараки, рыли землянки. Только в 1933 г. нас оставили на постоянное место жительства»¹⁶. По информации ОГПУ, план по строительству жилья для спецпереселенцев на Урале не выполнялся. Строители использовались на других работах, не поступала проектная документация, задерживалось кредитование, не везде имелись необходимые строительные материалы и инструменты¹⁷. Средства, выделяемые на строительство жилья, использовались неудовлетворительно¹⁸.

В связи с нехваткой жилья, питания и медицинского обслуживания для спецпереселенцев начальник «Магнитостроя» Я. С. Гугель настаивал на немедленной переброске семей обратно с площадки строительства¹⁹. По Постановлению СНК СССР от 16 августа 1931 г. «О спецпереселенцах» ссыльным разрешили строить дома и хозяйственные постройки с целью создания постоянных кадров рабочих [8, с. 180]. Но жилья по-прежнему не хватало²⁰. Если в 1931 г. для ссыльных на Урале построили лишь половину намеченного, то в следующем году более 30 тыс. семей разместили во временных помещениях и подселили к вольным крестьянам [9, с. 243].

Для спецпереселенцев устанавливалась норма жилья на человека 3 кв. м²¹, однако фактически она была значительно меньше. В конце 1932 г. в г. Магнитогорске на семью выделялось одни нары шириной примерно 2 м. Нар не хватало и приходилось спать под нарами или на голой земле. Помещения не всегда были разделены перегородками. В Кизеловском районе на человека приходилось 0,05–1,25 кв. м жилья. Территории поселков были грязными. Отходы выбрасывались на улицу. В отдельных поселках не было даже колодцев, и спецпереселенцам приходилось пользоваться водой из болот и речек. То же было и в других местах ссылки²².

Спецпереселенец А. Данилов рассказывал, что при прибытии в Магнитогорск их поселили в бараке, в котором имелись стены из дощатых щитов, а пола, потолка, крыши не было. Спецпереселенцы сколачивали нары, делали, что-то вроде палаток. Пищу готовили на кострах, за кипятком ходили в специально построенные кипятильные. Бани отсутствовали. Насекомых было множество²³. Ссыльная К. Максимова вспоминала: «Обычным явлением были крысы, мыши, клопы. Более десятка лет были посвящены ежедневной борьбе со вшами, которые кишели в головах и на телах, в складах одежды» [1, с. 176].

Имевшиеся спецпоселки находились в таком состоянии, что некоторые из них приходилось ликвидировать. В 1930–1934 гг. в Уральской области прекратили существование 60 бесперспективных спецпоселков из-за непригодных условий проживания [7, с. 34].

2. Медицинская и продовольственная обеспеченность спецпереселенцев

Медицинское обслуживание спецпереселенцев было ниже всех допустимых норм. Спецпереселенцы вносили деньги на страховые начисления. Они имели право на медицинскую и социальную помощь. Но действительность была иной. Спецпереселенка К. Т. Короченцева говорила: «Декретного отпуска не давали ни до родов, ни после родов. Через две недели после родов погнали пилить дрова в лес» [20, с. 167].

Медицинских учреждений явно не хватало. Отсутствовали врачи, фельдшеры и другой персонал. В имевшихся медпунктах не было медикаментов. В ряде районов ссылки начались эпидемии, и возросла смертность среди спецпереселенцев. Большое распространение получили сыпной тиф, дизентерия и другие болезни²⁴. По данным на сентябрь 1931 г., в связи с прибытием спецпереселенцев резко ухудшилось эпидемическое состояние Уральской области. Только за полугодие 1931 г. сыпным тифом заболели 3,6 тыс. человек, тогда как за весь 1930 г. таких больных насчитывалось 1,3 тыс., а оспой – 700 и 190 человек соответственно²⁵. ОГПУ информировало, что в Уральской области

¹⁶ Сплошная коллективизация и раскулачивание в Зауралье. С. 111.

¹⁷ История сталинского Гулага. Т. 5. С. 148–149.

¹⁸ Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 249, 524.

¹⁹ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 215.

²⁰ Там же. Л. 202–203.

²¹ Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 1022.

²² Судьба раскулаченных спецпереселенцев на Урале: 1930–1936 гг. С. 18; Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 102. Оп. 2. Д. 35. Л. 11, 45.

²³ Магнитогорский рабочий. 2001. 3 марта.

²⁴ История сталинского Гулага. Т. 5. С. 148–149.

²⁵ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 202.

из-за неудовлетворительного питания отмечался рост заболеваний (цинга, сыпной тиф)²⁶.

В 1930 г. для ссыльных в Уральской области еще не начали строительство больниц и амбулаторий. В наличии было всего 5 врачебных и 64 фельдшерских пунктов, а также 15 больниц. Заболеваемость от сыпного тифа ежемесячно составляла от 200 до 299 случаев. Даже в Магнитогорске, где спецпоселения были лучше других обеспечены медицинской помощью, только за месяц из 2650 детей в возрасте до трех лет умерло 15 %, а в возрасте от трех до восьми лет из 4300 – 13 %. 106 взрослых умерли за лето 1931 г.²⁷ Медицинское облуживание спецпереселенцев было неудовлетворительным и в следующем году, хотя вдвое возросло количество больниц²⁸.

Заболеваемость ссыльных превышала заболеваемость местного населения в разы. В голодные годы возрастали эпидемии. Нередко медицинские учреждения находились за 10–15 км от поселков. Фельдшер бывал в спецпоселках один раз в два-три месяца, а то и реже [9, с. 249]. Не всем ссыльным удалось выжить в столь экстремальных условиях. Если на начало 1932 г. в спецпоселках Уральской области умерло 32,7 тыс. человек к наличию с прибывшими, то через год – 51 тыс. (6,3 % и 13,1 % соответственно) [7, с. 22–23]. В 1932 г. в спецпоселках Советского Союза умерло 89,8 тыс. человек, а в 1933 г. – 151,6 тыс.²⁹.

По сведениям Д. Скотта, зимой 1933–1934 г. на «Магнитострое» из-за невыносимо тяжелых условий жизни и недоедания умер каждый десятый спецпоселенец [19, с. 278]. Типичным примером трагической судьбы переселенцев можно назвать семью Суховых, состоявшей из восьми человек. В течение двух лет нахождения в Магнитогорске в ней умерли три человека, в семье Сафоновых скончалось пять человек из восьми [1, с. 50, 52]. В 1933 г. в магнитогорской ссылке умерли 3903 человека. Если к началу ссылки семьи спецпереселенцев состояли в среднем из 6-12 человек, то за 1931–1934 гг. смерть унесла примерно половину из них [4, с. 251].

Питание ссыльных в начале расселения не отвечало элементарным нормам жизни. Членам семей спецпереселенцев в июле 1931 г. были установлены нормы снабжения для работавших в сельском хозяйстве: муки – 200 г, а для занятых в промышленности – 300 г, крупы – 25 и 30 г соответственно, рыбы – 75 г, сахара – по 12 г в день³⁰. Ссыльным, не выполнявшим высокие нормы, сокращали выдачу продуктов³¹.

Порой продовольствие вообще не выдавалось, особенно членам семей работавших³². В среднем семья состояла из шести человек, из них только один являлся трудоспособным. За выполненную норму в 5 м³ сваленного леса ссыльный получал 1,2 кг муки или печеного хлеба, т. е. 200 г на члена семьи. В то же время имелись семьи по 8–11 человек, но на них фонды не выделялись³³. В Магнитогорске рабочие получали карточки, на которые выдавали хлеб, иногда сахар и рыбу. Мяса не было. На рабочую карточку полагалось 800 г хлеба, а на иждивенческую – вдвое меньше. Но выдачу карточек задерживали на неделю и больше³⁴.

С таким пайком не только работать, но и просто жить было невозможно. Попытки спасти жизнь за счет продажи собственных вещей жестко пресекались. Кроме того, столовые находились в безобразном состоянии. Нередко спецпереселенцы стояли в очереди несколько часов, чтобы получить обед, а на перерыв выделялся один час. Качество обедов в большинстве случаев было неудовлетворительным³⁵.

К повседневным тяготам добавился голод 1932–1933 гг. Из-за плохого обеспечения продуктами питания люди находились на грани выживания. Например, в Кытлымском районе около 10 тыс. нетрудоспособных вообще были лишены питания³⁶. По воспоминаниям А. С. Нагдасевой: «Особенно тяжелыми были 1932–1933 годы. Голод, холод в бараках. Хлеб и другие продукты по карточкам – мизер. Хлеб мама резала маленькими кубиками, перловая каша, суп с крапивой. Подсобного хозяйства не было, в деревне никуда ходить не разрешалось. Запомнилась еще селедка, жирная, вкусная. Роди-

²⁶ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 662-663; ГАСО. Ф. 102. Оп. 2. Д. 35. Л. 169; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 238. Л.84.

²⁷ Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 975-976.

²⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 238. Л. 78.

²⁹ Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 1051.

³⁰ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 707.

³¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 35-36, 38.

³² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 164. Л. 87.

³³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 10.

³⁴ Магнитогорский рабочий. 2001. 3 марта.

³⁵ Судьба раскулаченных спецпереселенцев на Урале: 1930–1936 гг. С. 170.

³⁶ История сталинского Гулага. Т. 5. С.148-149.

тели уже получали зарплату, продукты покупали». И. С. Олифиер из спецпоселка Вагран писал: «Начался 33-й год. Голод. Ежедневное недоедание, тяжелый труд, плохая одежда и обувь, мороз делали свое дело. Людям оставалось одно – умирать. И умирали. Летом в тайге заедал гнус, ночью в бараках донимали клопы, отвратительное питание – суп из “семи круп”, мизер хлеба, не хватало соли. Дети просили есть. Местная власть прогрессивно сокращала норму хлеба. Люди ели травы, толченую кору, всевозможные съедобные и несъедобные грибы и ягоды, доходило до лягушек. Одежда плохая, на ногах “берендеевы сапоги” – лапти. Чтобы не замерзнуть, надо было без конца двигаться, но силы истощали, и они постепенно таяли, и люди умирали. Чтобы не дать умереть с голоду нашей семье, я, как самый старший из детей, ходил за милостынями по местным деревням» [20, с. 151, 153, 163].

От такого снабжения в Надеждинском районе, живые настолько обессилели от голода, что не в состоянии были хоронить умерших. До 5 тыс. человек бежало с исключительной целью – попасть в тюрьму [24, с. 40].

Безвыходное положение, фрустрации, стресс толкали спецпереселенцев к суициду. В подобной ситуации имелись случаи каннибализма³⁷. Голодное время ломало психику людей. Не по собственной воле они становились каннибалами, и не ради провокации, как говорили правоохранители. К этому вынуждала их жизнь без еды.

Чтобы раскулаченные могли пропитаться, ссыльных стали переводить на самообеспечение. Для семей спецпереселенцев, занятых в промышленности, разрешалось освоить 0,5 га земли. На этом участке 70 % площади отводилось под картофель, 15 % – под овес и 15 % – под овощи³⁸. С июля 1932 г. на спецпоселки частично распространили майские (1932 г.) Постановления СНК СССР о развертывании колхозной торговли хлебом³⁹. Эти послабления в некоторой степени помогали выживать в голодные годы. По словам К. Максutowой: «Воспоминания детства связаны с чувством постоянного голода и непрерывными мыслями о еде. Продуктовые пайки были очень скудными, поэтому без ведения личного подсобного хозяйства было не выжить. Люди, по разным причинам не имевшие его, буквально, что называется, пухли с голода. На выделенных нам земельных участках мы сажали картошку, капусту и свеклу, сеяли пшеницу. Не один год держали молочную козу, а также кур» [1, с. 177].

Ссылным не хватало элементарного: одежды и обуви. Как писали властям спецпереселенцы, одежда и обувь на севере оказалась совершенно непригодной⁴⁰. В ряде районов половина ссыльных находилась без сапог и теплой одежды. Вместо этих необходимых вещей иногда присылали женские туфли на высоком каблуке и мужские хромовые ботинки «джимми»⁴¹.

В Тюменском районе спецодежда часто не выдавалась. Спецпереселенцы иногда работали полубосыми⁴². В связи с отсутствием спецодежды и постельных принадлежностей спецпереселенцы работали в своей одежде, подстилали ее во время сна, ею же и укрывались, что превращало ее в лохмотья. У спецпереселенцев не имелось теплой обуви и одежды⁴³. На лесозаготовках одну пару теплового белья давали на шесть человек⁴⁴.

Руководством страны была поставлена задача не только организовать труд ссыльных кулаков, но и с помощью пропаганды и агитации, привлечь раскулаченных и их детей к общественной работе, к участию в культурно-массовых мероприятиях. С помощью повышения общего образования и квалификации, политического просвещения требовалось перевоспитывать спецконтингент в духе марксистско-ленинской идеологии. Считалось важным оторвать, прежде всего, молодежь от старшего поколения, их устоявшихся традиционных взглядов на ведение индивидуального хозяйства. Дети ссыльных кулаков обучались в школах, которые были изолированы от молодежи, находящейся вне спецпоселков. Когда в Уральскую область стали прибывать первые спецпереселенцы, бюро фракции ВКП(б) Уральского облисполкома поставило задачу постройки школ и пунктов ликвидации неграмотности⁴⁵.

В 1931–1932 учебном году в Уральской области в спецпоселках имелось всего 197 школ, но не

³⁷ Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 1001.

³⁸ Там же. С. 280.

³⁹ Там же. С. 713–714.

⁴⁰ Там же. С. 929.

⁴¹ Там же. С. 677.

⁴² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 164. Л. 87.

⁴³ Судьба раскулаченных спецпереселенцев на Урале: 1930–1936 гг. С. 102.

⁴⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 238. Л. 57.

⁴⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 390. Л. 143 об.

хватало 877 учителей, учебников и школьно-письменных принадлежностей [9, с. 251]. Из 36,8 тыс. детей спецпереселенцев школьного возраста (8–11 лет) обучались более тысячи. В начале 1932 г. 42,2 % учителей составляли спецпереселенцы. На 1 марта 1932 г. были учтены 31,4 тыс. неграмотных спецпереселенцев, но из них лишь 21,3 % были охвачены ликбезом. За счет спецпереселенцев намечалось построить избы-читальни, организовать красные уголки⁴⁶. Однако ОГПУ было недовольно тем, что в школах спецпоселков не всегда выдерживалась партийно-классовая линия [9, с. 252].

Условия проживания в спецпоселениях не могли ни отразиться на состоянии спеконтингента. Большинство ссыльных выражало свое неприятие действиями властей латентно. Другие пытались протестовать, что наглядно видно по сводкам правоохранительных органов. Только за первый квартал 1933 г. в ссылке Уральского региона выявили 28 так называемых контрреволюционных групп в количестве 204 человек и 6 повстанческих организаций (38 ссыльных)⁴⁷. С поправкой на достоверность данных, можно увидеть проявления такого рода протестов, чреватых тяжелыми последствиями для участников. Недовольство ссыльных проявлялось также в групповых отказах от работы и невыполнении производственных планов⁴⁸, хотя последнее больше было связано с истощением работников.

Чаще протест выражался в побеггах, особенно в начальный период ссылки, когда дети оставались в местах прежнего проживания без родителей. По данным В. Н. Земскова, в Уральской области на 1 января 1932 г. бежали 97 тыс. человек, через год – 56 тыс., (к наличию вместе с прибывшими 18,7 % и 13,1 % соответственно) [7, с. 22–23]. С начала ссылки по февраль 1933 г. на Урале сбежали 156,3 тыс. человек⁴⁹.

По донесениям агентуры, среди спецпоселенцев звучали такие высказывания: *«Если не улучшат условия нашей жизни и не отпустят домой, то надо организованным порядком разбить милицию и всю местную власть»*; *«Вы что нас привезли сюда, чтобы мы с голоду подохли, уж лучше расстреливайте на месте. Вы должны нам предоставить такой же паек, как и прочим рабочим. Дайте нам на участок коров, чтобы наши дети получали молоко, иначе мы принесем их к вам в канцелярию и бросим»*; *«Остается только брать кого-нибудь за глотку, или кончить жизнь самоубийством»* и т. п.⁵⁰.

Заключение

Проведенное исследование позволило проанализировать условия проживания раскулаченных крестьян. С самого начала расселения и на протяжении всего времени пребывания в спецпоселениях крестьянам пришлось нести тяжелейшие лишения. Властные структуры лишили селян не только свободы, но и возможности минимальных, элементарных средств для жизни. Особенно трудными оказались голодные 1932–1933 гг. Продовольственный кризис в стране наложил свой отпечаток на повседневность ссыльных. Неблагоприятные условия проживания, неудовлетворительное питание, плохое медицинское обслуживание, непосильный труд, деморализация и психические расстройства приводили к высокой смертности, болезням спецпереселенцев. Демографическая катастрофа в наибольшей степени коснулась именно ссыльных. Борьба за выживание определяла их существование в неволе. В период ссылки разрушались семейные связи, происходило противопоставление детей своим родителям. Принимаемые меры по сохранению спецконтингента носили в основном формальный характер.

Ссылка зажиточных крестьян имеет две стороны. С одной стороны, партийно-государственные структуры с помощью раскулачивания и коллективизации могли избавиться от возможных классовых противников, собственнической психологии крестьянства, создав послушный сельский социум. При этом через колхозно-совхозную систему обеспечивались бесперебойные заготовки сельскохозяйственной продукции необходимой не только для внутренних нужд, но и для экспорта с целью импорта зарубежной техники во время индустриализации. С другой стороны, ссыльные крестьяне позволяли решать экономические задачи по обеспечению строек пятилеток постоянной рабочей силой, тогда как среди вольных работников была высокая текучесть кадров. Радикальные меры по превращению крестьян в рабочих болезненно отразились на аграрном секторе при превращении страны в индустриальную державу. Исследование выявило лишь некоторые, самые тяжелые моменты на первом этапе

⁴⁶ Судьба раскулаченных спецпереселенцев на Урале: 1930–1936 гг. С. 23, 64–65.

⁴⁷ Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 998.

⁴⁸ Там же. С. 987.

⁴⁹ Там же. С. 999.

⁵⁰ Там же. С. 931, 933–934, 936, 970.

ссылки. В дальнейшем принимались меры по освобождению части спецконтингента, в течение пятилетнего срока проявившим лояльность советской власти, своими трудовыми достижениями и общественной активностью, а также в годы Отечественной войны, защищая Родину. В 1946 г. началось освобождение ссыльных, часть из которых добровольно осталась в местах спецпоселений. Находясь в неволе, ссыльные не стали врагами государства, проявляли высокие моральные человеческие качества. Все мы, особенно молодежь, должны знать правду о непростом прошлом страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахметзянов С. Х. Раскулаченные – первостроители Магнитогорска. Магнитогорск: Магнитогорский Дом печати, 2016. 200 с.
2. Белашева И. В. Психология экстремальных и чрезвычайных состояний. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. 262 с.
3. Василюк Ф. Е. Типология переживания различных критических ситуаций // Психологический журнал. 1995. № 5. С. 104-114.
4. Вепрев О. В., Лютов В. В. Государственная безопасность: три века на Южном Урале. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. 445 с.
5. Виола Л. Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений. Москва : РОССПЭН, 2010. 333 с.
6. Вышинский А. Я. Социалистическое строительство, социалистическая законность и задачи советской юстиции. М.: Советское законодательство, 1934. 37 с.
7. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. Москва : Наука, 2003. 304 с.
8. Зима В. Ф. Генрих Ягода и необъявленная война с советской деревней // Отечественная история. 2003. №4. С. 177–183.
9. Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). Москва : Интерпракс, 1994. 267 с.
10. Ивницкий Н. А. Судьба раскулаченных в СССР. Москва: Собрание, 2004. 294 с.
11. История советского крестьянства. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства, конец 1927–1937 гг. Т. 2. Москва: Наука, 1986. 448 с.
12. Кукушкин Ю. С. Роль сельских советов в социалистическом переустройстве деревни 1929–1932 гг. (по материалам РСФСР). Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1962. 156 с.
13. Леонтьев Д. А. Качество жизни и благополучие: объективные, субъективные и субъектные аспекты // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 6. С. 86–95.
14. Людтке А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. Москва : РОССПЭН, 2010. 268 с.
15. Макарова Н. Н. Спецпереселенцы в Магнитогорске: особенности повседневной жизни в индустриальном центре // Актуальные проблемы теоретических и прикладных исследований: язык, культура, ментальность. Материалы международной научно-практической конференции. Магнитогорск: Издательство: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2014. С. 138–143.
16. Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. Москва : Изд. дом гос. ун-та Выш. шк. экономики, 2010. 316 с.
17. Селье Г. Стресс без дистресса. Москва : Прогресс, 1982. 124 с.
18. Семенова И. А. Психология экстремальных ситуаций. Ульяновск: УВАУ ГА(И), 2012. 138 с.
19. Скотт Д. За Уралом: Американский рабочий в русском городе стали. Москва : Изд-во Моск. ун-та; Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 304 с.
20. Славко Т. И. Кулацкая ссылка на Урале. 1930–1936. Москва : Мосгорархив, 1995. 173 с.
21. Филатов В. В. Семья в условиях раскулачивания и крестьянской ссылки на Урале // Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития. Сб. статей IX Уральского демографического форума. Екатеринбург: Изд-во Ин-т экономики УрО РАН, 2018. С. 229–242.
22. Филатов В. В. Уральское село, 1927–1941 гг.: ссылка раскулаченных. Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2010. 253 с.
23. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. Москва: РОССПЭН, 2001. 332 с.
24. Цыганов В. В. Формирование административно-командной системы управления колхозами Урала (1933 – июнь 1941 г.). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 150 с.
25. Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 2. С. 3–34.

RESIDENTIAL CONDITIONS FOR SPECIAL SETTLEMENTS IN THE URAL EXILE IN THE EARLY 1930s

Abstract. The dispossession of peasants and their further exile are a tragic page in the Soviet past. It is relevant to study how the peasants withstood all the hardships and rigors of daily routine existed in new conditions of isolation being repressed without legal grounds for life. Deprived of elementary rights, people made up for the missing industry personnel in jobs that did not require high qualifications. The so-called kulaks were sent to work at the construction sites of the five-year plan, fellings and mines, etc. Where it was difficult to send a free person of his own free will. The subject of the study is the adaptation of exiled peasants to new living conditions, their daily life, emotional and psychological state. The purpose of the study is to determine the real situation of the special contingent in the Ural region in the early 1930s. The scientific novelty of the study lies in the fact that the article analyzes and systematizes both new published documents and those introduced into scientific circulation for the first time. The chronological framework of the study covers 1930–1933, when the mass eviction of wealthy peasants took place. The article uses both general scientific methods and historical-genetic, comparative and other methods of historical research. As a result of studying the exiles' life, it was revealed that the special settlers, especially at the first stage of exile, were in the most difficult conditions. Uncomfortable housing was allocated for their living. The insufficient medical care and the poor supply of food and industrial goods led to high mortality. The hard work going along with the unsettled life caused lots of stress and frustration.

Keywords: Ural region, exiled peasants, special settlements, living conditions, medical care, food.

REFERENCES

1. Akhmetzyanov S. Kh., Raskulachennyye – pervostroiteli Magnitogorska, Magnitogorsk, Magnitogorskiy Dom pechati, 2016, 200 p.
2. Belasheva I. V., Psikhologiya ekstremal'nykh i chrezvychaynykh sostoyaniy, Stavropol', Izd-vo SKFU, 2015, 262 p.
3. Vasilyuk F. Ye., Tipologiya perezhivaniya razlichnykh kriticheskikh situatsiy, *Psychological journal* [Psychological journal]. 1995, no. 5, pp. 104-114.
4. Veprev O. V., Lyutov V. V., Gosudarstvennaya bezopasnost': tri veka na Yuzhnom Urale, Chelyabinsk, Yuzh.-Ural. kn. izd-vo, 2002, 445 p.
5. Viola L., Krest'yanskiy GULAG: mir stalinskiykh spetsposeleniy, Moscow, ROSSPEN, 2010, 333 p.
6. Vyshinskiy A. Ya. Sotsialisticheskoye stroitel'stvo, sotsialisticheskaya zakonnost' i zadachi sovetskoy yustitsii, Moscow, Sovetskoye zakonodatel'stvo, 1934, 37 p.
7. Zemskov V. N., Spetsposelentsy v SSSR, 1930–1960, Moscow, Nauka, 2003, 304 p.
8. Zima V. F., Genrikh Yagoda i neob'yavlennoy voyna s sovetskoy derevney, *Otechestvennaya istoriya* [Domestic history], 2003, no. 4, pp. 177–183.
9. Ivnitkiy N. A. Kollektivizatsiya i raskulachivaniye (nachalo 30-kh godov), Moscow, Interpraks, 1994, 267 p.
10. Ivnitkiy N. A. Sud'ba raskulachennykh v SSSR, Moscow, Sobraniye, 2004, 294 p.
11. Istoriya sovetskogo krest'yanstva. Sovetskoye krest'yanstvo v period sotsialisticheskoy rekonstruktsii narodnogo khozyaystva, konets 1927–1937 gg. T. 2, Moscow, Nauka, 1986, 448 p.
12. Kukushkin YU. S. Rol' sel'skikh sovetov v sotsialisticheskoye pereustroytve derevni 1929–1932 gg. (po materialam RSFSR), Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1962, 156 p.
13. Leont'yev D. A., Kachestvo zhizni i blagopoluchiye: ob'yektivnyye, sub'yektivnyye i sub'yektivnyye aspekty, *Psikhologicheskyy zhurnal* [Psychological journal], 2020, vol. 41, no. 6, pp. 86-95.
14. Lyudtke A., Istoriya povsednevnosti v Germanii: novyye podkhody k izucheniyu truda, voyny i vlasti, Moscow, ROSSPEN, 2010, 268 p.
15. Makarova N. N., Spetspereselentsy v Magnitogorske: osobennosti povsednevnoy zhizni v industrial'nom tsentre, Aktual'nyye problemy teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy: yazyk, kul'tura, mental'nost'. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Magnitogorsk, Izdatel'stvo Magnitogorskiy gosudarstvennyy tekhnicheskyy universitet im. G. I. Nosova, 2014, pp. 138–143.
16. Orlov I. B., Sovetskaya povsednevnost': istoricheskiy i sotsiologicheskyy aspekty stanovleniya, Moscow, Izd. dom gos. un-ta Vyssh. shk. ekonomiki, 2010, 316 p.
17. Sel'ye G., Stress bez distressa, Moscow, Progress, 1982, 124 p.
18. Semenova I. A., Psikhologiya ekstremal'nykh situatsiy, Ul'yanovsk, UVAU GA(I), 2012, 138 p.
19. Skott D. Za Uralom: Amerikanskiy rabochiy v russkom gorode stali, Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta; Sverd-

lovsk, Izd-vo Ural. un-ta, 1991. 304 p.

20. Slavko T. I., Kulatskaya sсыlka na Urale. 1930–1936, Moscow, Mosgorarkhiv, 1995, 173 p.

21. Filatov V. V., Sem'ya v usloviyakh raskulachivaniya i krest'yanskoy sсыlki na Urale, Demograficheskaya i semeynaya politika v kontekste tseley ustoychivogo razvitiya. Sb. statey IX Ural'skogo demograficheskogo foruma, Yekaterinburg, Izd-vo In-t ekonomiki UrO RAN, 2018, pp. 229-242.

22. Filatov V. V. Ural'skoye selo, 1927–1941 gg.: sсыlka raskulachennykh, Magnitogorsk, GOU VPO «MGTU», 2010, 253 p.

23. Fitspatrik Sh., Povsednevnyy stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-ye gody: gorod. Moscow, ROSSPEN, 2001, 332 p.

24. Tsyganov V. V. Formirovaniye administrativno-komandnoy sistemy upravleniya kolkhozami Urala (1933 – iyun' 1941 g.), Sverdlovsk, Izd-vo Ural. un-ta, 1991, 150 p.

25. Shyuts A. O mnozhestvennosti real'nostey. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [The Sociological Review], 2003, vol. 3, no. 2, pp. 3–34.

Филатов В. В. Условия проживания спецпереселенцев в уральской ссылке в начале 1930-х годов // Гуманитарно-педагогические исследования. 2023. Т. 7. № 3. С. 21–30.

Filatov V. V., Residential Conditions for Special Settlements in the Ural Exile in the Early 1930s, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2023, vol. 7, no.3, pp. 21 –30.

Дата поступления статьи – 28.08.2023; 1 печ. л.

Сведения об авторе

Филатов Владимир Викторович – доцент, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-инновационного сектора, Научно-исследовательского института исторической антропологии и филологии, лаборатории филологических интернет-стратегий ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова», г. Магнитогорск, Россия; v.philatov@mail.ru.

Author:

Vladimir V. Filatov, Associate Professor, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Research and Innovation Sector, Research Institute of Historical Anthropology and Philology, Laboratory of Philological Internet Strategies, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU), Magnitogorsk, Russia; v.philatov@mail.ru.

КРАУДСОРСИНГ В ЦИФРОВЫХ ПРОЕКТАХ В ОБЛАСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ И КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ: ЗАРУБЕЖНЫЕ ПРАКТИКИ

Аннотация. В представленной работе проводится анализ применения краудсорсинга в цифровых проектах в сфере исторического наследия и коллективной памяти. Автор раскрывает идейную и техническую основу проектов, связанных с: расшифровкой рукописей исторических документов и их преобразования в печатный текст; исправлением оцифрованных текстов документов; геотегингом фото- и иных изображений; созданием документов от лица современников эпохи или участников исторических событий. На основе изучения конкретных проектов автор приходит к выводу о том, что краудсорсинг, с одной стороны, может помочь профессиональному сообществу в решении проблем масштабной рутинной работы, вроде расшифровки рукописей, сбора и сохранения ценных для исторической науки документов и артефактов; но, с другой стороны, краудсорсинговые проекты, предлагающие широкой публике выступить в качестве свидетелей проживаемой ею исторической эпохи и задокументировать коллективную память, чаще всего изначально задают волонтерам вполне определенный угол зрения и идеологический фон. В таких случаях краудсорсинг предстает как технология манипуляции, мобилизующей и формирующей общественное мнение. Вполне симптоматично, что создатели цифровых краудсорсинговых проектов по коллективной памяти, не скрывая своего скепсиса в отношении исторической науки и демонстративно противопоставляя себя профессиональным историкам, архивариусам и сотрудникам музеев, часто убеждают «толпу», что именно ей должна принадлежать ключевая роль в определении нарратива о прошлом, формировании архивных и музейных коллекций. Тем не менее при всей неоднозначности отдельных аспектов краудсорсинга кажется бесспорным то, что он актуализирует ценность прошлого и необходимость сохранения исторического наследия и коллективной памяти.

Ключевые слова: краудсорсинг, виртуальные волонтеры, проект, историческое наследие, коллективная память.

Введение

Актуальность представленного исследования состоит в обсуждении потенциала практик краудсорсинга, возникших в сфере сохранения исторического наследия и коллективной памяти в условиях «цифрового поворота». На примере зарубежных проектов в статье поднимаются вопросы о том, чем и в какой степени могут быть полезны мобильные добровольцы, как выстраиваются отношения профессионалов и любителей, насколько ценны цифровые продукты, созданные в результате этого взаимодействия и др.

Цель работы – изучить зарубежный опыт реализации цифровых краудсорсинговых проектов в области сохранения исторического наследия и коллективной памяти, охарактеризовать основные виды этих проектов, их идеологию и механику.

Методологической основой исследования является совокупность общенаучных и специально-научных методов и подходов, важные для понимания краудсорсинга теории «виртуального сообщества» (Г. Рейнгольд), теории коммуникации «толпы онлайн» (Л. Ах), теории совместного творчества (Дж. Хау) и концепции ценные для осмысления коллективной памяти (Дж. Олик, А. Ассман).

Научная новизна исследования состоит в критическом осмыслении идеологической составляющей зарубежных цифровых проектов краудсорсинга в области сохранения исторического наследия и коллективной памяти, направленной на формирование у граждан определенного отношения к прошлому и настоящему.

Практическую значимость исследования автор видит в том, что выявленные позитивные аспекты зарубежного опыта реализации цифровых краудсорсинговых проектов в сфере сохранения исторического наследия и коллективной памяти могут быть полезны при осуществлении подобных проектов в нашей стране.

Термин «краудсорсинг» (от латинского *crowdsourcing*, где *crowd* – «толпа» и *sourcing* – «использование ресурсов») был введен американским редактором и журналистом Джеффом Хау в начале 2000-х прежде всего применительно к бизнесу. Наиболее распространенная в нашей литературе трактовка данного понятия такова: «краудсорсинг» – это передача некоторых производственных функций неопределенному кругу лиц, решение общественно значимых задач силами добровольцев, часто координирующих при этом свою деятельность с помощью информационных технологий [1, с. 206; 2, с. 73; 5, с. 233].

Классическим примером краудсорсинга Хау называет создание операционной системы Linux, которая была построена на открытом коде усилиями большого числа программистов [6, с. 15]. У создателей системы не было денег для того, чтобы нанять работников, и поэтому они обратились к любителям с предложением развивать проект за идею. Linux стал продуктом энтузиазма «толпы» программистов, организованных и вдохновляемых Кеном Томпсоном.

Сегодня краудсорсинг реализуется повсеместно: в журналистике для сбора информации, фактчеккинга и редактирования текстов; в медицине для сбора данных о влиянии тех или иных препаратов на здоровье пациентов; бизнес-корпорациями для выявления запросов и предпочтений массовой публики.

Краудсорсинговые технологии получили развитие и в цифровых проектах, связанных с историческим наследием и коллективной памятью [4]. Организаторы проектов в музеях, архивах, библиотеках и галереях обращаются за помощью к многочисленным виртуальным волонтерам, чтобы решить масштабные задачи в относительно короткие сроки. Некоторые эксперты даже говорят об изменении системы отношений этих учреждений с публикой, поскольку содержание проектируется не для нее, а вместе с ней.

По мнению итальянских авторов Л. Карлетти, Дж. Джанначи, Д. Прайса, все цифровые проекты в сфере наследия и коллективной памяти можно разделить на две больших группы:

1) проекты, в которых виртуальные волонтеры привлекаются для обработки готовых коллекций, они фактически взаимодействуют с уже имеющимися цифровыми объектами и задействуются для выполнения таких работ, как расшифровка рукописей и их перевод в печатный текст, геотеггинг, выбор перечня изображений и числа предлагаемых и т.д.

2) проекты, в которых виртуальных волонтеров приглашают создавать новые цифровые объекты, например аудио- /видеозаписи интервью, изображения исторических артефактов из семейных коллекций и пр.

С учетом данной классификации мы представим основные направления использования краудсорсинговых технологий в цифровых проектах в сфере исторического наследия и коллективной памяти [7].

1. Расшифровка рукописей исторических документов и их преобразование в печатный текст

Примерами подобной мобилизации волонтеров могут служить следующие проекты.

Проект Гарвардской библиотеки, посвященный истории Америки колониального периода¹. На старте проекта в конце 2010-х гг. организаторы обратились ко всем неравнодушным с просьбой принять участие в расшифровке рукописей дневников, писем, записных книг XVII–XVIII вв. и провели для них мастер-класс в дистанционном формате. В результате кропотливой работы волонтеров десятки тысяч документов стали доступны широкой публике, в том числе ученым, которые активно используют их в своих исследованиях.

Еще один интересный проект, запущенный в октябре 2010 года «Старая погода» (Old Weather)². Он ставил целью расшифровку данных о погоде в судовых журналах кораблей, начиная с середины XIX в. до наших дней для активизации изучения истории климата, окружающей среды и истории военно-морского флота. Сайт проекта стал широкой площадкой сотрудничества архивов, музеев, университетов США и Великобритании и считается одним из самых успешных примеров краудсорсинга.

Число краудсорсинговых проектов по расшифровке манускриптов постоянно растет, как расширяется и их тематика. Проекты расшифровки греческих папирусов, рукописей философа и юриста Иеремии Бентама³, дневников участников Первой мировой войны⁴ и многие другие находят своих участников.

В профессиональном сообществе есть два полярных мнения на предмет того, продуктивно ли доверять расшифровку рукописей любителям.

1. Скептики полагают, что эффективно транскрибировать тексты могут только профессионалы, которые глубоко погружены в контекст и четко понимают их ценность для научных изысканий. А любители неизбежно будут допускать ошибки и искажение смыслов. В результате «расшифрован-

¹ CURIOSity Digital Collections [сайт] URL: <https://curiosity.lib.harvard.edu> (дата обращения: 12.08.2023).

² Old Weather [сайт] URL: <http://www.oldweather.org/> (дата обращения: 12.08.2023).

³ Transcribe Bentham [сайт] URL: <http://blogs.ucl.ac.uk/transcribe-bentham/> (дата обращения: 12.08.2023).

⁴ Operation War Diary [сайт] URL: <http://www.operationwardiary.org/> (дата обращения: 12.08.2023).

ные» таким образом рукописи будут никому не нужны и фактически станут информационным мусором. В связи с этим скептики предлагают отказаться от краудсорсинга, а просто достойно финансировать профессиональных ученых.

2. Защитники краудсорсинга доказывают, что волонтеры при должном руководстве со стороны профессионалов могут принести науке колоссальную пользу. Ученым просто необходимо обучать волонтеров и развивать в них необходимые для расшифровки текстов знания, умения и навыки и постоянно контролировать качество транскрибации. Еще одним аргументом апологетов краудсорсинга является то, что в расшифровке часто на добровольной основе участвуют и профессионалы [9, р. 420–438].

2. Исправление оцифрованных текстов исторических документов

Оптическое распознавание символов (OCR) – технология, позволяющая преобразовывать отсканированные документы в редактируемые форматы Word, Pdf и пр. – не всегда качественно распознает текст, путает слова, их окончания и пр. Для коррекции электронных текстов документов архивы и библиотеки обращаются к помощи виртуальных добровольцев. Так, к примеру, поступила Национальная библиотека Австралии, когда в 2008 г. попросила граждан помочь исправить ошибки в более 8 миллионах статей из оцифрованных старых австралийских газет⁵. В 2015 г. добровольцы проверили и исправили более 166 миллионов газетных статей. Проект продолжается и сейчас и также признается одним из самых успешных.

3. Геотегинг фото и изображений из уже собранных коллекций

Геотегинг – процесс привязки географического местоположения к различным информационным ресурсам, например, изображению, новости, саундтреку, видео и т. д. В нашем случае речь по большей части идет о присоединении географических метаданных к историческим фотографиям.

Допустим, до нас дошло большое количество исторических фотографий с изображениями городских улиц, архитектурных сооружений, инфраструктурных объектов, природных ландшафтов – рек, озер, гор, лесных массивов. И при этом нам неизвестно, какие конкретно локации запечатлены на фото, особенно если они уже исчезли. В связи с этим авторы цифровых проектов геотегинга предлагают пользователям идентифицировать места и привязать изображение к конкретному современному адресу, району на интерактивной карте.

На примере ряда наиболее известных проектов «Хистографика» (HistoGrafica)⁶, «СепиаТаун» (SepiaTown)⁷, «Что было здесь» (WhatWasThere)⁸, «Старый Сан-Франциско» (Old SF)⁹ и «Хистори-пин» (Historypin)¹⁰ разберем их механику. Эти проекты имеют в Интернет свою собственную карту или используют карту Google Maps. Администраторы просят пользователей разместить на ней цифровые версии исторических фото с описанием, датой и пр. Поиск изображений на платформах осуществляется по местоположению на карте – улице, зданию, району, по географическим координатам, по дате или по ключевым словам, например имени человека. А далее функционал платформ различается в зависимости от степени продвинутости и подхода авторов проекта к организации контента.

Существуют так называемые платформы Web 1.0, где права и возможности пользователей по существу ограничены лишь размещением тегов на изображениях, а весь остальной процесс контролируется администраторами проектов. В такой парадигме работают «Старый Сан-Франциско» (Old SF), «СепиаТаун» (SepiaTown), «Что было здесь» (WhatWasThere).

На платформах Web 2.0, к числу которых, например, относится «Хистографика» (HistoGrafica), пользователи имеют более широкие возможности. Они могут: 1) загружать свои фото; 2) давать им свое описание и указывать источник; 3) комментировать загруженные предшественниками фото и описание; 4) заносить интересующее их фото в избранное, рекомендовать их другим пользователям; 5) указывать, что местоположение присвоенное изображению, отмечено неверно. На платформе «Хистори-пин» (Historypin) пользователи, помимо вышеперечисленных функций, могут привязать к карте аутентичные аудио и видеозаписи.

Некоторые авторы называют подобные проекты виртуальной машиной времени, позволяющей посетителям сайта «прогуляться» по улицам любимого города, района в историческом интерьере.

⁵ The National Library of Australia [сайт] URL: <https://www.nla.gov.au> (дата обращения: 12.08.2023).

⁶ HistoGrafica [сайт] URL: <http://www.histografica.com/> (дата обращения: 12.08.2023).

⁷ SepiaTown [сайт] URL: <http://www.sepiatown.com/> (дата обращения: 12.08.2023).

⁸ WhatWasThere [сайт] URL: <https://www.whatwasthere.com/> (дата обращения: 12.08.2023).

⁹ Old SF [сайт] URL: <https://www.oldsf.org/> (дата обращения: 12.08.2023).

¹⁰ Historypin [сайт] URL: <https://www.historypin.org/> (дата обращения: 12.08.2023).

Действительно, некоторые платформы имеют инструментарий, который может «погрузить» пользователей в атмосферу прошлого. Так, в проекте «Что было здесь» (WhatWasThere) у них есть опция накладывать историческое изображение места на его современные виды из карт «Гугл Панорама улиц» (Google Street View) и регулировать прозрачность исторического фото с помощью ползунка. Проект «СепиаТаун» (SepiaTown) имеет функцию разделенного экрана по принципу «раньше / сейчас», благодаря которой пользователи могут слева видеть вид места в прошлом, а справа его современный вид. Технологии искусственного интеллекта и 3D-моделирования уже помогают реконструировать исторический облик городов и делают путешествия в прошлое еще более «реальным» [3, с. 68–71].

4. Создание документов от лица современников эпохи или участников исторических событий

Подобные проекты базируются на методологии устной истории и предполагают сохранение коллективной памяти.

Технически они реализуются в онлайн-формате на веб сайтах, которые имеют специальные окна для загрузки текстовых, фото-, аудио- и видеофайлов и содержат четкую и максимально понятную инструкцию по их загрузке. Как правило, эти веб-сайты действуют как цифровые архивы / хранилища и позволяют не только загружать информацию, но и свободно знакомиться с ней. В этом смысле они представляют большой интерес для историков, филологов, культурологов и других специалистов.

В западной традиции краудсорсинговые проекты, связанные с коллективной памятью и прошлым, довольно часто подаются как проекты, имеющие широкий социогуманитарный смысл. Организаторы подчеркивают, что сбор материалов имеет целью не столько сформировать эмпирическую базу для последующих исследований историков, сколько создать площадку для коммуникации граждан по поводу трагических, неоднозначных, травматических событий прошлого и настоящего страны. К примеру, в США к числу таких тем относятся теракты, природные и техногенные катастрофы, дискриминация меньшинств и пр. По мысли авторов подобного рода проектов, граждане, делясь своими воспоминаниями, документами, мнениями, чувствами, и, дискутируя с людьми, которые могут иметь противоположные взгляды, создают пространство диалога о прошлом и поиска консенсусной интерпретации событий. Не сложно заметить, что история при таком презентистском подходе выглядит полем борьбы конфликтующих версий и нескончаемого спора, что, как считают на Западе, является атрибутом демократии и важно для гражданского воспитания и поиска идентичности нации.

Организаторы проектов в сфере коллективной памяти любят подчеркивать, что они реализуются исключительно как «история снизу», поскольку: 1) все материалы предоставляются обычными людьми-участниками исторических событий; 2) материалы характеризуются плюральностью, так как они содержат самые противоречивые интерпретации и оценки событий, что способствует более глубокому и многомерному пониманию истории; 3) цифровое хранилище формируется естественным путем без контроля со стороны каких-либо архивариусов, производящих отбор материалов.

В общем виде идеологию краудсорсинговых проектов в области коллективной памяти выразил основатель коллекции рассказов мигрантов из Южной Азии «Коричневая история» (Brown History)¹¹ Ахсун Зафар: «Благодаря социальным сетям, обычные люди могут рассказывать свою историю со своей собственной точки зрения, и их история и культура больше не связаны привратниками. Традиционные музеи существуют как аналоговые платформы, контролируемые небольшой группой людей, что дает им возможность решать, что экспонировать, и как презентовать экспонаты публике. Социальные сети свободны от этих ограничений. В этой связи моральная двусмысленность в отношении того, кто будет рассказывать истории, исчезает, оставляя однозначный ответ – сами люди. Это также позволяет платформам привносить нюансы и сложность сообществ, этнических групп и национальностей вместо того, чтобы сжимать их в упрощенные схемы»¹². Эту мысль продолжает немецкий историк Катя Мюллер, которая утверждает, что если история – это созданный историками конструкт, то память в отличие от нее априорно живая, специфичная, разнообразная по своей природе, у каждого своя. Ее сохранением и заинтересованы создатели цифровых архивов, музеев и прочих хранилищ.

С известной долей условности краудсорсинговые проекты в этой области можно разделить на три типа.

¹¹ Brown History [сайт] URL: <https://www.vipashachauhan.com/brownhistory> (дата обращения: 12.08.2023).

¹² History, uploaded: Crowdsourcing a South Asian archive of memory // Al Jazeera [сайт] URL: <https://www.aljazeera.com/features/2021/6/9/history-uploaded> (дата обращения: 12.08.2023).

Первый тип – создание коллекций, посвященных трагическим событиям. Необходимо отметить, что данные проекты часто имеют серьезную административную, финансовую, информационную поддержку и большой охват аудитории. Они, как указывает, к примеру, Кристи Гирдхарри из Университета Джонсона и Уэльса (США), созданы для того, чтобы общество проработало тяжелый травматический опыт и извлекло соответствующие уроки из него¹³.

Примерами подобных проектов являются следующие:

А. Онлайн проект Мемориального музея Холокоста в США (USHMM) «Память мира» (The World Memory Project)¹⁴, открытый в 2011 г. Его разработчики обратились к людям, которые пережили трагедию Холокоста, с просьбой поделиться воспоминаниями, письмами, фотографиями и пр. и помочь идентифицировать людей, запечатленных на сохранившихся фотографиях – и тех, кто были зверски замучены в нацистских лагерях, и тех, кто чудом выжил. Краудсорсинг позволил собрать сведения о более 17 миллионах жертв Холокоста, многим помог узнать судьбу своих родственников, наладить связи с теми, кому удалось выжить. Собранная коллекция документов, по словам ее создателей, не оставляет никаких шансов отрицающим Холокост и служит предостережением для повторения подобных трагедий.

Б. Цифровой архив «Наш марафон», сохраняющий память о террористическом акте, который произошел во время марафона в Бостоне 15 апреля 2013 году. В тот день в результате взрывов самодельных взрывных устройств погибли три человека и более 260 человек получили ранения. Инициаторами создания коллекции выступили историки Северо-восточного университета США¹⁵. Они попросили очевидцев теракта прокомментировать произошедшее в виде аудиозаписей, фото-, видео-, текстовых сообщений, интернет-ссылок и др. Сайт содержал подробное руководство, следуя которому свидетели событий 15 апреля 2013 года могли размещать свои истории в архиве. Каждый из очевидцев-участников проекта должен был указать персональные данные (имя, возраст, пол, этническую и расовую принадлежность, занятость), место нахождения в день теракта, сформулировать заголовок, загрузить свой рассказ и согласие на его публикацию на сайте проекта. Примечательна и общая идеология проекта. Среди прочего его организаторы подчеркивали, что для коллективной памяти о трагедии взрыва на марафоне в Бостоне важны воспоминания, если не каждого, то максимально возможного числа его свидетелей со своим, даже полярно разным восприятием событий и оценками. Ведь только так, по их словам, можно реконструировать настоящую историю. Создатели проекта не скрывают своего желания дистанцировать свою коллекцию от традиционных архивов, указывая на то, что: 1) у них нет архивариусов в привычном смысле слова, которые проводят отбор документов для хранения, они сохраняют все присланные людьми материалы; 2) сбор артефактов происходит сразу по следам событий, а не много позже их, как в обычных архивах; 3) проект «Наш марафон» – это по истине продукт коллективной памяти, он дает представление не только об истории теракта 15 апреля 2013 года, но и отражает эпоху, а потому его материалы могут быть интересны не только историкам, но и психологам, культурологам, филологам и др.

В. Онлайн-проект Национального музея Австралии «Momentous», нацеленный на то, чтобы задокументировать для будущих поколений историю пандемии Covid-19¹⁶. Сотрудники музея начали в социальных сетях широкую кампанию по сбору самых разных цифровых материалов о пандемии от аудио- и видеозаписей рассказов людей до фото и интернет-ссылок¹⁷. В итоге была собрана уникальная коллекция документов, отражающая такие аспекты как распространение вируса, противоковидные меры правительства, особенности повседневной жизни в период карантина и т. д. После сбора материалов музей инициировал их выставку на сайте проекта и широкое публичное обсуждение уроков пандемии.

Второй тип – создание коллекций биографических рассказов современников и коллекций рассказов о повседневной жизни.

¹³ Crowdsourcing Traumatic History: Understanding the Historical Archive [сайт] URL: <https://jitp.commons.gc.cuny.edu/crowdsourcing-traumatic-history-understanding-the-historical-archive/> (дата обращения: 12.08.2023).

¹⁴ The World Memory Project [сайт] URL: <https://www.ushmm.org/online/world-memory-project/> (дата обращения: 12.08.2023).

¹⁵ Our Marathon. The Boston Bombing Digital Archive [сайт] URL: <https://marathon.library.northeastern.edu> (дата обращения: 12.08.2023).

¹⁶ How are Museums crowdsourcing collective memory // MuseumNext [сайт] URL: <https://www.museumnext.com/article/crowdsourcing-collective-memory/> (дата обращения: 12.08.2023).

¹⁷ The National Museum of Australia. Momentous [сайт] URL: <https://www.nma.gov.au/explore/features/momentous> (дата обращения: 12.08.2023).

Примером таких краудсорсинговых проектов является «StoryCorps Archive»¹⁸, основанный в США в 2003 г. радиопродюсером и документалистом Дэвидом Исай. На настоящий момент это один из крупнейших цифровых архивов устной истории, содержащих больше 65 тысяч записей интервью более 100 тысяч жителей США и стран Латинской Америки. В своих интервью участники рассказывают персональные истории о себе: своем детстве, обучении в школе, колледже, университете, профессиональной карьере, личной и повседневной жизни. Краудсорсинговый проект технически эволюционировал от специальных уличных будок, в которых любой желающий под руководством интервьюера мог ответить на вопросы и записать интервью, до мобильного приложения для записи и прослушивания аудио- и видеорассказов. Идеология проекта состоит в том, чтобы «налаживать связи между людьми и создавать более справедливый и сострадательный мир». Важно подчеркнуть, что архив активно взаимодействует с образовательными и научными организациями, СМИ и НКО.

Схожим образом создана, организована и работает устноисторическая коллекция, размещенная на сайте Британской Библиотеки¹⁹.

Отдельную нишу занимают проекты, связанные с документированием повседневной жизни. Инициаторы подобных проектов просто просят людей делать аудио- и видеозапись их обычной жизни. Так, например, YouTube обратился к своим пользователям с просьбой снять видео одного дня своей жизни – 24 июля 2010 года. В результате более 80 тысяч человек из 192 стран мира отсняли 4,5 тысячи часов видеоматериала, из которых команда YouTube смонтировала фильм продолжительностью 94 минуты 57 секунд «Жизнь за один день». Очевидно, что подобный материал представляет большой интерес для этнографов, антропологов, социологов, психологов и конечно историков.

Третий тип – создание коллекций, посвященных конкретным историческим темам.

К примеру, онлайн архив «Зрители итальянского кино» (Italian Cinema Audiences)²⁰ и «Кино-воспоминания» (CineRicordi)²¹ собирает аудио- и видеointerview в стиле устной истории и оцифрованные артефакты, связанные с развитием итальянского кинематографа 1950-х гг. Более 1200 участников проекта поделились своими воспоминаниями и загрузили файлы с фотографиями походов в кино, киноафиш, постеров, подписанных звездами, частных писем и пр. [8, p. 799–801].

Тема мотивов участия волонтеров в краудсорсинговых проектах заслуживает отдельного исследования и в данной работе мы в общем виде укажем наиболее важные из них:

- 1) материальное вознаграждение за работу;
- 2) намерение получить / развить компетенции, например, цифровые навыки или компетенции, связанные с проведением генеалогических исследований. Достаточно распространена ситуация, когда человек интересуется историей своей семьи и включается в цифровой проект, чтобы научиться поиску информации о своих собственных родственниках;
- 3) желание профессионалов, которые нередко участвуют в краудсорсинговых проектах, поделиться своим опытом с новичками, быть наставниками;
- 4) потребность в сопричастности к общественно значимому делу сохранения исторического наследия и памяти, желание внести свой вклад в это дело, жажда социального признания. Зарубежная практика показывает, что в том случае, если проект имеет ярко выраженную идеологическую повестку вроде борьбы против расовой или гендерной дискриминации, то число волонтеров, желающих участвовать в нем, становится заметно больше;
- 5) энтузиазм любителей истории и всего, что связано с прошлым;
- 6) возможность расширить круг общения, благодаря участию в проекте, и найти новых друзей.

Заключение

Анализ применения краудсорсинга в цифровых проектах в сфере исторического наследия и коллективной памяти позволяет сделать вывод о том, что краудсорсинг, с одной стороны, может помочь профессиональному сообществу в решении проблем масштабной рутинной работы, вроде расшифровки рукописей, сбора и сохранения ценных для исторической науки документов и артефактов. Но, с другой стороны, краудсорсинговые проекты, предлагающие широкой публике выступить в качестве свидетелей проживаемой ею исторической эпохи и задокументировать коллективную память, чаще всего изначально задают волонтерам вполне определенный угол зрения и идеологический фон. В таких случаях краудсорсинг предстает технологией манипуляции, мобилизующей и форми-

¹⁸ StoryCorps Archive [сайт] URL: <https://archive.storycorps.org> (дата обращения: 12.08.2023).

¹⁹ British Library. Oral History [сайт] URL: <https://www.bl.uk/collection-guides/oral-history> (дата обращения: 12.08.2023).

²⁰ Italian Cinema Audiences [сайт] URL: <http://www.italiancinemaaudiences.org/> (дата обращения: 12.08.2023).

²¹ CineRicordi [сайт] URL: <http://www.cinericordi.it/> (дата обращения: 12.08.2023).

рующей общественное мнение.

Вполне симптоматично, что создатели цифровых краудсорсинговых проектов по коллективной памяти, не скрывая своего скепсиса в отношении исторической науки и демонстративно противопоставляя себя профессиональным историкам, архивариусам и сотрудникам музеев, часто убеждают «толпу», что именно ей должна принадлежать ключевая роль в определении нарратива о прошлом, формировании архивных и музейных коллекций. Тем не менее при всей неоднозначности отдельных аспектов краудсорсинга одно кажется бесспорным – то, что он актуализирует ценность прошлого и необходимость сохранения исторического наследия и коллективной памяти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безуглый Э. А., Кутергин Н. Б., Алексеев Н. А., Ковалева Е. Г. Радоуцкий В. Ю. Краудсорсинг – современный способ решения социально значимых задач // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова. 2016. № 2. С. 206–208.
2. Бурдуковская М. М. К вопросу о новых возможностях сетевых взаимодействий в современном мире // Вестник БГУ. 2013. № 14. С. 71–74.
3. Иванов А. Г. Изучать прошлое по-новому: технологии виртуальной и дополненной реальности в обучении истории // Евразия-2022: социально-гуманитарное пространство в эпоху глобализации и цифровизации. Материалы Международного научного культурно-образовательного форума. Челябинск: ЮУрГУ, 2022. С. 68–71.
4. Куликов В. Краудсорсинг в сохранении и изучении культурного наследия // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. Вып. 7 (51) [Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840001670-6-1> (дата обращения: 15.08.2023).
5. Максимов Н. Н., Паршина В. С. Краудсорсинг как способ активации развития персонала // Молодой ученый. 2012. №12. С. 233–236.
6. Хау Дж. Краудсорсинг: Коллективный разум как инструмент развития бизнеса. Москва : Альпина ПРО, 2023. 288 с.
7. Carletti L., Giannachi G., Price D. Digital humanities and crowdsourcing: an exploration // Open Research Exeter [Electronic resource] URL: <https://ore.exeter.ac.uk/repository/bitstream/handle/10871/17763/Digital%20Humanities%20and%20Crowdsourcing%20-%20An%20Exploration.pdf?sequence=2&isAllowed=y> (Access mode: 12.08.2023)
8. Gennari D.T., Culhane S. Crowdsourcing memories and artefacts to reconstruct Italian cinema history: Microhistories of small-town exhibition in the 1950s // Participations. 2019. Vol. 16, Issue 1. P. 796–823.
9. Terras M. Crowdsourcing in the Digital Humanities // A New Companion to Digital Humanities / Eds. by S. Schreibman, R. Siemens and J. Unsworth. Wiley-Blackwell, 2016. P. 420–439.

A. G. Ivanov (Magnitogorsk, Russia)

CROWDSOURING IN DIGITAL PROJECTS IN THE FIELD OF HISTORICAL HERITAGE AND COLLECTIVE MEMORY

Abstract. The presented work analyzes the use of crowdsourcing in digital projects in the field of historical heritage and collective memory. The author reveals the ideological and technical basis of projects related to deciphering manuscripts of historical documents and converting them into printed text; correction of digitized document texts; geotagging the photos and images; creating documents on behalf of contemporaries of the era or participants in historical events. Basing on the study of specific projects, the author comes to the conclusion that the crowdsourcing, on the one hand, can help the professional community in solving problems of large-scale routine work, such as deciphering manuscripts, collecting and preserving documents and artifacts valuable for historical science. But, on the other hand, the crowdsourcing projects that invite the general public to act as witnesses to the historical era they are living through and document collective memory most often initially give volunteers a very specific point of view and ideological background. In such cases, crowdsourcing appears as a manipulation technology that mobilizes and shapes public opinion. It is quite symptomatic that the creators of digital crowdsourcing projects upon the collective memory, without hiding their skepticism regarding historical science and demonstratively opposing themselves to professional historians, archivists and museum staff, often convince the “crowd” that they should play a key role in determining the narrative of the past, formation of archival and museum collections. Nevertheless, with all the ambiguity of certain aspects of the crowdsourcing, one thing seems indisputable – that it actualizes the value of the past and the need to preserve historical heritage and collective memory.

Keywords: crowdsourcing, virtual volunteers, project, historical heritage, collective memory.

REFERENCES

1. Bezuglyj E. A., Kutergin N. B., Alekseev N. A., Kovaleva E. G. Radouckij V. Yu., Kraudsorsing – sovremennyj sposob resheniya social'no znachimyh zadach, *Vestnik BGTU im. V.G. Shuhova* [Bulletin of BSTU named after V. G. Shukhova], 2016, no. 2, pp. 206–208.
2. Burdukovskaya M. M., K voprosu o novyh vozmozhnostyakh setevyh vzaimodejstvij v sovremennom mire, *Vestnik BGTU* [Bulletin of BSU], 2013, no 14, pp. 71–74.
3. Ivanov A. G., Izuchat' proshloe ponovomu: tekhnologii virtual'noj i dopolnennoj real'nosti v obuchenii istorii, Evraziya-2022: social'no-gumanitarnoe prostranstvo v epohu globalizacii i cifrovizacii. Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kul'turno-obrazovatel'nogo foruma, Chelyabinsk, YUUrGU, 2022, pp. 68–71.
4. Kulikov V., Kraudsorsing v sohranении i izuchenii kul'turnogo naslediya, *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya»* [Electronic scientific and educational journal "History"], 2016, vol. 7, issue. 7 (51). URL: <http://history.jes.su/s207987840001670-6-1> (Access mode: 15.08.2023).
5. Maksimov N. N., Parshina V. S. Kraudsorsing kak sposob aktivacii razvitiya personala, *Molodoy uchenyj* [Young scientist], 2012, no. 12, pp. 233–236.
6. Hau Dzh. Kraudsorsing: Kollektivnyj razum kak instrument razvitiya biznesa, Moscow, Al'pina PRO, 2023, 288 p.
7. Carletti L., Giannachi G., Price D., Digital humanities and crowdsourcing: an exploration [Electronic resource], Open Research Exeter, URL: <https://ore.exeter.ac.uk/repository/bitstream/handle/10871/17763/Digital%20Humanities%20and%20Crowdsourcing%20-%20An%20Exploration.pdf?sequence=2&isAllowed=y> (Access mode: 12.08.2023),
8. Gennari D. T., Culhane S. Crowdsourcing memories and artefacts to reconstruct Italian cinema history: Microhistories of small-town exhibition in the 1950s, *Participations*, 2019, vol. 16, issue 1, pp. 796–823.
9. Terras M., Crowdsourcing in the Digital Humanities, *A New Companion to Digital Humanities*, Eds. by S. Schreibman, R. Siemens and J. Unsworth, Wiley-Blackwell, 2016, pp. 420–439.

Иванов А. Г. Краудсорсинг в цифровых проектах в области исторического наследия и коллективной памяти: зарубежные практики // Гуманитарно-педагогические исследования. 2023. Т. 7. № 3. С. 31–38.

Ivanov A. G. Crowdsourcing in Digital Projects in the Field of Historical Heritage and Collective Memory, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2023, vol. 7, no. 3, pp. 31–38.

Дата поступления статьи – 10.09.2023; 0,83 печ. л.

Сведения об авторе

Иванов Алексей Геннадьевич – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова», Магнитогорск, Россия; a-ivanov79@mail.ru.

Author:

Alexey G. Ivanov, Associate Professor, Candidate of History, Associate Professor at the Department of World History, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU), Magnitogorsk, Russia; a-ivanov79@mail.ru.

УДК:94(575.2):394-055.2
DOI:10.18503/2658-3186-2023-7-3-39-44

К. Н. Карабаева (г.Бишкек, Кыргызстан)

ЖЕНЩИНЫ КЫРГЫЗСТАНА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ (1991–2021)

Аннотация. В статье исследуется положение и роль женщин в социальной сфере Кыргызстана за период получения независимости. Предметом исследования являются условия, тенденции и закономерности, определяющие положение женщин в социально-культурных процессах Кыргызстана в 1991–2021 годы. Цель работы заключается в анализе основных параметров описания положения женщин в социально-культурных процессах Кыргызстана за указанный период. В соответствии с поставленной целью в статье решаются задачи: изучения положения женщин в условиях изменения социокультурных процессов Кыргызстана по следующим направлениям: образование и профессиональная деятельность, доступность здравоохранения, охрана материнства и детства, санитарно-гигиенические условия и питание женщин. Экономические реформы, проведенные в стране, привели к росту бедности особенно среди женщин. Для участия в жизни общества женщинам необходимо было иметь доступ непрерывному повышению образования различных уровней. В кыргызском традиционном обществе существуют стереотипы воспитания, согласно которым педагогика и медицина считались чисто женским видом деятельности, и, как результат, инженерные специальности остаются до сих пор прерогативой мужчин. Доступные отрасли профессиональной деятельности не обеспечивают женщинам соответствующего вознаграждения за их труд, не гарантируют статусных позиций в обществе. Возможности, которые должны давать социально-экономические и культурные изменения, связанные с достижениями медицинской науки и здравоохранения, в Кыргызстане используются не полностью. Результатом стало ухудшение здоровья населения, увеличение числа инвалидов, больных туберкулезом, венерическими заболеваниями, алкоголизмом и наркоманией. Бедность и разрушение прежней системы социальной защиты стали причинами ухудшения положения женщин в условиях перманентного снижения уровня жизни основных слоев населения. Автор приходит к выводу, что повышение уровня безработицы и бедности в условиях рыночной экономики обусловило негативные изменения в социальной жизни женщин.

Ключевые слова: женщины, экономические реформы, социальная сфера, уровень бедности, равноправие.

Введение

Исследуемый период связан с годами независимости Кыргызстана, когда менялось положение всех социальных групп населения страны. Научные исследования социальной сферы и положения женщин, в том числе, отражены в работах О. Дж. Осмонова [13], Н. У. Курманалиевой [6], К. Н. Карабаевой [4], в трудах этих авторов определяется влияние процесса глобализации, мировой экономики, политики на положение женщин Кыргызстана. В публикациях А. Табышалиевой отмечается огромная роль женщин в восстановлении экономики Кыргызстана после кризиса 1990-х годов [16]. В статье Ч. У. Койчумановой описана роль сельских женщин в становлении и развитии независимого Кыргызстана [5]. Р. Осмоналиева исследовала новые социальные статусы женщины в переходный период [12]. М. М. Эдилова [17] и А. Б. Элебаева [18] исследовали бедность и нищету среди женщин. В исследовании были использованы материалы Национального статистического комитета, отчеты международных организаций, энциклопедические данные [1; 2; 7; 9; 10; 11; 14].

Для успешного решения исследовательских задач на основе принципов научной достоверности в работе использовались общенаучные методы индукции, дедукции, анализа, синтеза, сравнения и критического анализа; в качестве специальных исторических методов применялись историко-аналитические, сравнительные и историко-системные методы.

1. Образование и профессиональная деятельность женщин Кыргызстана

Образование в Кыргызстане рассматривается в качестве стратегического института для обеспечения перспективного и устойчивого развития общества. Один из важных способов получения женщинами равноправия – это непрерывное повышение образования различных уровней – от приобретения элементарных навыков чтения и письма до высшего образования. Образование необходимо для многих форм участия в жизни общества и общения, без которого женщины оказываются во многом ущемленными в правах.

В сфере высшего образования наблюдается гендерный дисбаланс. Если в 2003 году количество обучающихся девушек вузах страны составило 108 тысяч, а юношей 92 тысячи, то в 2008–2009 учебном году в вузах обучались 135 тысяч девушек и 108 тысяч юношей. В 2008 году вузы страны закончили 34 тысячи студентов, из них 20 тысяч девушек и 14 тысяч юношей [14]. Таким образом,

наблюдается тенденция роста в стремлении представителей женского пола к получению высшего и профессионального образования.

Несмотря на то, что кыргызские девушки при выборе профессий свободны и уже в массовом порядке осваивают такие специальности, как бизнес и управление, изучают естественные науки, тем не менее, технические специальности, сфера строительства, военное дело и рыбное хозяйство остаются в большей мере прерогативой мужчин. Анализ сфер женской занятости говорит о том, что женщины чаще работают в тех отраслях и по тем профессиям, которые являются продолжением их повседневных домашних работ: сфера обслуживания, образование, журналистика и информатика.

Среди факторов, влияющих, на выбор женщинами специальностей, следует назвать сложившийся в обществе принцип деления труда на «мужской» и «женский». В кыргызском традиционном обществе существуют стереотипы воспитания, согласно которым педагогика и медицина считались чисто женским видом деятельности. Поэтому большинство девушек при поступлении в вузы выбирают эти специальности. Например, на начало 2000–2001 учебного года численность учителей государственных общеобразовательных школ составила 71 тысяч человек, из них 75,6 % женщин, численность преподавателей вузов составила 10 тысяч человек, из них женщины 36,9 % [9, с. 51].

К сожалению, данные профессии не обеспечивают женщинам соответствующего вознаграждения за их труд. В общей численности занятых по отраслям экономики удельный вес женщин, по сравнению с мужчинами, преобладает в здравоохранении, физкультуре и социальном обеспечении, образовании, культуре и искусстве, финансах, кредитовании, страховании и пенсионном обеспечении, информационно-вычислительном обслуживании, связи. Об этом свидетельствует исследование, проведенное в 2009 году, численность занятых женщин составляла 924 тысяч человек или 41,7 % от общей численности занятого населения. Доля женщин среди занятого населения наиболее высока в секторе услуг, и особенно в таких видах деятельности, как здравоохранение и предоставление социальных услуг (79,6 %), образование (76,6 %), гостиничный и ресторанный сервис (68,7 %), финансовая деятельность (51,1 %), предоставление коммунальных, социальных и персональных услуг (58,2 %). Значительной остается доля занятости женщин в обрабатывающей промышленности (46,9 %), а в таком ее виде, как текстильное и швейное производство, доля женщин достигла 87 %. Женская занятость преобладает в группе служащих, занятых подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием (64,4 %), причем среди них специалисты высшего уровня квалификации составляют 64,1 %, среднего – 67,2 %. Среди работников сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства и торговли женщины составляют 60 % [4, с. 62].

Среди руководителей всех уровней остается высокий удельный вес мужчин (69,3 %), как и в группах операторов, аппаратчиков, машинистов установок и машин, слесарей-сборщиков (96,9 %), квалифицированных работников промышленных предприятий, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр (82,3 %). Среди руководителей всех уровней женщины составляют только 30,7 % [4, с. 63]. Наибольшая часть женщин-руководителей занята в образовании, здравоохранении, связи, финансовой деятельности.

Наряду с значительными достижениями представительниц женского пола в сфере высшего образования, в Кыргызстане остается женская неграмотность. Основная масса неграмотных женщин сосредоточена в сельской местности, при этом в возрастном аспекте самый большой процент неграмотных приходится на старшее поколение. Уровень неграмотности у женщин Кыргызстана в 2,2 раза выше, чем у мужчин (9 тысяч мужчин и 20 тысяч женщин) [4, с. 64]. Как правило, эти женщины выполняют более низкооплачиваемые работы, чем образованные женщины, вступают в брак в юном возрасте, в последствии не могут правильно планировать семью, воспитывать здоровых детей, готовить их в школу.

По оценкам экспертов, в странах с особо низким и средним уровнем дохода 70 % детей в возрасте до 10 лет не смогли читать и понимать простые рассказы, в результате полного или частичного закрытия школ во время пандемии COVID-19, где образование более 635 миллионов учащихся было прервано [17].

2. Доступность здравоохранения, охрана материнства и детства в Кыргызстане

Исследования социологов показывают, что социально-экономические и культурные изменения в стране в первую очередь связаны с достижениями медицинской науки и здравоохранения. Однако возможности в этой области в Кыргызстане используются не полностью. Увеличение с каждым годом числа болезней со смертельным исходом доказывает слабость медицины. Среди населения увеличилось количество людей, страдающих заболеваниями органов дыхания и кровообращения [13, с. 200].

Гендерная дискриминация ограничивает экономический потенциал женщин, возможности принятия решений в семье и увеличивает риск заражения ВИЧ. По данным ООН, каждую неделю в мире 6 тысяч молодых женщин в возрасте от 15 до 24 лет заражаются ВИЧ. Это 860 случаев в сутки. СПИД остается основной причиной смерти женщин в возрасте от 15 до 44 лет. Потому что, по новым данным ООН, каждый час 50 молодых женщин заражаются ВИЧ. ВИЧ-инфекция на 50 % выше среди женщин, подвергшихся насилию [11]. По данным реализации совместной программы ВОЗ и ООН (ЮНЭЙДС), Кыргызстан входит в семерку стран мира по количеству больных этим заболеванием. В 2005 году было зарегистрировано 826 больных, а в 2016 году зарегистрировано 6730 случаев, что за 10 лет увеличилось в 8 раз, в том числе 3223 потребителя инъекционных наркотиков [8]. К 2015 году число зарегистрированных больных ВИЧ-инфекцией по стране составило 10,8 %, а в 2019 году увеличилось до 13,2 % [7].

За годы независимости резко возросло количество больных онкологическими заболеваниями. Наиболее распространенным видом онкологических заболеваний является рак молочной железы. В 2020 году этим видом заболевания во всем мире было зарегистрировано 2,2 миллиона. По оценкам экспертов, каждая 12-я женщина в мире болеет раком молочной железы. Поэтому онкология является основной причиной смерти женщин. В 2020 году примерно 685 тысяч женщин в мире умерли от этого вида онкологии [11]. В 2015 году в Кыргызстане впервые диагностировано 557 случаев онкологии молочной железы, в 2016 году – 625, что показало рост количества заболеваний в стране [7].

Рак шейки матки является вторым наиболее распространенным раком у женщин. Это один из наиболее распространенных видов рака в Европейском регионе, по данным ВОЗ. Причиной этого заболевания является вирус папилломы человека (ВПЧ). Получение вакцины против ВПЧ является наиболее эффективным способом защитить здоровье женщины. Для профилактики ВПЧ рекомендуется вакцинация девочек в возрасте от 9 до 14 лет. В 2018 году зарегистрировано 69 тысяч случаев этого заболевания, 30 тысяч из которых закончились летальным исходом [11]. В Кыргызстане в 2015 году было зарегистрировано 22,9 случая рака матки и шейки матки, а в 2019 году было установлено незначительное снижение до 17,2 случаев [7].

Кыргызстан занимал первое место в СССР и даже в мире по смертности детей раннего возраста. В СССР количество смертностей в возрасте до года достигало 25 из 1000 новорожденных, в 1980 году в Кыргызстане этот показатель составлял 48,4 %, а в 1985 году – 47,2 %. По данным сельсоветов, в пределах республики количество смертностей в возрасте до года отмечалось от 15 до 150 из 1000 [13, с. 204]. Ежегодно в мире более 500 тысяч женщин умирают во время беременности и родов, и многие травмы связаны с беременностью. Миллионы младенцев умирают в течение первых 24 часов. На развивающиеся страны приходится 99 % случаев материнской смертности [1, с. 2]. Среди стран СНГ Кыргызстан занимает первое место по материнской смертности. В 2019 году по количеству смертности во время беременности, родов и в послеродовом периоде составило 43 женщины, на 100 тысяч родов приходится 25 смертельных исходов. В целом 55,8 % случаев материнской смертности приходится на сельскую местность. Для сравнения, по данным Статистического комитета СНГ, в 2018 году смертность среди женщин на 100 тысяч родов в России составило 9 женщин, в Азербайджане – 12 [3, с. 125].

На основании принятого в 2015 году Закона «О репродуктивных правах граждан и гарантиях их реализации» в последние годы был предпринят ряд мер по улучшению медицинского обслуживания женщин. К ним относятся расширение спектра медицинских услуг и предоставления специализированной медицинской помощи женщинам и девочкам в таких областях, как сексуальное и репродуктивное здоровье, психическое здоровье, материнское здоровье и профилактика ВИЧ. Особенно важно усилить всестороннее половое просвещение в школах и общинах. Охрана материнства остается приоритетом, потому что смертность беременных женщин, а также рожениц сохраняется на высоких показателях, причем данные по материнской смертности в сельской местности выше, чем в городах (36,7 % на 100 тысяч живорождений в сельской местности, 31,9 % в городах) [10].

В настоящее время причинами ухудшения здоровья населения, увеличения числа инвалидов, больных туберкулезом, венерическими заболеваниями, алкоголизмом и наркоманией являются бедность, разрушения прежней системы социальной защиты и так далее. В связи с сокращением фельдшерско-акушерских пунктов в сельской местности, отсутствием финансового и медицинского оборудования, переводом родовспомогательных учреждений на платное обслуживание ухудшилось обслуживание беременных. В 1994 году по итогам социологического исследования «Спасем детей!», проведенном Английской гуманитарной организацией в Кыргызстане, отмечалось, что малоимущие беременные женщины практически всегда рожают дома, и, как правило, им помогают только повитухи этого села [14, с. 48].

3. Санитарно-гигиенические условия и питание женщин

Известно, что одним из основных внешних факторов, реально влияющих на состояние человека, являются санитарно-гигиенические условия и питание, отвечающие физиологическим потребностям человека. Правильное питание является одной из важнейших физиологических потребностей, влияющих на здоровье, долголетие и работоспособность человека. Употребляя пищу, организм получает необходимое для жизнеобеспечения белки, жиры, углеводы, биологически активные вещества-витамины и минеральные соли [2 с. 357]. Именно проблема питания беременных женщин считается одной из самых актуальных в стране в период социально-экономических трудностей. Улучшение рациона питания матерей является условием их здоровья. Отсутствие достаточного, качественного питания приводит к дефициту необходимых веществ в организме. Дефицит белка, витаминов, минеральных элементов, микроэлементов в пище увеличивает смертность среди детей. По данным ЮНИСЕФ, в 1996 году в Кыргызстане уровень детской смертности в возрасте до 5 лет достигал 50 случаев на тысячу человек. Для сравнения, в других среднеазиатских странах – бывших республиках СССР выше показатели в Туркменистане – 78 человек, Таджикистане – 76 и Узбекистане – 60, а ниже в Казахстане – 47 человек. А в 1990 году на каждую тысячу новорожденных приходилось 93 смертельных случаев, а в 2017 г. выявлено снижение детской смертности на 39 % [15, с. 19].

Общепринято, что критериями рационального питания населения является достаточное количество пищи и ее качество. Рациональное питание означает соблюдение энергетического баланса в течение дня, при котором калорийность пищи соответствует расходу энергии в процессе жизнедеятельности. Для оптимального развития организма необходимо соблюдать баланс в составе основных продуктов питания человека. По мнению ВОЗ и других организаций, занимающихся вопросами питания и здоровья, к основным питательным веществам относятся белки, жиры, углеводы, витамины, минеральные вещества, микроэлементы и их необходимое соотношение.

В 1990 году питание населения в среднем приблизилось к медицинской норме, а калорийность превышала медицинские требования, но с 1992 года показатели снизились до минимального уровня, а особенно с 1993 года для большинства населения стали ниже минимума, следовательно, большинство малообеспеченных семей недоедали [6]. В последние годы изучаемого периода структура продовольственного потребления населения также менялась с уменьшением реальных доходов населения. По сравнению с 1990 годом, мясо и мясные продукты потреблялись меньше на 19 %, молоко и молочные продукты на 28 %, овощи и фрукты – на 39 %. Энергетическая ценность суточного рациона составила 2069 ккал вместо 2370,5 ккал, что следует считать опасным для здоровья. Кроме того, в составе продуктов питания отсутствует баланс: 85 % его составляли продукты растительного происхождения, в первую очередь, хлеб, рис и картофель, на 57 % меньше употреблялись мясные продукты, на 42 % молочные продукты, яйца, овощи и на 53 % фрукты [14, с. 34].

По результатам исследования, проведенного Национальным статистическим комитетом Кыргызской Республики совместно с Научно-исследовательским институтом Северной Каролины США, выяснилось что большую часть своего продовольственного бюджета 50,3 % бедные семьи тратили на хлеб, а небедные семьи тратили на хлеб 38,2 % [14, с. 34]. На втором месте – мясо. По мере улучшения положения семьи было замечено, что они стали употреблять меньше хлеба и больше другой еды.

Заключение

Последствия проведенных экономических реформ за годы независимости в Кыргызстане отразились на всех сферах общества, в том числе на социальной сфере. Рост уровня бедности как результат экономических реформ охватил все основные социально-демографические группы населения страны, и особенно серьезно пострадали женщины, как одна из уязвимых групп. Рост бедности в стране оказал негативное влияние на уровень образования, здравоохранения и культуры. Из-за дефицита продовольственного бюджета увеличились расходы на продукты питания, особенно в бедных семьях.

В сфере высшего образования наблюдалась тенденция роста в стремлении представительниц женского пола к получению высшего и иного профессионального образования. Сегодня девушки Кыргызстана в массовом порядке осваивают специальности в сфере бизнеса и управления, образования, журналистики, информатики, разнообразные профессии сферы обслуживания.

За последние годы был принят ряд мер по улучшению медицинского обслуживания женщин: расширился спектр медицинских услуг для женщин и девочек в таких областях, как сексуальное и

репродуктивное здоровье, психическое здоровье, материнское здоровье, охрана материнства и профилактика ВИЧ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Годовой доклад 2008 год UNFPA. Нью-Йорк: [Б. и.], 2009. 38 с.
2. «Ден соолук»: Медициналык энциклопедия / Башкы ред. Борбугулов М. Б.; Башкы ред. мүчөлөрү: Айтматов Ч. Т. жана башка; ред. совет: Мурзалиев А. жана башка; ССР ИА жана башка. Фрунзе : Кыргыз Совет Энциклопедиясынын Башкы ред., 1991. 456 б.
3. Женщины и мужчины Кыргызской Республики: 2016–2020: статистический сборник. Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2021. 307 с.
4. Карабаева К. Н. Социология семьи и брака: учебное пособие. Бишкек: [Б. и.], 2011. 78 с.
5. Койчуманова Ч. У. Положение женщин Кыргызстана в условиях рыночной экономики // Вопросы истории Кыргызстана. Бишкек. 2006. № 4. С. 68–71
6. Курманалиева Н. У. Жизненный уровень народа в условиях перехода к рыночным отношениям // БУУ ЮНЕСКОнун Бишкекте өткөн субрегиондук семинарындагы: доклад. Бишкек, 1995. 4-6-март.
7. Кыргыз Республикасынын статистикалык жылдыгы (2015-2019жж.) // Кыргыз Республикасынын Улуттук статистика комитети. Бишкек: [Б. и.], 2020. 220 с.
8. Кыргызстан входит в число стран с высокими темпами роста ВИЧ-инфицированных [Электронный ресурс] // ВОЗ ИА KNews. 2016. URL: <https://knews.kg/2016/11/29/voz-kyrgyzstan-vhodit-v-chislo-stran-s-vysokimi-tempami-rosta-vich-infitsirovannyh/>. Загл. с экрана.
9. Люди и роли: гендерный формат. Материалы программы Гендерная политика и СМИ на постсоветском пространстве. Санкт-Петербург: Звезда, 2003. 402 с.
10. Обзор Пекин +25: Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в странах СПЕКА сентябрь 2020 года [Электрондук ресурс]. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/ESCAP_B25_Central_Asia_Report_20200911_RUS.pdf. Загл. с экрана.
11. Организация Объединенных Наций [Электрондук ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/UnitedNationsRussian/>. Загл.с экрана.
12. Осмоналиева Р. Женщины Кыргызстана: вчера и сегодня / Издание в рамках межд. проекта «Воспоминания женщин: устные истории переходного периода». Бишкек: [Б. и.]2003. 180 с.
13. Осмонов Ө. Кыргызстандын айыл чарбасы жана айыл-кыштактардын социалдык турмушу. Бишкек: [б.и.], 1994. 288 с.
14. Отчет о положении женщин в Кыргызской Республике 2000-2005 годы. Бишкек: [Б. и.], 2004. 185 с.
15. Прогресс и аспекты смертности новорожденных в Кыргызстане /Детский фонд ООН (ЮНИ-СЕФ)». Бишкек: [б. и.], 2021. 100 с.
16. Табышалиева А. Отражение во времени : Заметки к истории положения женщин Центральной Азии / предисл. Э. Шукурова. Бишкек : Фонд «Сорос-Кыргызстан»¹, 1998. 136 с.
17. Эдилова М. Транзиттик коомдогу элет жакырчылыгы жана өспүрүм балдар. Бишкек: Кыргызстан, 1998. 171 б.
18. Элебаева А. Б. Межэтнические отношения в постсоветских государствах Центральной Азии: динамика развития. Бишкек: Илим, 2001.137 с.
19. ЮНИСЕФ на русском языке - UNICEF in Russian [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/158378627551817/posts/4820596584663308/>.-Загл. с экрана.

K. N. Karabaeva (Bishkek, Kyrgyzstan)

WOMEN OF KYRGYZSTAN IN CONDITIONS OF TRANSFORMATION OF SOCIO-CULTURAL PROCESSES (1991–2021)

Abstract. The article examines the position and role of the women in the social sphere of Kyrgyzstan during the years of independence. The subject of the study is to identify the conditions, trends and patterns that determine the position of women in the socio-cultural processes of Kyrgyzstan in 1991-2021. The main purpose of the work is to analyze the status of women in the socio-cultural processes of Kyrgyzstan during the years of independence (1991-2021). In accordance with the goal, the task is defined: to study the status of women in the conditions of changing socio-cultural processes of Kyrgyzstan. The economic reforms carried out in the country have led to the increase of poverty, especially among women. In order to participate in society, women need to have access to continuous improvement of education at various levels. In the Kyrgyz traditional society, there are stereotypes of the upbringing, according to which pedagogy and medicine were considered as a purely female activity, and so, still dominate in engineering specialties. But unfortunately, these professions do not provide women with appropriate remuneration for their work and occupation of status positions in a modern Kyrgyz society. Socio-economic and cultural changes in the country are primarily related to the achievements of medical science and healthcare. However, the opportunities of this area are not used and supplied in a full range. The result was the deterioration in the health of the population, the increase in a number of the disabled people, patients with tuberculosis, sexually transmitted diseases, alcoholism and drug addic-

¹ Фонд Сороса «Открытое общество» (Open Society Foundations, OSF) входит в список нежелательных организаций в России по решению Генпрокуратуры России № 2 от 26.11.2015.

tion. Currently, the reasons are poverty, and destruction of a former social protection system. The other grounds are the decay within the structure and quality of nutrition in conditions of permanent decrease of the living standard among the main population segments.

Keywords: women, economic reforms, social sphere, poverty level, equality.

REFERENCES

1. Godovoi doklad 2008 god UNFPA, New York, [s. n.], 2009, 38 p.
2. «Den sooluk»: Meditsinalyk entsiklopediya / Bashky red. Borbugulov M. B.; Bashky red. mychөлөрү: Aitmatov Ch. T. zhana bashka; red. sovet: Murzaliev A. zhana bashka; SSR IA zhana bashka, Frunze, Kyrgyz Sovet Entsiklopediyasynyn Bashky red., 1991, 456 p.
3. Zhenshchiny i muzhchiny Kyrgyzskoi Respubliki: 2016–2020: statisticheskii sbornik, Bishkek, Natsional'nyi statisticheskii komitet Kyrgyzskoi Respubliki, 2021. 307 p.
4. Karabaeva K. N. Sotsiologiya sem'i i braka: uchebnoe posobie, Bishkek, [s. n.], 2011p. 78 p.
5. Koichumanova Ch. U. Polozhenie zhenshchin Kyrgyzstana v usloviyakh rynochnoi ekonomiki, Voprosy istorii Kyrgyzstana. Bishkek, 2006, no. 4, pp. 68–71
6. Kurmanalieva N. U. Zhiznennyi uroven' naroda v usloviyakh perekhoda k rynochnym otnosheniyam, BUU YuNESKOnun Bishkekte өткөн subregionduk seminaryndagy: doklad. Bishkek, 1995. 4-6-mart.
7. Kyrgyz Respublikasynyn statistikalyk zhyldygy (2015-2019zhzh.), Kyrgyz Respublikasynyn Uluttuk statistika komiteti, Bishkek, [s. n.], 2020, 220 p.
8. Kyrgyzstan vkhodit v chislo stran s vysokimi tempami rosta VICH-infitsirovannykh [Elektronnyi resurs], VOZ IA KNews, 2016, URL: <https://knews.kg/2016/11/29/voz-kyrgyzstan-vhodit-v-chislo-stran-s-vysokimi-tempami-rosta-vich-infitsirovannykh/>. Zagl. s ekrana.
9. Lyudi i roli: gendernyi format. Materialy programmy Gendernaya politika i SMI na postsovet-skom prostranstve, Saint Petersburg, Zvezda, 2003, 402 p.
10. Obzor Pekin +25: Gendernoe ravenstvo i rasshirenie prav i vozmozhnostei zhenshchin v stranakh SPE-KA sentyabr' 2020 goda [Elektronduk resurs]. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/ESCAP_B25_Central_Asia_Report_20200911_RUS.pdf. Zagl. s ekrana.
11. Organizatsiya Ob"edinennykh Natsii [Elektronduk resurs], URL: <https://www.facebook.com/UnitedNationsRussian/>. Zagl.s ekrana.
12. Osmonalieva R. Zhenshchiny Kyrgyzstana: vchera i segodnya / Izdanie v ramkakh mezhd. proekta «Vospominaniya zhenshchin: ustnye istorii perekhodnogo perioda», Bishkek, [s. n.], 2003, 180 p.
13. Osmonov O. Kyrgyzstandyn aiyl charbasy zhana aiyl-kyshtaktardyn sotsialdyk turmushu, Bishkek, [s. n.], 1994, 288 p.
14. Otchet o polozhenii zhenshchin v Kyrgyzskoi Respublike 2000-2005 gody, Bishkek, [s. n.], 2004, 185p.
15. Progress i aspekty smertnosti novorozhdennykh v Kyrgyzstane /Detskii fond OON (YuNI-SEF)», Bishkek, [s.n.], 2021, 100 p.
16. Tabyshalieva A. Otrazhenie vo vremeni : Zametki k istorii polozheniya zhenshchin Tsentral'noi Azii / pre-disl. E. Shukurova, Bishkek, Fond «Soros-Kyrgyzstan», 1998, 136 p.
17. Edilova M. Tranzittik koomdogu elet zhakyrchylygy zhana öspyrüm baldar, Bishkek, Kyrgyzstan, 1998, 171 p.
18. Elebaeva A. B. Mezhetnicheskie otnosheniya v postsovetskikh gosudarstvakh Tsentral'noi Azii: dinamika razvitiya, Bishkek, Ilim, 2001,137 p.
19. YuNISEF na russkom yazyke - UNICEF in Russian [Elektronnyi resurs], URL: <https://www.facebook.com/158378627551817/posts/4820596584663308/>.-Zagl. s ekrana

Карбаева К. Н. Женщины Кыргызстана в условиях трансформации социокультурных процессов (1991–2021) // Гуманитарно-педагогические исследования. 2023. Т. 7. № 3. С. 39–44.

Karabaeva K. N. Women of Kyrgyzstan in the Conditions of Transformation of Socio-cultural Processes (1991–2021), *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2023, vol. 7, no 3, pp. 39-44.

Дата поступления статьи –26.08.2023; 0,67 печ. л.

Сведения об авторе

Карбаева Кипариза Нурдиновна – старший преподаватель кафедры истории и философии Кыргызского национального аграрный университет им. К. И. Скрябина, г. Бишкек, Кыргызстан; kipariza.karabaeva@mail.ru.

Author

Kipariza N. Karabaeva – Senior Lecturer of the Department of “History and Philosophy” of Kyrgyz National Agrarian University named after K.I. Skryabin, Bishkek, Kyrgyzstan; kipariza.karabaeva@mail.ru

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ
ЛИНГВИСТИКА

УДК: 811.163.42: [81'271:81'276]

DOI: 10.18503/2658-3186-2023-7-3-45-49

К. Колар (Москва, Россия)

HVALA (TI/VAM), ZAHVALJUJEM, TENKS:
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ХОРВАТСКИХ ВЕРБАЛЬНЫХ МАРКЕРОВ ВЕЖЛИВОСТИ

Аннотация. Отходя от традиционных лингвистических подходов к изучению вежливости, которые в основном опирались на максимы и стратегии вежливости, современные ученые приняли более тонкую точку зрения, подчеркивая значение маркеров вежливости. Хотя маркеры вежливости важны, они до сих пор не идентифицированы во многих языках, включая хорватский. Данная статья углубляется в сферу вербальных маркеров вежливости в хорватском языке и изучает культурные эквиваленты слов «thank you» и «thanks». В исследовании используется качественный анализ, в котором особое внимание уделяется значению и использованию хорватских аналогов данных маркеров – «hvala (ti/Vam)», «zahvaljujem» и «tenks». Их употребление показывается на примерах из хорватского национального корпуса и анкеты, проведенной среди хорватских студентов, сосредоточенной на речевом акте просьбы, то есть использовании маркеров вежливости в таких актах и между людьми с различными уровнями власти и социального статус. На основе анализа сделан вывод, что «zahvaljujem», «hvala (ti/Vam)» и «tenks» используются для выражения благодарности, но притом передают различные уровни формальности и выразительности. Более того, в исследовании подчеркивается, что более длинные выражения передают больше формальности, чем более короткие выражения, и что хорватские версии английских маркеров вежливости несут исключительно неформальный и дружеский подтекст, что участники опроса поняли и подтвердили использованием ожидаемых маркеров в анкете. Новизна данного исследования заключается в рассмотрении маркеров вежливости в хорватском языке, подчеркивается важность контекста, формальности и лингвистических нюансов. В статье намечены пути дальнейшего изучения этой малоизученной темы.

Ключевые слова: вежливость, маркеры вежливости, хорватский язык, вербальные маркеры, лингвистика

К. Kolar (Moscow, Russia)

HVALA (TI/VAM), ZAHVALJUJEM, TENKS:
IDENTIFYING CROATIAN VERBAL POLITENESS MARKERS

Abstract. Departing from traditional linguistic approaches in politeness, which mainly relied on politeness maxims and strategies, contemporary scholars have adopted a more nuanced perspective, emphasizing the significance of politeness markers. While important, these markers have not yet been identified in many languages, including Croatian. This article delves into the realm of verbal politeness markers in the Croatian language, shedding light on the cultural equivalents of the terms *thank you* and *thanks*. The study employs a qualitative analysis, specifically focusing on the meaning and usage of Croatian counterparts to these commonly used English politeness markers – *hvala (ti/Vam)*, *zahvaljujem* and *tenks*. Their usage was displayed using examples from the Croatian national corpus and a questionnaire conducted among Croatian university students, participating in a requesting speech act, meaning a special emphasis in the article is put on the usage of politeness markers in such acts between people of different power and social status. The analysis reveals that *zahvaljujem*, *hvala (ti/Vam)* and *tenks* are all used to express gratitude, but differ with regards to the level of formality and emphasis they convey. Moreover, the study highlights that longer expressions convey more formality than shorter expressions, and that Croatianised versions of English politeness markers carry exclusively informal and friendly connotations, which the participants in the questionnaire seem to have understood and upheld with their marker usage. This research offers valuable insights into politeness markers in Croatian, emphasizing the importance of context, formality, and linguistic nuances and the article encourages further exploration of this underresearched topic.

Keywords: politeness, politeness markers, Croatian, verbal markers, linguistics

Introduction

Although many of us have a general understanding of the concept of politeness, few take the time to contemplate its specific components – what constitutes it, what influences it, how it is formed etc. Even

when we do ponder it, we encounter a multitude of differing ideas in that regards: for instance, Grice (1975) and subsequently Leech (1983) proposed politeness maxims and principles as the governing rules in communication politeness. Brown and Levinson (1987), on the other hand, argued that politeness relies on various strategies and factors which influence their usage. In the present day, however, we tend to adopt a more nuanced perspective on politeness, including not only their theories, but other additional elements and factors such as politeness markers. These markers, although sometimes easily overlooked, play a significant role in shaping our perception of politeness within a given discourse unit, especially with regards to different speech acts. In spite of this, they have been somewhat neglected in politeness research across various cultures, including Croatian culture. For this reason, this article aims to identify certain verbal politeness markers in the Croatian language. This endeavor will involve a qualitative analysis of Croatian equivalents for two of the most common English verbal politeness markers, showcasing gratitude, namely, *thank you*, and *thanks*. Additionally, the utilization of these Croatian equivalents will be illustrated using the examples from the Croatian national corpus, HrWac¹, as well as findings from a questionnaire administered by Kolar (2022). In this questionnaire, Croatian university students were tasked with composing a requestive email to their hypothetical professor; therefore, the emphasis in the article will particularly be on the use of politeness markers in a requesting speech act, within the frames of an interaction between individuals of differing power and social status. This analysis constitutes a component of an ongoing tripartite research project centered on politeness strategies in university settings in Croatia, Russia, and the USA, and serves as an addition to an article by Kolar (2023; forthcoming), focusing on the Croatian politeness markers functioning as equivalents of the terms *sorry* and *please*.

1. Defining politeness markers

As proposed by Islentyeva, Pesendorfer, and Tolochin (2023), politeness markers encompass all words, phrases and expressions that are linked to the linguistic concept of politeness, particularly in the sense that they emphasize it. While there are various classifications, with different complexities and characteristics, these markers can typically be categorized into two groups: structural markers, which pertain to certain discursive structures, such as greetings, openings, and closings, and verbal markers, which are phrases employed at specific points in conversations and include expressions of gratitude, apologies, , and the like (Alemi and Maleknia, 2023). While both categories are equally important, in this article, we are primarily interested in verbal markers, so we shall concentrate on them, without further discussing structural markers. Although there is a plethora of verbal politeness markers (and expressions constituting it), our objective is to identify Croatian counterparts for the English markers *thank you* and *thanks*, as these are among the most prominent politeness markers in contemporary English (Baker 2017: 230). Consequently, as their counterparts, equivalents of *thank you* and *thanks*, and the basis for our analysis in the Croatian context, we propose the Croatian expressions *hvala (ti/Vam)*, *zahvaljujem* and *tenks*.

2. Methodology

Regarding the methodology in this article, our approach will involve a two-step process. As part of the first step, we will elucidate the meaning and potential applications of the proposed terms (*hvala ti/Vam*, *zahvaljujem* and *tenks*), contrasting them with their English cultural counterparts (*thank you* and *thanks*). Subsequently, in the second step, we will provide illustrative instances of their usage drawn from the Croatian national corpus, HrWac, as well as a Google Forms questionnaire (or rather its results), administered and conducted by Kolar in 2022. For the questionnaire's purpose, Croatian university students were tasked with composing an email to a hypothetical professor, simulating a request (and thus a requesting speech act) to retake a failed exam. Consequently, this article will primarily focus on the utilization of the abovementioned politeness markers within the context of a request-oriented speech act occurring between a university instructor and students, with particular attention directed toward interactions characterized by significant social or power distance.

3. Analysis and Discussion First and foremost, we must define *thank you* and *thanks*, or rather, what they are used for. Considering that *thanks* is shortened from *thank you*, it is not unusual that both expressions are used for the same purpose – to express gratitude. The only difference between them stems from the fact that *thank you* contains the objective pronoun *you*, which makes it more personal and emphasized, and thus, conveys a greater level of empathy and appreciation (Islentyeva, Pesendorfer and Tolochin, 2023). In Croa-

¹ HrWac - Croatian Web Corpus. URL: https://www.clarin.si/noske/all.cgi/first_form?corpname=hrwac;align=

tian, there are several expressions which can be used as equivalents of *thank you* and *thanks*, and these terms include *hvala (ti/Vam)*, *zahvaljujem* and *tenks*.

Out of the Croatian terms, *hvala* is used the most universally, and as such serves as the most common equivalent of *thank you* and *thanks*: it can be used in formal situations and informal situations, as well as without a pronoun, or with the pronoun *ti* (second person singular) or *Vam* (second person singular – respectful/second person plural). The usage of *hvala* without a pronoun is more common and is not considered any less polite than *hvala ti/Vam* – the only difference is that, by adding the pronouns, the appreciation is amplified and made more sincere. This appreciation can further be even more amplified if one adds the word *puno*, or *veoma* meaning *very much*. Example of real-life application of *hvala (ti/Vam)* can be seen in the corpus examples below:

1. Robi, mišu, što li sve ne stanuje u tvome genijalnom mozgiću. **Hvala ti** za smijeh.

Robi, sweetie, your phenomenal brain is full of genius ideas. Thank you for the laughter.

2. Veliko **hvala** svima koji su sudjelovali u organizaciji i na bilo koji način pomogli pri realizaciji ovog uistinu zanimljivog i hvale vrijednog događaja **Thank you** *very much to everyone involved in the organization and to everyone who helped in any way to make this truly interesting and praiseworthy even come to life.*

3. Jako mi je drago da postoji jedna ovakva udruga koja radi dobre stvari. **Hvala vam** i samo tako djelujte i dalje.

I am very happy that such an organization, doing so much good, exists. Thank you and keep working the same way.

Considering that *hvala* is used so universally, as was expected, it appeared quite a bit in the questionnaire, more specifically, in about 30% of emails, always with the respectful second person singular pronoun *Vam*, usually in the following sense:

4. **Hvala Vam** unaprijed (na razumijevanju).

Thank you *very much (for your understanding).*

While *hvala* can be used in both formal and informal situations, between people who know each other well and who are strangers, there are terms which can be used only in formal or informal settings. In that sense, a term Croatians most commonly use to express gratitude in formal contexts is *zahvaljujem*. *Zahvaljujem* can, actually, be considered as the direct translation of *I thank you*, as it is actually a verb (unlike *hvala*, which is a noun), and is used either in communicational contexts between people of different social/power distance, or when we one is trying to emphasize their gratitude, as can be seen in the examples below:

1. Tijekom prezentacije naše Udruge pokazao se interes za smještajne kapacitete u hrvatskim Domovima za starije, obiteljskim domovima, a samoj prezentaciji je pomogao uspješan promotivni materijal Hrvatske Turističke Zajednice kojima najiskrenije **zahvaljujem**.

During our organization's presentation, an interest in offering accommodation in Croatian retirement homes and family homes has been displayed, and the presentation itself was helped by the Croatian National Tourist Board, whom I thank most sincerely.

2. Na ovom velikom uspjehu Koalicije iskreno **zahvaljujem** biračima na iskazanom povjerenju.

The coalition earnestly thanks the voters for the trust they have displayed and this great success.

Considering the emphasizing and formal nature of *zahvaljujem*, it is no surprise that it was used in approximately 30% of emails, in contexts similar to the following example:

3. Unaprijed **zahvaljujem** (na razumijevanju i pomoći).

Thank you *in advance (for your understanding and help).*

On the other hand, as a form of gratitude used in exclusively informal contexts, a new term has appeared in Croatian and become very popular in the past 20 years or so. This term is *tenks*, sometimes also written as *tnx*, *thx* or its original form – *thanks*. While this term is obviously taken from English and is used very similarly in both languages, the main difference is that, in Croatian, apart from being significantly less emphasized and more easy-going than *hvala (ti/Vam)* and *zahvaljujem*, as has been mentioned, it can be used exclusively in informal contexts, and only between friends, family members, peers, or people who are close. Originally, *tenks* was used by young people only, and even today it is more commonly used by young people. However, middle aged people, as well as elderly, have also grown to like it, so it is commonly heard in the Croatian streets and conversations, in contexts similar to the ones in the following examples:

1. Obećavam da cu detaljno prouciti sve o tome, jer, kao sto rekoh, ovo mi je sve novo. U svakom slucaju, **tenks** na «drugoj strani».

I promise to look at all that in detail since, like I said, all this is new to me. In any case, thanks for the «other side».

2. Ja bih voljela vidjeti čim više tutoriala hehe, od dnevnih lookova, pa do nekih ekstremnih, npr za maškare i slično. I npr kako ti nanosiš tuš:) **Tenks** :)

*I'd love to see as many tutorials as possible hehe, starting from daily looks, all the way to the more extreme, e.g. Halloween and similar ones. And how you do your eyeliner. **Thanks** :)*

Considering the informal nature of the expression in question, using *tenks* in formal contexts would be regarded as highly inappropriate and impolite, especially when one is addressing individuals with a greater power level or higher social status. Respondent questionnaires seemed to have recognized this, and thus there are not examples of its usage in the questionnaire.

Based on this analysis, we have come to several conclusions.

First of all, when it comes to *thank you* and *thanks*, to express the same notion, the notion of gratitude, Croats usually use *hvala (ti/Vam)*, *zahvaljujem* or *tenks*. While the three expressions have the same meaning, the lengthier *zahvaljujem* is more sincere and emphatic than the shorter *hvala (ti/Vam)* and *tenks*, and is used most formally. Furthermore, the most common term out of the three is *hvala (ti/Vam)*, as it can be applied most universally (in formal and informal contexts of different levels of gravity/seriousness), and, when joined by objective pronouns *ti/Vam*, it receives and expresses more emotion and emphasis. Finally, the shortest, the least emphasized, the newest and the most informal of the three expressions is *tenks*, a Croatinised version of the English *thanks*, which functions in the same way as its English original, with the exception of being used exclusively in informal settings and by people of similar social and power status, such as peers, friends, family members etc.

Secondly, on the basis of this analysis, as well as the analysis of the Croatian equivalents of the terms *please* and *sorry*, conducted for the purpose of an article which is to be published this year (Kolar, 2023; forthcoming), we have come to the conclusion that Croats tend to use the «Croatinised» form of English politeness markers – which can be seen in the term *tenks* analyzed here. However, all such terms can be used exclusively informally, and/or in friendly settings, family conversations, and similar contexts, especially among young people, meaning that politeness markers of Croatian origin carry significantly more emphasis and formality.

Thirdly, deducing from politeness markers used in the briefly analyzed questionnaire, it seems that its respondents understand the difference between social and power distance and status between them and their perceived interlocutor, i. e. their professor, as well as the appropriate usage of the terms analyzed here. This can be concluded on the basis of the terms they used in the questionnaire, namely, the more formal *zahvaljujem* and *hvala* in combination with the respectful second person pronoun *Vam*, which are used to emphasize sincerity and gratefulness. No *thanks* or *hvala* without a pronoun have been found in the questionnaire, which confirms its respondents understand they are partaking in a speech act which might damage their status (in other words, a face-threatening speech act), and that they are talking to a person of a higher social and power status.

Finally, it can potentially also be asserted that, in Croatian, the length of a politeness marker, at least one expressing gratitude, correlates with its degree of formality, emphasis, and closeness – the shorter a politeness marker is, the more informal and deemphasized it is. Nevertheless, to gain a deeper understanding of politeness markers, in general, but especially in Croatian and other underresearched languages, further research is imperative. A quantitative analysis is required to determine the prevalence and anticipated usage of specific politeness markers, and there is also a need to uncover additional politeness markers. Ideally, this could be accomplished through a more extensive questionnaire that reaches a wider audience. Thus, this article serves as a call for more research of that kind.

Conclusion

In conclusion, this article has delved into the realm of certain verbal politeness markers expressing gratitude, namely *thank you* and *thanks*, or rather their Croatian equivalents. For this purpose, the given terms have been analyzed with regards to their meaning, and their usage has been exemplified with the help of HrWac, the Croatian national corpus, as well as a questionnaire conducted by Kolar in 2022, focused on politeness in email professor-student communication, with an emphasis on the requesting speech act. In that sense, the terms *hvala (ti/Vam)*, *zahvaljujem* and *tenks* have been pinpointed as the Croatian counterparts of *thank you* and *thanks*, carrying the same meaning and application. We have also examined the contexts in which they are employed, shedding light on the distinctions between them, and it was observed that longer expressions tend to carry more weight and sincerity. Furthermore, our investigation also revealed that Croats tend to employ English politeness markers, adapted to fit the Croatian phonetic system, which has in this analysis been proved by *tenks*, the Croatinised version of *thanks*. Importantly, however, these adapta-

tions are typically reserved for informal and friendly interactions. Finally, it has also been noticed that Croatian university students seem to understand the difference in application of the analyzed terms, as well as the meaning, emphasis and formality they carry, which has been displayed by their use of the given terms in the questionnaire. This also showcases they understand the power and social distance between themselves and their perceived university professors, as well as the severity of the speech act they are partaking in, which is also reflected in the markers they use.

While this article provides valuable insights into the topic of politeness markers in Croatia, there remains a need for more extensive research to gain a more comprehensive understanding. We recommend conducting research on a larger and more diverse sample, with a particular focus on quantifying the usage of these politeness markers. Such research would illuminate the subject of politeness in Croatia, which is still relatively underexplored in the country. This would be beneficial to both Croatians and foreigners in Croatia, including students and academics engaged in academic mobility within Croatian universities, unfamiliar with Croatian social norms and standards. Therefore, we hope that this article serves as a catalyst for further exploration into the realm of Croatian linguistic politeness, marking the beginning of more in-depth investigations in this area.

REFERENCES

1. Alemi M., Maleknia Z., Politeness markers in emails of non-native English speaking university students // Russian Journal of Linguistics, 2023, vol. 27. no. 1. pp. 67–87. doi: 10.22363/2687-0088-33334 (accessed on: 8/21/2023).
2. Baker Paul. American and British English: Divided by a common language? London, Cambridge University Press, 2017, 276 p.
3. Brown, P., Levinson S., Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987, 345 p.
4. Grice H.P. Logic and Conversation. In: Syntax and Semantics, New York, Academic Press, 1975, vol 3, pp. 41–58.
5. Islentyeva A., Pesendorfer L., Tolochin I., 'Can I have a cup of tea please?' Politeness markers in the Spoken BNC2014, Journal of Politeness Research, 2023, vol. 19, no. 2, pp. 297–322. <https://doi.org/10.1515/pr-2022-0010> (accessed on: 8/23/2023).
6. Kolar K., Politeness Strategies in Croatian University Student-Teacher Email Communication, Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects – 11th international conference, 2022, vol. 2, pp. 72–76. doi: 10.47475/9785727118054_76 (accessed on: 4/5/2022).
7. Leech G., Principles of Pragmatics, London and New York, Longman, 1983, 264 p.

Колар К. *Hvala (ti/vam), Zahvaljujem, Tenks*: Определение хорватских вербальных маркеров вежливости // Гуманитарно-педагогические исследования. 2023. Т. 7. № 3. С. 45–49.

Kolar K., *Hvala (Ti/Vam), Zahvaljujem, Tenks*: Identifying Croatian Verbal Politeness Markers, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2023, vol. 7, no 3, pp. 45-49.

Дата поступления статьи –16.09.2023; 0,55 печ. л.

Сведения об авторе

Колар Клара – Магистр английского и русского языков и литератур - переводовед, аспирант 3-го курса по специализации «Теория языка и анализ дискурса», кафедра иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (РУДН), Москва, Россия; klara.kolar96@gmail.com.

Author

Klara Kolar, Master of English and Russian Language and Literature with a specialization in translation, third year PhD student of Linguistics, with a specialization in Theory of Language and Discourse Analysis, at the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, People's Friendship University of Russia (PFUR/RUDN), Moscow, Russia; klara.kolar96@gmail.com.

ПОЗИТИВНОЕ МЫШЛЕНИЕ В ФИЛОСОФИИ И ЛИТЕРАТУРЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Аннотация. В статье рассматриваются проявления позитивного мышления и изменения общественно-го сознания в России в эпоху постмодернизма, когда усиливается пропаганда либерализма, плюрализма и гедонизма. Предметом изучения в статье являются философия и литература постмодернизма. Характеризуя основные черты сознания людей в эпоху постмодерна, автор раскрывает и связывает понятия: эпоха постмодерна, мир как текст, децентрация мышления, ситуативные фобии, нью-эйдж, позитивное мышление, субъективный идеализм, деконструкция, постмодернистская ирония, эпистемологический релятивизм. Основной чертой постмодернизма автор считает отказ от социальных преобразований, который приводит человека к дистанцированию от общества и природы, к полному отказу от позитивно-онтологических взглядов на мир. Такая концепция изживает себя в настоящее время не только в литературе, искусстве, но и в социальных группах, где пропаганда позитивного мышления стала почти обязательной. Ирония над изменением общественного сознания дана исследователем на примере постмодернистского романа Владимира Сорокина «Путь Бро». В романе мир насилия и идеальный мир людей, выдуманный идеологами, оказываются тесно связанными. Цель работы автор видит в том, чтобы выявить изменения в эстетике постмодернизма в результате появления моды на позитивное мышление. Методом исследования выбрано научное описание. Статья актуальна в связи с недостаточным, по мнению автора, количеством исследований элемента постмодернистской эстетики в литературе. Результатом работы над статьей ее автор считает вывод о том, что мода на позитивное мышление изменила сознание современных людей. Этот факт позволяет писателям часто высмеивать сознание своих современников.

Ключевые слова: постмодернизм, философия постмодерна, позитивное мышление, нью-эйдж, литература постмодернизма, постмодернистская ирония, эстетика постмодернизма, Владимир Сорокин.

Современный мир переживает значительные трансформации общественного сознания. Все настойчивее становится пропаганда либерализма, плюрализма и гедонизма, несмотря на серьезные метафизические претензии к этим идеологиям со стороны русской культуры. Эпоха постмодернизма в России стала радикальной и суровой, и этим можно объяснить трансформации человеческого сознания.

Основные черты общественного сознания эпохи постмодерна следующие:

1. Новый способ мышления игнорирует бинарность мира: целое – часть, центр – периферия, добро – зло, реальное – воображаемое.
2. Принципиальный отказ от систематизации явлений окружающего мира.
3. Представление культуры и мира как герменевтической совокупности толкования любых текстов, клиповое восприятие искусства, интертекстуальность [9, с. 120–121].

Постмодернизм не пытается создать учение, объясняющее каждый участок отдельно взятого вымышленного мира, он скорее пытается диалектически иметь в виду нечеткую, но полную плюралистических концепций картину мира. Постмодернизм не ставит задачи создания философской универсальной теории. Его интересует частный случай, уникальность, а не понятие всеобщности и не проблема универсалий, характерная для средневековой философии. Это явное проявление новых философских парадигм, что сопрягается с разносторонней критикой рационализма, объективизма, религиозных христианских догм, европоцентризма, то есть всего того, что было ценным и традиционным в западноевропейской традиции. Кредо Нового времени, рационализм декартовского и ньютоновского мышления, постепенно замещается иррационализмом, вмещающим разные стилевые черты – восток и запад [9]. Научное знание относительно, это всего лишь «вид дискурса» [8, с. 5].

Самое серьезное качество постмодернизма – отказ от социальных преобразований, от прагматичных свершений в природе. Человек дистанцируется от реального мира общества и природы, что приводит к полному отказу от позитивно-онтологических взглядов на мир как на личную мастерскую человека, который может творить в ней все, что захочет, – эта концепция абсолютно исчерпала себя. Человек больше не хочет быть ни творцом, ни ученым-исследователем, то есть он отказывается от своей активной культурной природы. Такой отказ от познания мира и, следовательно, его преобразования ведет к непризнанию понятия истины, которая теперь считается явлением множественным и субъективным.

Мир становится объектом сознания, результаты которого фиксируются в письменных или уст-

ных формах. Он рассматривается только «через призму сознания, т. е. исключительно как идеологический феномен культуры» [3, с. 20]. Поэтому мир выступает как текст: «Ничто не существует вне текста» (Ж. Деррида), любую реальность можно описать и определить контекстуальными интерпретациями [4, с. 103].

«Децентрация» мышления приводит к эклектике стилей, форм и направлений, к утрате чувства превосходства норм традиционного общества.

Стирание пространственно-временных границ сопряжено в постмодернизме с потерей апелляции к авторитетам и значимости традиции. Мир нельзя свести к одному объединяющему универсальному принципу.

Современный человек, не имея в сознании традиционного гуманизма, увлекается позитивным мышлением, испытывая различные социальные или ситуативные фобии. Чаще всего это боязнь социальных ситуаций, например, автофобия (страх одиночества), антропофобия (страх перед людьми), атихифобия (страх перед неудачей), страх перед «негативными» ситуациями, например, перед смертью, кладбищами (танатофобии). М. Фуко, исследуя историю безумия в классическую эпоху, не мог представить, что формы безумия не исчезнут у людей XXI века и будут сопряжены с иллюзией управления социальной реальностью [10, с. 25–50]. Фобии – это весьма распространенные расстройства психики в эпоху постмодерна. И лечение от этих расстройств предлагается совершать с помощью так называемых позитивных установок.

Позитивное мышление – концепция, применяемая на семинарах по мотивационному развитию личности, а также в соответствующей литературе. Его синонимы – «новое мышление», «правильное мышление», «мышление силы» или «ментальный позитивизм». Позитивное мышление не связано с позитивной психологией (это важно, так как позитивное мышление имеет природу оккультных восточных практик).

Позитивное мышление возникло во второй половине XIX века (Р. У. Эмерсон [11], метод Куэ [6]). Д. Карнеги были построены с элементами позитивной психологии¹.

Метод позитивного мышления в своей основе исходит из того, что применяющий его путем постоянного позитивного влияния осознанного мышления (например, с помощью аффирмаций или медитативных визуализаций) достигает в мыслях продолжительного конструктивного и оптимистического настроения и тем самым повышает свою удовлетворенность и качество жизни. Наиболее популярные современные авторы методик овладения позитивным мышлением, такие как Луиза Хей², Вадим Зеланд³, Александр Свияш⁴.

Мода на позитивное мышление, на наш взгляд, – показатель крайне беспомощного положения современного общества в России. Вместо ориентации на социальную реальность, на свершение действий, человеку предлагается «усыпляющая таблетка» от тревоги за свое будущее. Безусловно, это проявление движения «нью-эйдж», потому как адептами позитивного мышления используются восточные практики, совершенно нехарактерные для здорового мышления западного человека и потому разрушающие его личность и способность критически оценивать действительность. Человек живет словно бы в выдуманной им самим сказке, проявляя тем самым эскапистскую сущность подобных «эзотерических практик». К тому же, в этих методиках активно используется термин «Вселенная», характерный для мировоззрения нью-эйдж, заменяющий собой прежнее понятие Бога, Творца Вселенной и отрицающий творческую сущность человека. В общем, явление человека-творца как высоко развитого и самостоятельного существа было типично для эпохи Возрождения и положительно характеризовало природу человека. В мировоззрении нью-эйдж человек – это маленький винтик в механизме Вселенной, чье положение полностью определяет некая слышащая и думающая Вселенная. Такой поход унижает человека, искажает представление о его сущности.

В позитивном мышлении есть убежденность, что вещи, которые человек считает правдой, обязательно воплощаются в его жизни, то есть налицо важнейший элемент субъективного идеализма.

С точки зрения субъективного идеализма, метод позитивного мышления – это способ деконструкции ложной или несуществующей негативной действительности и ее воздействий. Ложные представления должны быть устранены, и, как следствие, устранена негативная ситуация в реально-

¹ Методика позитивного мышления // Моя психология. URL: <https://myspsychologiya.ru/samorazvitie/metodika-pozitivnogo-myshleniya> (дата обращения: 24.06.2023).

² Хей Л. Стань счастливым за 21 день. Самый полный курс любви к себе. Москва : Эксмо. 2016. 240 с.

³ Зеланд В. Апокрифический трансерфинг. Москва : Эксмо. 2022. С. 432.

⁴ Свияш А. Большая книга позитивной психологии. Москва : Аст. 2018. 640 с.

сти, потому что «Вселенная слышит и исполняет».

В социальных группах пропаганда позитивного мышления стала почти обязательной, аффирмации используют как метод оздоровления. Литература предлагает его в качестве универсального средства успеха, формулой которого становится «деньги, здоровье и счастье». Многочисленные уловки должны поддерживать мысленный оптимизм (смайлы, яркие картинки, мотивирующие видеофайлы, позитивное изречение, сублиминальные сообщения в картинках, посылаемых по Интернет).

Нередко принципы позитивного мышления используют авторы деловой и обучающей литературы (что иногда оправдано), а также бизнес-коучеры и популяризаторы самого позитивного мышления. Например, бизнес-коучи используют обман и призывают имитировать деятельность: «*Имитируй поведение успешного человека! Ты вживешься в образ и станешь таким*». Постмодернизм называется «ответом на социальный «заказ» неолиберализма» [1, с. 4].

В Российской Федерации это движение сначала было малопопулярным. Можно вспомнить «Lifespring», коммерческую организацию, основанную в 1974 году Джоном Хенли и появившуюся в нашей стране в середине 1990-х годов.

В романе Владимира Сорокина «Путь Бро»⁵ (приквел «Ледяной трилогии») проявляется идея того, что насилие и идеальный мир тесно связаны. Главный герой книги, мальчик Саша Снегирёв, младший седьмой ребенок в семье богатого сахарозаводчика родился в день падения Тунгусского метеорита. Ему уготована судьба основать Братство Света. С помощью сестры Фер он ищет особых людей со спящими сердцами сначала в России, а затем и по всему миру. В XX веке Братья были чекистами и нацистами (об этом подробнее рассказывается во второй части трилогии «Лёд»), а в современности стали могущественной корпорацией ЛЕД.

В этом романе автор обыгрывает моду на эзотерические практики и позитивное мышление нью-эйдж. Братство Света ищет истинные знания, верит в возможность постижения «Света Изначального». В романе доведена до абсурда метафора Нерушимой Гармонии в виде Идеального Льда; с иронией в повествовании ведется поиск голубоглазых и светловолосых ариев с Далеких Звезд. Писатель иронизирует над идеей возможности познания мира и обретения некой «гармонии» после образования нового мировоззрения. Бро считает, что жизнь – ошибка, гармония небесных твердых тел есть в той самой «слышащей Вселенной», которая представлена как абсолютный порядок. Лед, упавший с неба, – материя идеального творения, пробуждающая сердца братьев и сестер Света. Когда идеальный лед тает, он превращается в неидеальную воду.

Этот роман – утонченная постмодернистская ирония, в том числе над идеями конечности, греховности плоти и другими модными темами современности: «*У людей за всю их историю было три основных занятия: рожать людей, убивать людей и использовать окружающий мир. Люди, предлагающие что-то другое, распинались и уничтожались*»⁶.

Цель братьев и сестер Света – взяться за руки, образовать круг, произнести «программирующие» слова – и мир изменится по желанию. Существующая Вселенная считается неудачной, неправильной, ее энергетику нужно скорректировать с желаниями Братства. В итоге должны исчезнут «мясные машины», т. е. обычные люди, чтобы они не мешали дальнейшему развитию. Человек становится свободным от телесного, но вступает «на путь интенсивной деградации» [2, с. 64].

Этот роман можно интерпретировать как освобождение от коммунистической идеологии, и, с другой стороны – как конец идеалов «либеральной демократии, которые как раз и являются эмпирическим воплощением христианских ценностей» [7, с. 4]. Никакая идеология не может быть подлинной, либерализм окарικатуривает христианские идеи, превращает идею равенства в контроль над человеческой природой.

Критика позитивного мышления указывает на опасность в повседневном образе мысли отказа от отрицательных эмоций, хотя рациональное зерно в позитивном мышлении, разумеется, есть (например, использование его для достижения краткосрочного терапевтического эффекта).

Кроме прочего, позитивное мышление представляет собой еще и манипуляцию сознанием, поведением человека, что мешает естественному процессу духовного развития, не позволяет воспринимать физический и социальный мир объективно. Самовнушение может повредить лабильным людям, а у несклонных к критическому мышлению людей – привести к потере контакта с реальностью. Даже

⁵ Сорокин В. Путь Бро // Ледяная трилогия. Москва : АСТ; Санкт-Петербург: Астрель, 2009 г., С. 239–482.

⁶ Сорокин В. Ледяная трилогия. С. 18.

если поставить критические вопросы к основанию позитивного мышления, то человек попытается уйти от ответов на них.

К сожалению, современное общество не может быть самодостаточным, поскольку позитивное мышление превращается в идеологию для управления массовым сознанием. У общества возникает иллюзия всемогущества, ее воздействие спектрально направлено на психические структуры человека (эзотерика, протестантизм, менеджмент, блогерство). Транслятор идеи позитивного мышления ставит перед собой задачу изменения мнений, побуждения к достижению целей, выгодных определенной группе людей, в которую, конечно, объект манипуляции не входит.

Манипуляция массовым сознанием служит ключевым элементом психологических операций и информационной войны, это общеизвестно. Появление моды на позитивное мышление и активное ее распространение может быть показателем такой информационной войны. После распада закрытых социалистических обществ всеобщей формой жизни людей стали «рынок, выгода, прибыль», по выражению В. А. Кутырева [5, с. 58], а также позитивное мышление, явленное как идея и образ жизни западного протестантизма.

Использование внушения, как один из явных атрибутов позитивного мышления, – это очевидный метод манипуляции человеческим сознанием, и в данном ключе современная мода на визуализацию обязательно будет признана экзистенциально несостоятельной и весьма опасной.

Одна из важных установок философии постмодернизма – эпистемологический (познавательный) релятивизм – отрицание объективной истины (утверждается принципиальная относительность), отрицание реальности мира (делается упор на иллюзорность мира и создание с помощью мысли первичного виртуального, проецируемого в реальный). Внешний мир не дан нам изначально: мы сами конструируем его в той или иной степени. Описаний и конструкций реальности может быть неограниченное количество, и все они равноправны между собой, нет более реальной, более истинной, более объективной конструкции. Следовательно, и человек не познает мир, а всего лишь интерпретирует его.

Интересно отметить, что указанный нигилизм в постмодернизме, а также эти практики визуализации восходят к восточному мистицизму. В чань-буддизме еще за тысячу лет до постмодернистов провозглашался подобный релятивизм и неоднозначность истины. Однако, если Запад оказался «разочарованным», то Восток наоборот – поистине наслаждается идеей многогранности и непостижимости истины в словах.

Постмодерн проявил себя во многих сферах, а не только в философии: в литературе, искусстве, кино, массовой культуре. Сегодня постмодерн представляет собой особое мировоззрение, характеризующееся в общем виде недоверием к традиционным реалистическим концепциям, к вере в научно-технический прогресс. С таким мировоззрением человечество уверенно вступает в эпоху технотронной глобализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бугалин А. В. Постмодернизм устарел... закат неолиберализма чреват угрозой «протоимперии» // Вопросы философии. № 2. 2004. С. 3–15.
2. Данилова В. С., Кожевников Н. Н. Постнеклассический универсализм и сетевой человек: философские взгляды эволюции человека в современном мире // Наука и образование: научный и общественно-политический журнал. 2006. № 3 (43). С. 62–64.
3. Ильин И. Постмодернизм. От истоков до конца столетия. Эволюция научного мифа. Москва: Интрада, 1998. 255 с.
4. Ильин И. П. Постмодернизм. Словарь терминов. Москва: ИНИОН РАН. INTRADA. 2001. 425 с.
5. Кутырев В. А. Духовность, экономизм и «после»: драма взаимодействия // Вопросы философии. 2001. № 8. С. 56–65.
6. Куэ Э. Сознательное самовнушение как путь к господству над собой: методы, техника, практика /пер. с фр. и предисл. Мих. Кадиша. Москва: Амрита-Русь, 2011. 122 с.
7. Лекторский В. А. Христианские ценности, либерализм, тоталитаризм, постмодернизм // Вопросы философии. 2001. № 4. С. 3–10.
8. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. Санкт-Петербург: Алетей, 1998. 65 с.
9. Ратников В. П. Постмодернизм: истоки, становление, сущность // Философия и общество. 2002. № 4 (29). С. 120–132.
10. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. Москва: АСТ, 2010. 698 с.
11. Эмерсон Р. У. Нравственная философия. Минск: Харвест; Москва: АСТ. 2001. 384 с.

POSITIVE THINKING IN THE PHILOSOPHY AND LITERATURE OF POSTMODERNISM

Abstract. The article examines the occurrence of positive thinking and public consciousness changes in Russia in the era of postmodernism. The article reveals the following concepts: the postmodern era, the world as a text, decentralization of thinking, situational phobias, new age, positive thinking, subjective idealism, deconstruction, postmodern irony, epistemological relativism. The irony over the alteration in public consciousness is shown by the example of postmodern novel "The Way of Bro" by Vladimir Sorokin. In the novel the world of violence and the ideal world of people, contrived by the ideologists, are closely connected. The subject of the article is the philosophy and literature of postmodernism. The aim of the work is to identify changes in postmodernism aesthetics as a result of positive thinking trend emergence. The research method is a scientific description. The article is relevant due to insufficient research of a postmodern aesthetics element in literature. The result presented in the article shows that positive thinking tendency has changed the consciousness of contemporary people. This fact allows writers to mock constantly the consciousness of their contemporaries.

Keywords: postmodernism, postmodern philosophy, positive thinking, new age, postmodern literature, postmodern irony, aesthetics of postmodernism, Vladimir Sorokin.

REFERENCES

1. Buzgalin A. V., Postmodernizm ustarel... zakat neoliberalizma chrevat ugrozoi «protoimperii», *Voprosy Filosofii*, no. 2, 2004, pp. 3–15.
2. Danilova V. S., Kozhevnikov N.N., Postneklassicheskii universalizm i setevoi chelovek: filosofskie vzglyady evolyutsii cheloveka v sovremennom mire, *Nauka i Obrazovanie: Nauchnyi i Obshchestvenno-politicheskii Zhurnal*, 2006, no. 3 (43), pp. 62–64.
3. Il'in I., Postmodernizm. Ot istokov do kontsa stoletiya. Evolyutsiya nauchnogo mifa, Moscow, Intrada, 1998, 255 p.
4. Il'in I. P., Postmodernizm. Slovar' terminov, Moscow, INION RAN. INTRADA, 2001, 425 p.
5. Kutyrev V. A., Dukhovnost', ekonomizm i «posle»: drama vzaimodeistviya, *Voprosy Filosofii*, 2001, no. 8, pp. 56–65.
6. Kue E. Soznatel'noe samovnuшение как put' k gospodstvu nad soboi : metody, tekhnika, praktika / per. s fr. i predisl. Mikh. Kadisha, Moscow, Amrita-Rus', 2011, 122 p.
7. Lektorskii V. A. Khristianskie tsennosti, liberalizm, totalitarizm, postmodernizm, *Voprosy Filosofii*, 2001, no. 4, pp. 3–10.
8. Liotar Zh.-F. Sostoyanie postmoderna, Sankt-Peterburg, Aleteiya, 1998, 65 p.
9. Ratnikov V. P. Postmodernizm: istoki, stanovlenie, sushchnost', *Filosofiya i Obshchestvo*, 2002, no. 4 (29), pp. 120–132.
10. Fuko M. Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu. Moscow, AST, 2010, 698 p.
11. Emerson R. U. Nравstvennaya filosofiya, Minsk, Kharvest; Moscow, AST, 2001, 384 p.

Черемина Е. А. Позитивное мышление в философии и литературе постмодернизма // Гуманитарно-педагогические исследования. 2023. Т. 7. № 3. С. 50–54.

Cheremina E. A., Positive Thinking in the Philosophy and Literature of Postmodernism, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2023, vol. 7, no. 3, pp. 50–54.

Дата поступления статьи – 14.04.2023; 0,55 печ. л.

Сведения об авторе

Черемина Екатерина Аркадиевна – кандидат филологических наук, профессор Российской Академии Естествознания, Почетный доктор Российской Академии Естествознания, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин Астраханского филиала Саратовской государственной юридической академии, г. Астрахань, Россия; monokeros@mail.ru. orcid.org/0000-0001-7318-403X.

Author:

Ekaterina A. Cheremina – Candidate of Philological Sciences, Professor of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Doctor of the Russian Academy of Natural Sciences, Associate Professor of the Department of General Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Astrakhan Branch of the Saratov State Law Academy, Astrakhan, Russia; monokeros@mail.ru. orcid.org/0000-0001-7318-403X.

ВОСПРИЯТИЕ ОБРАЗА ТАТЬЯНЫ ЛАРИНОЙ ГЕРОЯМИ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА В РАССКАЗЕ САШИ ЧЕРНОГО «БУБА»

Аннотация. В русской эмиграции первой волны А. С. Пушкин стал символом оставленной родины, знаком высокой духовной культуры, олицетворением национального духа. Для творчества Саши Черного характерно обращение к образам русской литературы, в его произведениях звучат имена Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, а их герои становятся частью художественного мира писателя-эмигранта. У Саши Черного есть ряд произведений, в которых происходит сопоставление его героинь с пушкинскими. Так происходит в рассказе «Московский случай» (1926), а героиня рассказа «Буба» (1931) дает свою трактовку образу Татьяны Лариной. Новизна представленного материала объясняется тем, что впервые предпринята попытка осмысления особенности восприятия пушкинской героини с позиции литературы XX века на примере рассказа «Буба». В результате исследования мы пришли к выводу, что в произведении Саши Черного наблюдается несовпадение главных героев – рассказчика и его племянницы – в восприятии образа Татьяны Лариной: характер героини во многом упрощается в сознании юной девушки XX века. Молоденькая Буба стремится найти свое место в новом для нее мире, но ее модные увлечения: чтение журналов, посещение кино, занятие балетом – оказываются пародией на образ жизни, воспитание и образование дворянской девушки XIX в. Таким образом, скрытая авторская ирония становится выражением писательской позиции. Актуальность исследования определяется растущим интересом к литературе русского зарубежья, и в частности, к творчеству Саши Черного. Основными методами исследования стали сопоставительный и целостный анализ произведения. Материалы статьи могут быть использованы в вузовских курсах по истории литературы русского зарубежья.

Ключевые слова: Саша Черный, Пушкин, Татьяна Ларина, рассказ, русское зарубежье, рассказчик, литературный герой.

Введение

Для многих русских эмигрантов первой волны имя А. С. Пушкина стало знаковым. Как пишут ученые, «...для изгнанников, оказавшихся вдали от родины и ностальгически сохранявших всякое приятное воспоминание о прошлом, Пушкин значил исключительно много. <...> В Русском Зарубежье развился настоящий культ Пушкина» [12, с. 124]; «...творчество поэта предстает не только как объект исследования, а как глубоко личностная тема, попытка найти точку опоры в жизни вне родины» [7, с. 12]. Великий русский поэт стал символом оставленной родины, знаком высокой духовной культуры, олицетворением национального духа. Не случайно в 1925 г. ко дню рождения Пушкина был приурочен общеэмигрантский День русской культуры с целью национального единения [1].

Творчество поэта в эмигрантской пушкинистике рассматривается с разных политических, идеологических, философских и эстетических позиций, его изучают [7, с. 11–13; 11; 14; 15; 16], о нем спорят [6]. Образ Пушкина мифологизируется, не только темы, герои, но и сам поэт оказываются героями художественных произведений [2].

Для творчества Саши Черного характерно обращение к традициям русской литературы, в его произведениях звучат имена Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, а их герои становятся частью художественного мира писателя-эмигранта. У Саши Черного есть ряд произведений, в которых происходит сопоставление его героинь с пушкинскими, в частности, с Татьяной и Ольгой Лариными. Так происходит в рассказе «Московский случай», герой которого «*Ольгу Татьяне всегда предпочитал и Онегина по этой причине большим ротозеем считал*»¹. Именно Ольга у главного героя рассказа вызывает чувство восхищения. По отношению к Татьяне есть ощущение величия и достоинства, но простого обывателя, каким заявлен герой рассказа, она оставляет равнодушным [4, с. 79].

В ряде произведений сам поэт является одним из литературных героев, например, в стихотворении Саши Черного «Няня Пушкина» (1927) или «фантастическом» рассказе «Пушкин в Париже» (1926), который можно рассматривать как своеобразную реплику на полемику о Пушкине между В. Ходасевичем и Г. Адамовичем. В фантастическом рассказе С. Черного материализовавшийся дух Александра Сергеевича Пушкина появляется в Париже, но все внимание сообщества русской эмиграции сосредоточено не на мистической стороне происходящего, не на встрече с великим поэтом, хотя начало рассказа вроде бы на это настраивает, а на абсурдности происходящих событий. Идентифика-

¹ Черный Саша. Собр. соч.: В 5-ти тт. Т. 4: Рассказы для больших / сост., подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. Москва: Эллис Лак, 2007. С. 155.

цию личности поэта должен был подтвердить «знаменитый пушкинист Х., – настолько знаменитый, что перед ним меркло имя Пушкина»². Речь идет о Владиславе Ходасевиче, авторе многочисленных статей о творчестве и личности Пушкина. В этой ироничной фразе Саши Черного о знаменитом пушкинисте, затмившего самого поэта, звучит критическое авторское отношение к личности Ходасевича, взявшего на себя роль, по выражению А. Сергеевой-Клятис, центральной фигуры русского культурного поля [14, с. 327], и развернувшейся в периодике в 1925 г. полемике вокруг имени великого поэта, растянувшейся на годы [См. подробнее: 6].

Цель данной статьи – определить особенности восприятия образа главной героини романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» – Татьяны Лариной – с позиции литературы XX века в рассказе Саши Черного «Буба», опубликованном в возрожденном в Париже журнале «Сатирикон» (1931, № 3).

1. Главные герои и основной конфликт в рассказе «Буба»

Рассказ написан от первого лица, рассказчиком выступает уже немолодой человек, русский эмигрант, живущий в Париже, – господин Глушков. Выпитая «Зубровка» и весенний ветер развязывают язык и заставляют его поделиться самым сокровенным: своими тревогами, болью и обидой. При этом его собеседников мы не слышим, хотя их присутствие обозначено. Фактически главный герой разговаривает с самим собой, это ему необходимо высказаться, рассказать о своих переживаниях, но можно предположить, что слушателям близка и понятна точка зрения их приятеля.

Главной героиней рассказа господина Глушкова оказывается его молоденькая племянница – Любовь, Люба, Любаша, как родная, любимая бездетной семьей. «Русская пышка, ласковый зверек»³ – так называет он свою девочку, которая в четырнадцать лет вдруг превращается в Бубу: «Почему она себе такую попугайскую кличку припилила, не могу понять»⁴. Добавим выбранную девочкой фамилию – Буба Птифру, которая все-таки выдает ее детскость: пти-фру – ассорти мелкого печенья, десерт во французской кухне [10, с. 303]. С точки зрения рассказчика, его племянница теряет свою естественную красоту, детское обаяние, свойственные ее возрасту: «разменяло себя мое русское золото на конфетную бумажку»⁵, теряет свою индивидуальность, превращается во множество себе подобных. Милая русская девочка становится манерный существом неопределенного вида: «то ли горничная, то ли герцогиня Дармишадская». Но для жены рассказчика такой образ и стиль поведения оправдан необходимостью адаптации в новых условиях – в эмигрантской жизни: «А Любе в Европе жить, пусть уж мимикрию эту безболезненно себе прививает. Ей же потом легче будет»⁶. Так мужчина оказывается одинок в своих тревогах и волнении, для него дело не только во внешнем изменении, характерном для подростка: «Но багаж-то духовный какой-нибудь нужен?»⁷.

Обратим внимание на то, чем занята молоденькая барышня в рассказе Саши Черного. Лет до четырнадцати – лицей, в это время нет конфликта между внутренним и внешним миром. Нет конфликта ни для девочки, живущей в ладу с окружающим ее миром, ни для любящего ее дяди, наблюдающего за ней со стороны. Рассказчик говорит о детской простоте, естественности племянницы. В его определении в одном ряду оказываются сближены и внутренние качества, и внешность девочки, например: «Русская пышка, ласковый зверек» или «Щечки в ямочках, ногти в заусенцах, душа – розовый ситчик»⁸ – с любовью, умилением, даже гордостью звучат слова героя.

Короткий рассказ Саши Черного строится фрагментарно, он охватывает несколько лет жизни героини: с четырнадцати до шестнадцати лет: «А время летит. Не успели обои в столовой сменить, как ей шестнадцать стукнуло»⁹. Из девочки, затем подростка она превращается в юную девушку. На этом переходном этапе и возникает тот конфликт между дядей и племянницей, которым мы наблюдаем. Если «лет до четырнадцати был у нее свой рисунок, даже лицей не перемолол», при этом внешнее подчинено внутреннему: «В облизанную стильность ее не бросало, что к личику, то и модно»¹⁰; то теперь в ее ранней юности обнаруживается зависимость от внешнего мира. Не случайно герой замечает потерю личного: «Лицо, так сказать, второстепенная подробность к модному покрою»¹¹.

² Черный Саша. Соб. соч.: В 5 т. Т. 3: Сумбур-трава. Сатира в прозе. Бумеранг. Солдатские сказки. Статьи и памфлеты. О литературе / сост., подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. Москва : Эллис Лак, 2007. С. 170.

³ Черный Саша. Указ. соч. Т. 4: Рассказы для больших, 2007. С. 348.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 350.

⁸ Там же. С. 348.

⁹ Там же. С. 350.

¹⁰ Там же. С. 348.

¹¹ Там же.

Человек внутренний, духовный оказывается лишь придатком к модному субъекту современного мира.

Новый образ определяет и новое поведение, новые книги, точнее, журналы и новые идеалы. «Записки охотника» Тургенева сменили модные кинематографические журналы с красавцами на обложке; чтение книг – просмотр кино; «Соборяне» Лескова вызывают зевоту, но зато Буба испытывает предвкушение от предстоящего просмотра фильма «Семьсот поцелуев в минуту»; русская классическая литература для героини – это «археология».

Возникает несоответствие отношения героини и рассказчика к русской классической литературе. Буба по-своему оценивает литературные сюжеты и героев, примечательно в этом плане ее восприятие героини Пушкина: «Татьяна ваша сама мужчинам на шею вешалась и даже в письменной форме»¹². Племянница рассказчика не видит того, что письмо Татьяны, которое пишется в тайне от всех, требует смелости и решительности, ведь все-таки преступаются некие неписанные законы, принятые нормы приличия; что оно наполнено эмоциями и чувствами: здесь вера в своего избранника и упование на его сострадание, страх и смелость соседствуют друг с другом. Столь решительный поступок вызывает и естественное чувство стыда: девушка вступает в переписку с молодым человеком, первой признается ему в любви.

Все это если не перечеркивается, то во многом упрощается в сознании литературной героини XX века. Для Бубы Татьяна Ларина – натура активная, вполне благополучно устроившая свою личную жизнь. Хромой генерал из пушкинского романа легко превращается в старого и богатого маршала в головке молоденькой девушки. Наивный реализм героини Саши Черного легко разрушает границы художественного текста и открывает его новые возможности: «И еще неизвестно, как бы она в Париже развернулась, если бы к нам сюда в эмиграцию попала...»¹³.

Желание снизить излишне возвышенный, с точки зрения шестнадцатилетней девушки XX века, образ пушкинской героини, абсолютная уверенность в своей правоте, демонстрация «умудренности» при небольшом жизненном опыте самой Бубы вызывают скорее улыбку читателя, чем серьезное отношение к ее словам. Такое мнение по-своему характеризует героиню рассказа Саши Черного: за стремлением к независимости, бравадой, максималистскими суждениями стоит по-детски легкомысленное, неосознанное отношение к жизни, следование взглядам и мнениям ее окружения.

Если главный герой «Московского случая» предпочитает из сестер Лариных Ольгу Татьяне, несколько не снижая достоинств старшей (она просто оставляет его равнодушным), то в представлении юной Бубы главная пушкинская героиня «снижена» значительно. Общим для героев рассказов «Московский случай» и «Буба» остается непонимание ни характера, ни жизненной драмы главной героини пушкинского романа. Заметим, что в романе «Евгений Онегин», по подсчетам Ю. М. Лотмана, Татьяне – 17, а Ольге – 16 лет [8, с. 481]. Возраст героини рассказа «Буба» еще больше сближает ее с Ольгой. Саша Черный намеренно соотносит своих героинь с пушкинскими сестрами Лариными, тем самым лишь намеченный женский образ в рассказах писателя становится более объемным, выстраивается определенная иерархия героев, что выдает авторское отношение к происходящему.

2. Отражение традиций XIX в. в жизни литературной героини XX в.

Можно обратиться к образу жизни, воспитанию и образованию дворянской девушки XIX века и посмотреть, насколько близки или далеки окажутся героини разных эпох.

Ю. М. Лотман в «Очерках дворянского быта» замечает, что главным являлось, во-первых, знание языка и умение держать себя в обществе, для чего необходимо уметь танцевать, рисовать, петь, играть на музыкальных инструментах, и в последнюю очередь, иметь представление об истории, географии, словесности [8, с. 504].

У героини рассказа Саши Черного такие же приоритеты. Если дядя упрекает Бубу в плохом знании предметов, то в ответ слышит и ее упрек-насмешку: «Сами по-французски дальше молочной ни слова...»¹⁴. В иерархии ценностей молоденькой барышни знание иностранного языка явно доминирует над знанием физики, по которой она «еле ползает», или над знанием истории и литературы. Но знание иностранного языка Бубы обусловлено не традициями воспитания и образования, характерных для XIX века, а жизненной ситуацией в условиях эмиграции, стремлением найти свое место в новом для нее мире.

¹² Черный Саша. Указ. соч. Т. 4: Рассказы для больших, 2007. С. 349.

¹³ Там же. С. 397.

¹⁴ Там же. С. 349.

Не последнее место среди интересов девушки занимают танцы. Буба увлечена балетом, что вызывает эмоциональное возмущение рассказчика: «А потом вот и пошло балетное это икроверчение. В студию какую-то раздевально-пластическую записалась»¹⁵. Но занятия балетом способствуют не только развитию пластики и грации. По словам жены: «Теперь все девочки через балет в мировую карьеру выходят»¹⁶. Эти слова обнаруживают приземленность увлечения Бубой балетом, что вновь вызывает ироничное замечание рассказчика: «На пензенском вечере за пластику она почетное звание получила: королевой пензенского землячества избрали. Шутка ли: карьера какая...»¹⁷.

Примечательна в этом плане карьера Ксении Куприной (1908-1981), дочери А. И. Куприна, начинавшей в 16-17 лет моделью в парижском модном доме и ставшей в эмиграции знаменитой актрисой. К 1931 г. она снялась в шести фильмах и успела затмить своей актерской славой известность отца-писателя [13, с. 297–298]. Сашу Черного и Александра Куприна связывала многолетняя дружба [См. подробнее: 3; 9, с. 168–172, 275–277], возможно, упоминание пензенской вечеринки отсылает к автору «Поединка», родившемуся на Пензенской земле.

Танцы или балы в XIX веке – это особый мир, необходимая часть жизни общества, форма отдыха и общения молодежи, со сложившимися ритуалами и традициями. На балу могли завязаться отношения между молодыми людьми: «оживленность свободы и непринужденность беседы между мужчиной и женщиной, которые оказывались одновременно и в центре шумного праздника, и в невозможной в других обстоятельствах близости» [8, с. 522]. С балом связывали и матримониальные устремления; именно на балу заметил Татьяну «важный генерал» в романе Пушкина. Так воспринимает танцы и рассказчик, который не только не имеет ничего против них, но даже рад, что молодые люди собираются у них дома: «Пожалуйста. Милости просим. Пусть уж лучше дома флиртуют, чем по неизвестным ротондам зеленую слизь сквозь соломинку сосать...»¹⁸. Но ритуал ухаживания, к сожалению, позабыт и превратился лишь в *потрясывание* под граммофон.

Неприятие балетного увлечения племянницы связано также с идеалом женской красоты героев Саши Черного. Таким идеалом является кустодиевский тип: женщина круглых форм, румяная, «кровь с кефиром». Или, по мнению одного из героев рассказа «Комариные мощи»: «женщина, благодарение Создателю, – плавный лебедь, воздушный пирог, персик наливной, не чтобы кость у нее из всех углов вытирала»¹⁹. Он также жалуется невидимому собеседнику на современную моду, которая заставляет женщин терпеть невероятные муки ради похудения и идти против женской природы. Плавность и округлость женских форм в творчестве Саши Черного связываются с мягкостью и добросердечностью характера женщины [5, с. 23].

В рассказе «Буба» несовпадение героя-рассказчика с современным модным женским типом лишь обозначено. Вздыхает главный герой «Комариных мощей», глядя на стрекозиные ножки жены, *стрекозой в папиросных бумажках* называет свою племянницу герой рассказа «Буба». Поэтому неудивительно, что в конце рассказа герой вспоминает басню Крылова. Для него остается надежда на взросление племянницы. Правда, в отличие от басенного муравья, он готов помочь племяннице при столкновении с жизненными трудностями и проблемами.

Мы видим, что воспитание и образование молоденькой барышни двадцатого века оказывается почти пародией на век девятнадцатый. Сохранились лишь внешние формы, а внутреннее серьезное наполнение отсутствует. Хотя и знание языка, и танцы в современном для героев Саши Черного мире направлены на устройство человека в социуме, но оборачиваются карикатурой, пародией на пушкинское время. Знание французского языка (наряду с обучением музыке и танцам) в первой половине XIX века подчеркивало принадлежность к дворянскому сословию, высшему свету, а в условиях эмиграции стремление влиться в новую среду вело к отказу от родного языка и отрыву от исконных корней, а в итоге забвению Родины.

Автор рассказа касается здесь проблемы, волновавшей многих, оказавшихся в чужой стране. Напомним, что одна из задач эмигрантов – это сохранение родных истории, культуры, языка вдали от родины. К сожалению, многие русские, вывезенные из России еще маленькими детьми, стали забывать свой язык и страну. Этой проблеме посвящена одна из статей Саши Черного «Наши дети» (1927), в которой он пишет: «России наши дети не видали и не знают»²⁰, а выход ему видится таким:

¹⁵ Черный Саша. Указ. соч. Т. 4: Рассказы для больших, 2007. С. 349.

¹⁶ Там же. С. 350.

¹⁷ Там же. С. 351.

¹⁸ Там же. С. 350.

¹⁹ Черный Саша. Указ. соч. Т. 4: Рассказы для больших, 2007. С. 331.

²⁰ Черный Саша. Соб. соч.: В 5 тт. Т. 3. 2007. С. 353.

«Путь один – русская книга»²¹. Отсюда обращение писателя в своем творчестве к именам и образам русской классической литературы.

Заключение

В рассказе «Буба» высказанное мнение главной героини, ее восприятие и трактовка пушкинского романа «снижают» образ Татьяны Лариной, судьба которой, с точки зрения юной девушки XX века, вполне благополучно устроена. В своем воображении героиня Саши Черного разрушает границы художественного текста и домысливает пушкинский текст в соответствие со своими идеалами и устремлениями. Молоденькая Буба стремится найти свое место в новом для нее мире, где знание французского языка обусловлено жизненной ситуацией, а ее модные увлечения: чтение журналов, посещение кино, занятие балетом – оказываются пародией на образ жизни, воспитание и образование дворянской девушки XIX в. Несомненно, самому автору близки переживания его героя-рассказчика, и авторская ирония становится выражением собственной позиции писателя в оценке происходящего. Так писатель через свои литературные тексты и художественные образы включается в осмысление пушкинского творчества, продолжая своеобразный диалог с русской классической литературой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булатов И.А. Роль «Дня русской культуры» в формировании идентичности русской эмиграции «первой волны» // Человек и культура. 2023. № 2. С. 91–101.
2. Венок Пушкину. Из поэзии первой эмиграции / сост., предисл. и коммент. М. Д. Филина. Москва : Эллис Лак, 1994. 288 с.
3. Жиркова М. А. Александр Куприн и Саша Черный: дружеский и творческий диалог // Вестник РУДН. Сер. Литературоведение. Журналистика. Том. 22. № 3. 2017. С. 407–416.
4. Жиркова М. А. Литературные прообразы героини «Московского случая» // Жиркова М. А. «Несерьезные рассказы» Саши Черного. Москва : Флинта, Наука, 2015. С. 71–82
5. Иванов А. «Ах, зачем нет Чехова на свете!» (Проза Саши Черного) // Черный Саша. Собр. соч.: В 5-ти т. Т.4: Рассказы для больших. / сост., подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. Москва : Эллис Лак, 2007. С. 5–24.
6. Коростелев О. А., Федякин С. Р. Полемика Г. В. Адамовича и В. Ф. Ходасевича (1927-1937) // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 4. С. 204–250.
7. Лебедева С. Э. Основные направления литературной полемики русского зарубежья первой волны и их отражение в журнале «Современные записки»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2007. 26 с.
8. Лотман Ю. М. Пушкин. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1995. 847 с.
9. Миленко В. Д. Саша Черный. Москва : Молод. гвардия, 2014. 366 с.
10. Похлебкин В. В. Кулинарный словарь. Москва : Изд.-во «Э», 2015. 456 с.
11. Пушкин и культура русского зарубежья: Международная научная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения. Материалы и исследования / сост. М. А. Васильева. Москва: Русский путь, 2000. 408 с.
12. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919-1939. Москва : Прогресс-Академия, 1994. 296 с.
13. Рассказова Л. В. Куприна Ксения Александровна // Купринская энциклопедия. авт. проекта и гл. ред. Т. А. Кайманова. Пенза: ИП Соколов А. Ю., 2016. С. 297–298.
14. Сергеева-Клятис А. «Переключаться с Пушкиным»: Ходасевич и Пастернак о массовой и элитарной поэзии // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 325–334.
15. Туманов Д. В. Образ Пушкина в литературе русского зарубежья // Русская литература. 2009. № 4. С. 183-191.
16. Туманов Д. В. Образ Пушкина в публицистике русского зарубежья // Известия Южного федерального ун.-та. Филол. науки. 2009. № 2. С. 135–147.

M. A. Zhirkova (Saint Petersburg, Russia)

TATIANA LARINA IMAGE PERCEPTION BY THE TWENTIETH-CENTURY LITERATURE CHARACTERS IN SHORT STORY «BUBA» BY SASHA CHERNY

Abstract. In Russian emigration of the first wave, A.S. Pushkin became a symbol of the abandoned motherland, a sign of high spiritual culture, the personification of the national spirit. Sasha Cherny's writing is characterized by an appeal to the images of Russian literature, the names of Zhukovsky, Pushkin, Lermontov, Gogol appear in his books and their characters become a part of artistic world of an emigrant writer. Sasha Cherny has a number of works where his heroines are compared with Pushkin's ones. It happens in the story «The Moscow Case» (1926), and the heroine of the story «Buba» (1931) gives her own interpretation to the image of Tatiana Larina. The novelty of the presented

²¹ Черный Саша. Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. 2007. С. 354.

material is explained by the fact that for the first time an attempt was made to comprehend the perception features of Pushkin's heroine from the perspective of a twentieth-century literature using the story "Buba" as an example. As a result of the research, we came to the conclusion that in the work by Sasha Cherny there is a discrepancy between the main characters – the narrator and his niece – in the perception of Tatiana Larina, whose character is largely simplified in a twentieth-century young girl mind. A young Buba strives to find a place in a new world for her, but her fashionable hobbies: reading magazines, going to the cinema, doing ballet – turn out to be a parody of the lifestyle, upbringing and education of a noble girl of the XIX century. Thus, the hidden author's irony becomes an expression of the writer's position. The relevance of the research is determined by the growing interest in the literature of Russian Diaspora, and books by Sasha Cherny in particular. The main research methods were comparative and holistic analysis of the given story. The materials of the article can be used in university courses on history of Russian abroad literature.

Keywords. Sasha Cherny, A. S. Pushkin, Tatiana Larina, a short story, a Russian legend, a narrator, a literary hero.

REFERENCES

1. Bulatov I. A., I' «Dnya russkoi kul'tury» v formirovanii identichnosti russkoi emigratsii «pervoi volny», *Che-lovek i kul'tura* [Man and Culture], 2023, no. 2, pp. 91–101.
2. Venok Pushkinu. Iz poezii pervoi emigratsii / sost., predisl. i komment. M. D. Filina, Moscow, Ellis Lak, 1994, 288 p.
3. Zhirkova M. A., Aleksandr Kuprin i Sasha Chernyi: druzheskii i tvorcheskii dialog, *Vestnik RUDN. Ser. Literaturovedenie. Zhurnalistika* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism], vol. 22, no. 3, 2017, pp. 407–416.
4. Zhirkova M. A., Literaturnye proobrazy geroini «Moskovskogo sluchaya», Zhirkova M. A. «Neser'ez-nye rasskazy» Sashi Chernogo, Moscow, Flinta, Nauka, 2015, pp. 71–82.
5. Ivanov A.. «Akh, zachem net Chekhova na svete!» (Proza Sashi Chernogo), Chernyi Sasha. *Sobr. soch.: V 5-ti t. T. 4: Rasskazy dlya bol'shikh.* / sost., podgot. teksta i komment. A. S. Ivanova, Moscow, Ellis Lak, 2007. pp. 5-24.
6. Korostelev O. A., Fedyakin S. R., Polemika G. V. Adamovicha i V. F. Khodasevicha (1927-1937), *Rossiiskii literaturovedcheskii zhurnal*, 1994, no. 4, pp. 204–250.
7. Lebedeva S. E., Osnovnye napravleniya literaturnoi polemiki russkogo zarubezh'ya pervoi volny i ikh otrazhenie v zhurnale «Sovremennye zapiski»: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2007, 26 p.
8. Lotman Yu. M., Pushkin, Saint Petersburg, Iskusstvo-SPb, 1995, 847 p.
9. Milenko V. D., Sasha Chernyi. Moscow, Molod. gvardiya, 2014, 366 p.
10. Pokhlebkin V. V., Kulinaryi slovar, Moscow, Izd.-vo «E», 2015, 456 p.
11. Pushkin i kul'tura russkogo zarubezh'ya: Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya 200-letiyu so dnya rozhdeniya. Materialy i issledovaniya / sost. M. A. Vasil'eva, Moscow, Russkii put', 2000, 408 p.
12. Raev M. Rossiya za rubezhom: Istoriya kul'tury russkoi emigratsii. 1919–1939, Moscow, Progress-Akademiya, 1994, 296 p.
13. Rasskazova L. V., Kuprina Kseniya Aleksandrovna, Kuprinskaya entsiklopediya. avt. proekta i gl. red. T. A. Kaïmanova, Penza, IP Sokolov A. Yu., 2016, pp. 297–298.
14. Sergeeva- Klyatis A. «Pereklikat'sya s Pushkinym»: Khodasevich i Pasternak o massovoi i elitarnoi poezii, *Literaturnyi fakt*, 2021, no. 1 (19), pp. 325–334.
15. Tumanov D. V. Obraz Pushkina v literature russkogo zarubezh'ya, *Russkaya literature*, 2009, no. 4, pp. 183–191.
16. Tumanov D. V., Obraz Pushkina v publitsistike russkogo zarubezh'ya, *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo un.-ta. Fi-lol. nauki*, 2009, no. 2, pp. 135–147.

Жиркова М. А. Восприятие образа Татьяны Лариной героями литературы XX века в рассказе Саши Черного «Буба // Гуманитарно-педагогические исследования. 2023. Т. 7. № 3. С. 55–60.

Zhirkova M. A. Tatiana Larina Image Perception by the Twentieth-Century Literature Characters in Short story «Buba» by Sasha Cherny, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2023, vol. 7, no 3, pp. 55–60.

Дата поступления статьи –30.08.2023; 0,54 печ. л.

Сведения об авторе

Жиркова Марина Анатольевна – канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры журналистики и литературного образования Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия; manp@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-4107-6944.

Author

Marina A. Zhirkova– Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Journalism and Literary Education of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin, Saint Petersburg, Russia; manp@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-4107-6944.

